

Национальная Академия наук Азербайджана
Институт истории им. А.А. Бакиханова

АБАСОВ ФАХРИ МИТАТ ОГЛУ

ГАРАБАГСКОЕ ХАНСТВО

«ТАХСИЛ»

БАКУ-2007

*Печатается по Решению ученого совета
Института истории им. А.А. Бакиханова
Национальной Академии наук Азербайджана*

Научные редакторы:

член-корреспондент НАН Азербайджана,
доктор исторических наук, профессор,
Заслуженный деятель науки Азербайджана

Ягуб М.Махмудлу,

кандидат исторических наук

Г.Н.Мамедова

Рецензенты:

доктор исторических наук

Рауф А. Гусейн-заде,

кандидат исторических наук

Айдын Х. Асланов

Книга посвящена одному из 20 независимых ханств Азербайджана - Гарабагскому ханству (1747-1822 годы), которое было значительным по территории, влиянию и роли. Основное внимание уделено основателю ханства Панахали-хану (1747-1763), в особенности его сыну и преемнику Ибрагимхалил-хану (1763-1906), которые являлись выдающимися государственными деятелями, полководцами и дипломатами.

В настоящей публикации на базе многочисленных источников и специальных исследований рассмотрены политическая история, социальная и хозяйственная жизнь Гарабагского ханства, а также его взаимоотношения с Российской, Османской и Иранской державами, определены роль и место Гарабагского ханства в истории Азербайджана и Кавказа второй половины XVIII -начала XIX веков.

Издание рассчитано на интересующихся прошлым Азербайджана и Кавказа, а также на научных работников, аспирантов, магистров, студентов исторического профиля.

© Абасов Ф.М.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ОТ НАУЧНОГО РЕДАКТОРА

ВВЕДЕНИЕ

ГЛАВА I Создание Гарабагского ханства: 1747-1863 годы

- 1.1. Предыстория Гарабагского ханства
- 1.2. Создание Гарабагского ханства: 1747-1763 годы

ГЛАВА II Управление и социально-экономическое состояние Карабахского ханства

- 2.1. Политико-территориальная структура Гарабагского ханства
- 2.2. Социально-хозяйственная жизнь Гарабагского ханства

ГЛАВА III Гарабахское ханство в 1763-1805 годы

- 3.1. Укрепление центральной власти при Ибрагимхалил-хане
- 3.2. Взаимоотношения Гарабагского ханства с Российской, Османской и Иранской державами
- 3.3. Гарабагское ханство, Российская империя и армяне
- 3.4. Предыстория Гарабагско-Российского Кюрскчайского трактата 1805 год

ГЛАВА IV Гарабагское ханство в 1806-1822 годы

- 4.1. Гарабагско-Российский Кюрскчайский трактат 1805 года и его значение
- 4.2. Убийство Ибрагимхалил-хана
- 4.3. Мехтигулу-хан и ликвидация Гарабагского ханства
- 4.4. Место Гарабагского ханства в истории Азербайджана и Кавказа

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

XULASƏ

SUMMARY

БИБЛИОГРАФИЯ

ОТ НАУЧНОГО РЕДАКТОРА

Предлагаемая вниманию специалистов-историков и широкого круга читателей исследование Фахри Абасова способствует более полному раскрытию Гарабагской проблемы, столь обострившейся и актуальной в наши дни. Не менее важной является также сама тема Гарабага - одной из исторических областей Азербайджана, в котором существовало с 1747-1822 годы одно из 20 азербайджанских независимых ханств Гарабагское.

Акцентируя внимание на истории Гарабагского ханства, считаю нужным сделать небольшой экскурс в далекое прошлое Гарабагской земли. Именно на этой территории состоялась находка первого и единственного на постсоветском пространстве и четвертого в мире артефакта-костных остатков неандертальца, обитавшего здесь, в Азыхской пещере, 350 тыс. лет назад.

Позднее Гарабаг вошел в состав Албанского государства (III век до н.э. - начало VIII века), а затем был включен, как и весь Азербайджан, в Арабский халифат. Впоследствии эта область находилась в пределах Ширванского, Ильденизидского, Хулагидского, Гарагойунлу, Аггойунлу, Сефевидского государств. В составе последнего существовало Гарабагское бейлербейство, которое в 1747 году трансформировалось в независимое государственное образование Гарабагское ханство. Тем самым вновь возродилась азербайджанская государственность, истоки которой фиксированы еще в IX веке до н.э. - это Маннейское царство (IX-VII века до н.э.).

Основателем и первым главой Гарабагского ханства был Панахалихан (1747-1763), столицей его являлась восстановленная из руин город Шуша, в которой чеканали высокопробную серебряную монету панахабади.

Преемником и наследником Панахали-хана стал его сын Ибрагимхалил-хан (1763-1806), при котором Гарабагское ханство достигло максимальных своих размеров и влияния на политическую историю Южного Кавказа.

Третьим и последним главой Гарабагского ханства был Мехтигулухан, сын Ибрагимхалил-хана (1806-1822).

Среди важнейших событий в истории Гарабагского ханства обращают на себя внимание его взаимоотношения с Османской, Иранской, в особенности Российской империями. В случае же с последней - российская завоевательная политика на Южном Кавказе - способствовала христианизации этого обширного региона.

В связи с этой стороной экспансионистской политики Российской империи на Южном Кавказе было массовое заселение в Северный Азербайджан, в том числе в Гарабаг, пришлых армян, прародина которых, по заключению арменистов, находится в исторической области Фракия, что на Балканах, то есть в Европе. Именно отсюда предки армян в VIII веке до н.э. попали в Малую Азию и, постепенно мигрируя в восточном направлении, оказались на подступах к Кавказу.

В первой трети XIX века, присоединив силой оружия и системой неравноправных договоров Южный Кавказ, Российская империя в целях создания христианского форпоста против местного азербайджано-мусульманского населения начала осуществлять массовое планомерное и целенаправленное переселение в Северный Азербайджан армян из Османской и Иранской держав. В итоге, значительное количество армян были обустроены в Гарабаге.

Уже вскоре после этого армяне-мигранты стали заявлять о своих притязаниях на эту и другие земли Азербайджана, как на «армянские территории», в связи с чем русский поэт и дипломат А.С.Грибоедов писал российскому императору Александру I, что “армян ни в коем случае нельзя заселять в центральные губернии России, ибо они -такое племя, которое, несколько десятилетий спустя, заявят на весь мир, что это - исконно армянские земли”.

А.С.Грибоедов не ошибся: с тех пор и по сей день армяне при поддержке своих покровителей периодически затевают войны с соседями с тем, чтобы отхватить для себя новую территорию на Кавказе. Так, они, при непосредственной помощи царской России создав на территории Западного Азербайджана свое государство, претендуют не только на Гарабаг, но и другую историческую область Азербайджана - Нахчыван, а также на грузинскую губернию Самцхе-Джавахети, на территории в российских Краснодарском и Ставропольском краях.

Вот почему армяне с оружием в руках после распада Российской империи в 1917 году и Советской империи в 1991 году стараются реализовать свои притязания на земли Азербайджана, Грузии, Турции и России. Если в царский период они находили в этом поддержку у Санкт-Петербурга, то впоследствии в годы советской власти - у Москвы. Лишь так

можно было одолеть Азербайджан и захватить его земли: в 1918-1920 годах Азербайджанская Демократическая Республика уступила Иреван и Зангезур, в 1988-1994 годах у Азербайджанской ССР и Азербайджанской Республики были оккупированы 20% земель, в том числе и Гарабаг.

Однако, несмотря на это, Азербайджан уверен, что правда восторжествует, и в ближайшем будущем он вернет себе свои исторические земли. Ибо исторические, политические и международные юридические права на стороне Азербайджана - страны, которая никогда не претендовала и не претендует на чужую территорию. А Гарабаг, как и ныне захваченная армянами силой оружия его Нагорная часть, - неотъемлемая составная и органичная часть азербайджанской земли. *Ягуб М. Махмудлу*

ВВЕДЕНИЕ

Дефиниция *Гарабаг* в древнетюркском языке означает «земля-сад», «страна-сад», «страна-виноградник» [170, с.77]. Применительно к Азербайджану эта дефиниция впервые употреблена знаменитым сахиб-везиром Ильханов Хулагидов Рашид ад-Дином в XIII веке [198, с.231, 244, 270], который считал Гарабагом один из вилайетов Хулагидского государства. Дефиниция означала междуречье Куры и Араза, то есть центральную часть территории Кавказской Албании, включавшей пять из 11 исторических областей этого азербайджанского государства: Арцах, Сюник, Ути, Сакасену, Пайтакаран [1135, с.92-95]. Здесь находились города Гянджа, Барда, Шамкир, Шуша, Агдам, Байлакан, а также множество крепостей, в том числе такие значительные, как Баязет, Йунан, Лемберан, Баят, Шахбулаг, Загам, Гандзасар, Хачын, Джраберд и Полистан. Через Гарабаг пролегали важные торговые артерии, общая протяженность которых составляла 45 *фарсахов* (около 300 км), они соединяли важнейшие города и села этой исторической территории между собой, а также с остальным Азербайджаном и другими странами.

На гарабагской земле вплоть до первой половины XVIII века последовательно существовали различные политические и административные единицы, в том числе Албанское царство, Великое княжество Албанское, Хачынское княжество, Гарабагское бейлербейство и во второй половине XVIII - начале XIX веков - Гарабагское и Гянджинское ханства.

Территория Гарабагского ханства включала весь исторический Гарабаг: от реки Куры на северо-востоке до реки Араз на юго-востоке и от горы Муров-даг на северо-западе до Зангезура на юго-востоке; другими словами, -междуречье Куры и Араза, от слияния этих рек на востоке до

Зангезура включительно на западе. Оно граничило с Шекинским, Гянджинским, Иреванским, Нахчыванским, Гарадагским, Джавадским и Шамахинским ханствами.

Более 20 ханств, существовавших на азербайджанской территории во второй половине XVIII - начале XIX веков, занимали земли *исторического Азербайджана*, простиравшиеся от Дербенда на севере до Хамадана на юге, от Каспийского моря на востоке до Малой Азии и Грузии на западе. Общая площадь - 410 тыс. кв. км [138, с.68].

В первой трети XIX века по условиям договоров между Российской и Иранской сторонами - Гюлистанскому (1813) и Туркменчайскому (1828) историческая родина азербайджанцев оказалась поделенной между ними. В итоге появились Северный Азербайджан и Южный Азербайджан, развивающихся по разным историческим и социально-экономическим моделям. Тем не менее, азербайджанцы не только не утратили, но и смогли сохранить и укрепить язык, менталитет, национальную самоидентификацию, историческую память, материальную и духовную культуру. Ныне азербайджанцев в мире около 50 млн. (оценка), большая часть которых проживает на своей родине - в Северном Азербайджане - 8 млн., в Южном - более 35 млн., остальные - в широкой диаспоре, в том числе в России (более 2 млн.), США (1 млн.), Грузии (500 тыс.), Казахстане (более 100 тыс.), Германии (250 тыс.), Франции (150 тыс.).

На азербайджанской земле (Южный Азербайджан) существовало в IX-VII веках до н.э. первое на Южном Кавказе государство - Маннейское царство; а также государства, история каждого из которых оставила свой след в развитии мировой цивилизации, среди них особо следует выделить Албанское царство (IV в. до н.э. - VIII в. н.э.) и Сефевидскую державу. Здесь же появилось первое на Востоке демократическое парламентарное государство - Азербайджанская Демократическая Республика (1918-1920) в северной части страны, где ныне (с 1991 года) существует восстановившая свой суверинитет ее независимая Азербайджанская Республика.

Кавказ издавна является, если следовать терминологии Х.Дж. Маккиндера - одного из самых известных в мире ученых-политологов, одним из «Хартлендов» («Сердцевинная земля», «Срединная земля») [233]. Иными словами, Кавказ - одна из географических осей мира, и на это имеется множество оснований. Во-первых, если взглянуть на географическую карту, то бросается в глаза, что Кавказский край представляет собой перешеек па Евразийском пространстве. Во-вторых, через него пролегают маршруты, связывающие Запад с Востоком и Север с Югом. В-четвертых, край привлекал своими природными богатствами, обилием флоры и фауны. В-

четвертых, именно поэтому сюда стремились мировые империи и различные племена, путешественники и купцы, ученые и миссионеры, географы и культуртрегеры.

Хартлендом на Южном Кавказе всегда был и остается по сей день Азербайджан: он более других богат природными ресурсами, густонаселен, располагает удобными путями, а также всеми необходимыми инфраструктурами.

На этой благодатной земле существовало азербайджанское Гарабагское ханство - объект нашего исследования.

Эта земля видела киммерийцев, скифов, гуннов, хазар, арабов, сельджуков, монголов и османов. Сюда стремились Александр Великий, Рим, Византия, Арабский халифат, Хазарский каганат, Сельджукская империя, Чингиз-хан и великий Тимур.

В период Гарабагского ханства главными внешними фигурантами стали Российская, Османская и Иранская монархии. Взаимоотношения между этими геополитическими игроками на Кавказской шахматной доске во многом повлияли на историю Азербайджана, в том числе Гарабагского ханства.

Изучение процесса воссоздания государственности в Азербайджане во второй половине XVIII века на примере ханств остается одной из актуальных задач исторической науки. Долгие годы образование ханств напрямую связывалось с ослаблением центральной власти в Иранском государстве, господством натурального хозяйства. Однако, вполне очевидно, что отдельные регионы Азербайджана ко второй половине XVIII века накопили уже достаточно большой опыт государственности и автономного существования в связи с децентрализацией власти Сефевидов. Сказанное относится в первую очередь к Гарабагскому (Гянджинскому) бейлербейству Сефевидской державы. Оно было довольно обширным, включало территории между Курой и Аразом [215, с.88]. В его состав входили следующие города с их областями - Барда и Ахстабад (ныне Акстафа), Баргушат и Арасбар, Джаваншир и часть прилегающей территории Грузии. Главным городом Гарабагского бейлербейства была Гянджа, впоследствии ставшая столицей одного из важных ханств Азербайджана Гянджинского.

К месту отметить, что Гарабагское ханство, наряду с другими ханствами, в особенности с Губинским, проводившим политику консолидации северо-восточного Азербайджана под эгидой Фатали хана, принадлежало к значительным и могущественным политическим структурам, существовавшим во второй половине XVIII - начале XIX веков в

Азербайджане [117, т. III, с.416-426; 165, с.85-861. Среди независимых азербайджанских ханств, обладая всеми основными атрибутами государственности: собственной администрацией, войском, монетным чеканом и династией наследственных правителей - ханов, многие ханства вели самостоятельную внутреннюю и внешнюю политику. Они оказали заметное влияние на историю и политическую жизнь Азербайджана второй половины XVIII века. Не случайно известный американский азербайджановед Т. Свентоховски назвал этот период в истории Азербайджана временем независимости [218, с.83].

В современных условиях Азербайджанская Республика, восстановив политическую независимость, воссоздает и развивает национальную государственность, утраченную ранее в рамках Российской империи, а затем в составе Советской империи.

Обозревая предысторию Гарабагского ханства, следует отметить, что созданное в начале XVI века централизованное независимое Азербайджанское Сефевидское государство стало конкретным свидетельством общности азербайджанского народа, подтвердило его способность строить собственными силами свою государственность. Как известно из истории, с Сефевидским государством должны были считаться крупные страны Запада и Востока [197].

В силу ряда политических, экономических и других причин со второй половины XVII века начался упадок Сефевидского государства, но опыт создания, функционирования и развития азербайджанской государственности не был утрачен. Существовавшие в период Сефевидской державы на азербайджанской территории четыре бейлербейства - Гарабагское (Гянджинское), Ширвапское, Чухурсаадское, Табризское (Азербайджанское) - были конкретным свидетельством дальнейшего развития государственности в Азербайджане. Правители бейлербейств, укрепив свою власть, стремились проводить самостоятельную политику. С авторитетом Гарабагского бейлербея вынуждены были считаться сефевидские шахи, грузинские цари, османские султаны.

Как средневековая, так и современная история Гарабага всегда была объектом пристального внимания многих поколений историков в том числе азербайджанских, русских, западных и восточных. В нынешних условиях, когда продолжается агрессия Армении против Азербайджана, армянские псевдоисторики издают множество околонучных, публицистических трудов, тем самым вводя в заблуждение научный мир и мировую общественность в отношении исторического прошлого и настоящего Гарабагского края. По этим причинам актуальность исследуемой нами проблемы требует

тщательной разработки вопроса по оспариваемой Арменией территории Нагорного Гарабага. Приведем беспристрастное мнение «нейтральных» - английских историков - относительно предвзятости которых не может быть и речи. Дж.Маккарти и К.Маккарти отмечают: «Одной из областей армянской иммиграции стало Карабахское ханство, территория которого и по сей день остается камнем преткновения в армяно-тюркских отношениях» [193, с.34].

В работах армянских историков предпринимаются попытки доказать, что существовавшие на территории Гарабага христианские меликства были «армянскими государственными образованиями», сыгравшими едва ли не главную роль в процессе становления и функционирования Гарабагского ханства.

История Азербайджана, в том числе Гарабага, свидетельствует о следующем:

1. Армянский этнос стал известен на азербайджанской земле, только начиная с первой трети XIX века, когда в итоге двух русско-османских и русско-иранских войн, а также по условиям русско-иранского Туркменчайского мира 1828 года и русско-османского Адрианопольского мира 1829 года иранские и османские армяне в огромном количестве были в организованном порядке переселены российскими властями на Южный Кавказ, преимущественно в Азербайджан.

2. В итоге, если в 1822-1826 годах армян здесь было 51 530 или 9.3% жителей, то в 1916 году их стало 1 208 615 или 32.8% всего населения [156, с.227-236].

3. Согласно статье XV Туркменчайского мирного договора, заключенного в 1828 году между Российской и Иранской империями, соперничавшими за Азербайджан, по окончании второй русско-иранской войны 1826-1828 годов армянам Иранского государства предоставили возможность свободного переселения на Южный Кавказ [72, с.214-227] Для этого [68, с.44-48, 108]:

- на землях бывших азербайджанских Нахчыванского и Иреванского ханств была создана в 1828 году особая Армянская область;
- армянин на российской службе полковник Х.Лазарев был назначен главным исполнителем переселения иранских армян, которые обитали в Иранском государстве, преимущественно в южных областях Азербайджана;
- переселенцам предоставили транспорт, денежное обеспечение и казачий конвой в пути следования, а также земли и временное освобождение от податного бремени.

Большинство иранских армян оказалось в Гарабагском ханстве, куда они переселились по совету Х.Лазарева [68,0.48,87, 108].

Относительно топонима «Арцах», как порой именуют Нагорный Гарабаг, отметим, что он - албанского происхождения. В современном языке удин, одного из 26 албанских племен, отмеченных у древнегреческого автора I века Страбона, употребителен глагол *арцесун*, означающий «сидеть, садиться». От этой глагольной формы образовано *арци* - «оседлый; люди, ведущие оседлый образ жизни» [163, с.48]. Соответственно, топоним «Арцах» образован от корня *арци* и форманта ~ *ах*. Он представляет собой один из многочисленных топонимов, которые снабжены суффиксами множественного числа (собирательности). На территории Кавказа, в том числе в Азербайджане и Южном Дагестане, где проживают автохтоны, в том числе потомки албан, до сих пор сохранились такие топонимы с формантами *-ах*, *-ех*, *-ух*, *-ох*, *-их*, *-юх*, *-ых*. Они свойственны именно кавказским языкам, но ни в коей мере индоевропейским, к которым относят армянский. Например, Дарб-ах, Джин-их, Ади-юх, *Кум-ух*, *Хунз-ах*, Казикум-ух, Кар-ах, Уркар-ах, Ботл-их, Кур-ах, Мамр-ух, Цатан-их. Ряд может быть продолжен (91; 182, указатель геогр. назв.).

Обращает на себя внимание еще одно очень важное обстоятельство. Почему арменисты пишут «Историю армянского народа», то есть историю этноса, а не историю Армении? В отличие, скажем, от азербайджанцев и грузин, публикующих, соответственно, «Историю Азербайджана» и «Историю Грузии».

Среди нюансов Гарабагской проблемы есть и такие:

- Кюрекчайский трактат в 1805 году был заключен между двумя *суверенными* государствами - Гарабагским ханством и Российской империей, то есть между двумя субъектами международного права. Поэтому об албанских христианских меликах, являвшихся вассалами ханов Гарабага, нет даже упоминания в этом трактате.

- С тех пор Гарабагское ханство оказалось в составе имперских владений, то есть фактически трансформировалось в объект.

- В 1813 и 1828 годах были подписаны Гюлистанский и Туркменчайский мирные договоры между двумя *суверенными* государствами - Россией и Ираном. В этих договорах Гарабаг не упоминается, ибо он уже был в составе Российской империи. Он превратился в Гарабагскую провинцию. Тем более не могло идти какой-либо речи об албанских христианских меликах, владения которых трансформировались в административные единицы - магалы - Гарабагской

провинции. Впоследствии, в составе Елизаветпольской губернии Кавказского наместничества Российской империи, появился Шушинский уезд; его территория - 4 900 кв. км, население - 141 тыс. (1897 год) - азербайджанцы, русские, армяне. Уезд включал 60 сельских обществ, 245 населенных пунктов [59, с.421]. Шушинский уезд включал Нагорный Гарабаг, превращенный в 1923 году в Нагорно-Карабахскую Автономную область Азербайджанской ССР, территория которой составила 4 400 кв. км [220, с.465-466], то есть на 500 кв. км меньше, чем Шушинский уезд.

На основании вышесказанного считаем, что комплексное изучение создания, существования и развития Гарабагского ханства и в наши дни остается одним из приоритетных и актуальных направлений в отечественной исторической науке.

Поэтому целью и задачей исследования является изучение и обобщение данных различных источников, а также достижений исторической науки с тем, чтобы показать общее и особенное в создании, существовании и развитии одного из наиболее крупных государственных образований 1 Азербайджана второй половины XVIII - начала XIX веков - Гарабагского ханства, сыгравшего важную роль в сохранении и дальнейшем развитии азербайджанской государственности, а также рассмотреть проблему с учетом сегодняшней ситуации на Южном Кавказе и вокруг него.

В этой связи в работе ставится задача проанализировать исторические факты, показать условия, которые привели к созданию Гарабагского ханства; доказать, что территория, где оно возникло, было одной из составных частей Азербайджана, имело статус бейлербейства, накопившего исторический опыт и традиции самостоятельного государственного образования; показать, что создание азербайджанских ханств являлось следствием динамичного и объективного развития феодальных отношений, как поступательного хода исторического процесса; осветить вопросы, связанные с устройством Гарабагского ханства, рассмотрев природу ханского абсолютизма, определив структуру государственного управления, роль и место административных учреждений в системе власти; провести всесторонний анализ взаимоотношений вассальных христианских меликов с ханской властью; определить их место в системе государственного устройства Гарабагского ханства, подтвердив, что они никогда не были самостоятельными политическими единицами; раскрыть механизм действия местного административного ресурса, функции городской и сельской администрации (наибов, калантаров, магалбеков, кендхуда); последовательно изложить политическую историю Гарабагского ханства, подчеркнуть, что его расцвет начинается с 60-х годов XVIII века и во многом

связан с деятельностью Ибрагимхалил-хана, который вел самостоятельную внешнюю политику и активно отстаивал свою линию во взаимоотношениях с Иранским, Османским и Российским государствами; выяснить уровень развития хозяйства и торговли в Гарабагском ханстве; проследить важные военно-политические линии: «Гарабагское ханство - Российская империя - Османская держава - Иранское государство», «Гарабагское ханство - Российская империя - армяне»; установить место Гарабагского ханства в истории Азербайджана и Южного Кавказа; способствовать расширению информационного поля Гарабагской проблемы, чтобы помочь ее объективному восприятию мировой общественностью.

Исходя из вышеперечисленного, хронологическими рамками нашего исследования охвачен период от образования Гарабагского ханства в 1747 году до его формальной ликвидации российскими властями в 1822 году, т.е. в течение 75 лет, которые составляют время независимости ханства и деятельности грех ханов гарабагских. Во-первых, основателя и первого его главы Панахали-хана (1747-1763), при котором была создана структура ханства, заложена столица - город Шуша, появились собственное войско и монетный чекан.

Во-вторых, его сына и приемника Ибрагимхалил-хана (1769-1806), при котором ханство достигло наибольшего подъема и расцвета, но в начале XIX века стало объектом военной экспансии Российской империи. Пытаясь сохранить ханство, Ибрагимхалил-хан подписал в 1805 году Кюрекчайский трактат, по условиям которого его владения оказались аннексированы российской стороной.

В-третьих, период формального правления последнего владельца Мехтитулу-хана (1806-1822), при котором Гарабагское ханство было превращено в одноименную провинцию Российской империи.

Гарабагское ханство уже более 150 лет привлекает внимание историков. В XIX веке А.А. Бакиханов заложил концептуальный фундамент научного изучения азербайджанской истории, став основателем современной отечественной историографии. Его идеи нашли органичное воплощение в сочинении «Гюлистан-и Ирам», которое является первым известным изложением истории Азербайджана, охватившем время от античности до середины XIX века [56]. В его труде впервые введено в оборот большое количество сведений из сочинений римских, греческих, византийских, персидских, османских, грузинских авторов и современников А.А.Бакиханова. Он осветил политическую историю азербайджанских ханств, в том числе Гарабагского, дал собственную оценку деятельности

выдающихся Гарабагских правителей - Панахали-хана и Ибрагимхалил-хана.

Продолжателями своего великого предшественника стали азербайджанские историки, проделавшие большую работу по изучению истории Азербайджана второй половины XVIII - начала XIX веков, то есть времени существования независимых ханств. Начало было положено в середине XX века, когда появилась первая коллективная обобщающая работа в 3-х томах, подготовленная Институтом истории им. А.А. Бакиханова Национальной АН Азербайджана [206]. Во второй половине XX века был опубликован первый фундаментальный обобщающий труд, в котором отражена также история азербайджанских ханств [177].

После обретения вновь Азербайджаном независимости в 1991 году увидели свет свободные от идеологических концепций обобщающие труды по истории страны [115; 116; 117; 178]. В этих изданиях объективно рассмотрена и оценена военно-политическая, социально-экономическая жизнь, внутренняя и внешняя политика азербайджанских ханств, в том числе Гарабагского.

Мы имеем в виду изложение и анализ таких эпохальных событий для Азербайджана и его народа, как Кавказская война 1803-1872 годов Российской империи против народов и государств Кавказа; две русско-иранские и две русско-османские войны первой трети XIX века; Гюлистанский (1813) и Туркменчайский (1828) мирные договоры между Россией и Ираном, по условиям которых ханства Северного Азербайджана, в том числе Гарабагское, были признаны за Российской империей, а затем ликвидированы и превращены в административные единицы ее Кавказского наместничества; массовое переселение в XIX - начале XX веков османских и иранских армян на Южный Кавказ, преимущественно в Азербайджан, в том числе па территорию бывшего Гарабагского ханства; последствия этого процесса, организованно проведенного российским правительством, для Азербайджана, его народа и земли, вплоть до последней армянской агрессии 1988-1994 годов против нашей страны и отторжения Нагорного Гарабага и прилегающих к нему районов.

Большую роль в освещении проблемы развития феодальных отношений в Азербайджане во второй половине XVIII века сыграли работы видного русского востоковеда И.П.Петрушевского [92; 210; 211]. Особо следует отметить одну из первых работ, посвященных целиком истории Азербайджана XVIII века, - монографию В.Н. Левиатова [189], которая не потеряла своей научной значимости в наши дни. Единственным, на наш взгляд, ее недостатком является отсутствие архивных материалов. Автор

по преимуществу использовал труды русских дворянских историков XIX века и, находясь под влиянием их взглядов, ряд вопросов истории ханств осветил несколько односторонне, и к тому же в обобщенном виде. В.Н. Левиатов, исходя с позиций советской идеологии, ошибочно считал исторически необходимым присоединение азербайджанских ханств к России.

В фундаментальной монографии Г.Б.Абдуллаева 431, на основе большого количества источников и архивных материалов разработаны вопросы политических и торгово-экономических связей азербайджанских ханств с Россией. При всей ее значимости, работе Г.Б.Абдуллаева свойственна односторонняя оценка конкретного содержания процесса взаимоотношений ханств с Россией. Под влиянием господствовавшей в советской исторической науке концепции автор пытается убедить читателя в том, что завоевание Азербайджана Россией имело для судеб азербайджанского народа лишь прогрессивное значение.

Представляет интерес работа О.П.Марковой [196], в которой на большом архивном материале рассмотрена политика России в отношении азербайджанских ханств. Автор делает вывод, что на первый план кавказской политики России выдвигалось «стратегическое и политическое положение Кавказа» и, по ее мнению, интерес к экономическим и природным ресурсам региона не был определяющим. Мы считаем данный вывод неправильным, как и утверждение автора о том, что Россия ставила единственной целью в своей политике в Азербайджане прекращение распрей между ханствами, что, по нашему мнению, в корне противоречило проводимой царской Россией политике, которая носила колонизаторский, захватнический, имперский характер.

В подтверждение данного тезиса сошлемся на труды русских кавказоведов начала XX века. Так, Н.Н. Шавров специально обратил внимание на значение Южного Кавказа, в первую очередь, Азербайджана, Каспийского моря для российских интересов. В частности он пишет: «Здесь именно растут те сельскохозяйственные произведения (так в тексте. - Ф.А.), которые не могут с выгодой культивироваться в России, как хлопок, туту, табак, рис, кунжут, красильные растения» [108, с. 19]. Тот же автор считал, что «колонизация для выдворения избытка населения внутренних губерний составляет одну из важнейших современных государственных задач России. Поэтому развитие русской колонизации во всех малонаселенных землях прилегающих к Каспийскому бассейну, должно быть признано за самую важную политическую задачу правительства» [108, с.25-26]. В другой работе

Н.Н. Шавров прямо говорит о «колониционной политике России в Закавказье» [106, с.62].

История ханств и общие проблемы завоевания Южного Кавказа Россией, которые, однако, преподносились как присоединение, нашли отражение в работах А.Ш. Мильмана [198], Х.М. Ибрагимбеги [172], в коллективной монографии под редакцией А.Н.Гулиева и В.Д.Мочалова [212].

Одним из первых проблематикой Гарабагского ханства вплотную занялся Э.Б. Шукюрзаде. Ему принадлежит первое исследование истории Гарабагского ханства, а также статьи, посвященные деятельности его основателя Панахали-хана и его преемника Ибрагимхалил-хана, а также дипломатической деятельности везира ханства Молла Панах Вагифа [136; 137; 225; 226]. Вместе с тем следует учесть, что работы Э.Б. Шукюрзаде были написаны в 40-е годы XX века, когда большая часть архивных материалов и документов не была доступна. Это привело к тому, что многие вопросы истории ханства, его внешней политики не стали объектом детального рассмотрения. Тем не менее, именно работы Э.Б. Шукюрзаде, а затем М.М. Мустафаева [200] заложили основу глубокого исследования Гарабагского ханства и определили основные направления в его изучении.

Подлинно научное, глубокое изучение истории Азербайджана вообще и второй половины XVIII – начала XIX веков в частности началось в 50-80-е годы XX века. Хотя тогда наша тема не была объектом специального исследования, однако в трудах таких азербайджанских историков, как А.А. Рахмани [215], Ф.М.Алиев [120; 12г 147; 148; 149], Т.Т. Мустафаев [131; 132], Г.Н.Мамедова [195], С.М. Гаджиева [158], Х.М.Мамедов [130], М.С. Искендерова [174], Дж.М. Мустафаев [199], содержатся весьма ценные факты и суждения по политической, экономической и социальной жизни Азербайджана XVIII-XIX веков.

В указанные годы появляются диссертации, статьи и другие публикации по истории отдельных азербайджанских ханств. В них в том или ином ракурсе рассматриваются взаимоотношения ханств между собой. Наряду с этим, значительно расширилась тематика статей и публикаций, посвященных истории Гарабагского ханства. Так, генеалогия гарабагских ханов нашла отражение в специальной статье Э.Б. Шукюрзаде [226], новые данные об основателе этого государства - Панахали-хане приведены в исследовании Г.А. Далили [119]. В статье Т.Т.Мустафаева [131] рассмотрено положение Гарабагского (Гянджинского) бейлербейства в первой половине XVIII века, показаны его границы и место в империи Надир-шаха. На основе большого количества архивных документов и свидетельств очевидцев видный азербайджанский историк А.А. Гусейнзаде [164] в специальной

публикации раскрыл причины, побудившие Ибрагимхалил-хана покинуть Шушу в 1797 году в период второго похода Ага Мухаммед-шаха в Гарабаг.

Для раскрытия внешней политики гарабагских ханов, их взаимоотношений с соседями, в частности с Грузией, представляют большой интерес статьи и монография Ш.П. Гамидовой [124, 125].

Проделана также большая работа по изучению специфики феодальных отношений, экономики, социально-классовой структуры азербайджанских ханств. Это - труды И.П. Петрушевского [92], И.М.Гасанова [161], Е.А.Пахомова [208] Г.А. Дадашева [166]. Особо следует отметить исследования А. Раджабли [214] и Х.Ю. Вердиевой [156]. Освещена также история и архитектура города Шуши [145].

В последние годы появилось несколько работ, посвященных Гарабагу и Гарабагскому ханству. В 1998 году издана книга о взаимоотношениях ханства с соседними государствами [112]. Она построена на важных архивных документах и источниках, что позволило автору обобщить и осветить внешнюю политику Гарабагского ханства во второй половине XVIII - начале XIX веков, а также прийти к определенным выводам. В работе конкретно рассмотрены образование ханства, его административное устройство, взаимоотношения с Российской и Османской империями, Грузинским царством.

В 1999 году была опубликована книга, посвященная социально-экономическому состоянию ханств Северного Азербайджана во второй половине XVIII - начале XIX веков [113]. В ней рассмотрены система управления, сельское хозяйство, социальный состав населения, землевладение, землепользование, водопользование, подати и повинности. Из новейших публикаций отметим появившуюся в 2002 году работу. «Карабах», в которой на основании многочисленных документов и источников изобличаются фальсификация и ложь армянских «исследователей» относительно этой азербайджанской исторической области [128]. В 2004 году был издан сборник статей, посвященных одной из историко-культурных регионов Азербайджана - Гарабагу [185]. Авторы статей базируются на объективных исторических фактах, главный целью изложения является показ подлинной картины в аспекте многовековой истории и Материальной и духовной культуры Гарабагской зоны.

К важнейшим публикациям последнего времени принадлежит труд Я.М.Махмудова и К.К. Шукюрова «Гарабаг. Реальная история, факты, документы», изданная в 2005 году на азербайджанском и английском языках. На большом фактическом материале авторы раскрывают всю историю Гарабага от древности до наших дней. Особое внимание уделено

Гарабагскому ханству [129]. Вызывает интерес издание, посвященное 200-летию Кюрекчайского договора 1805 года, заключенного между двумя субъектами международного права - Гарабагским ханством и Российской империей [159].

В 2007 году издана книга, посвященная социально-экономическим отношениям и государственному устройству Гарабагского ханства [123]. Автор поставила перед собой цель - изложить историю создания Гарабагского ханства, показать его территорию, население и этнический состав, состояние сельского хозяйства, ремесла и торговли, систему обложения, административное деление, военное и судебное дело.

В отмеченных работах азербайджанских и русских ученых в целом объективно отражена экономическая жизнь, уровень развития феодальных отношений, торговля, ремесло и социальная структура Гарабагского ханства.

История Гарабагского ханства стала предметом «особого» рассмотрения в работах армянских историков, которые стараются превзойти один другого в фальсификации границ Гарабага, этнического происхождения его населения, в попытках доказать, что албанские мелики вели самостоятельную политику и не подчинялись азербайджанским ханам. Более того, они усиленно педалируют «армянское происхождение» этих меликов.

Что же касается правового статуса албанских христианских меликств, следует отметить следующее:

- Несмотря на сепаратистские устремления они оставались вассалами гарабагских ханов, на территории которых находились;
- они не могли вести самостоятельную внешнюю политику, что было прерогативой глав Гарабагского ханства;
- поэтому Кюрекчайский трактат 1805 года был подписан между Гарабагским ханством и Российской империей как субъектами международного права;
- поэтому албанские христианские меликства даже не упомянуты в трактате, ибо они полностью подчинялись гарабагским ханам;
- поэтому они не фигурируют в Гюлистанском (1813) и Туркменчайском (1828) мирных договорах между Российской империей и Иранским государством, ибо тогда само Гарабагское ханство превратилось в объект международного права, оказавшись в составе российских владений на Южном Кавказе.

История азербайджанских ханств, в том числе Гарабагского, нашла отражение в работах ряда иранских и западноевропейских авторов. Их отличает определенная тенденциозность в освещении взаимоотношений между ханствами и Ираном. В частности, эти авторы не хотят признавать

независимости гарабагских ханов, в том числе самостоятельной внешней политики Ибрагимхалил-хана.

Таким образом, уровень изученности проблемы, ставшей объектом нашего исследования, свидетельствует о существенных достижениях предшественников. В то же время можно констатировать, что до сих пор нет обобщающей работы о Гарабагском ханстве, что и обусловило наш выбор, который продиктован велением времени, необходимостью самостоятельного изучения истории Гарабагского ханства. Тем более, что ныне вновь всплыла на поверхность политическая составляющая Гарабагской проблемы, которая приобрела международный характер, особенно в ходе и после военной агрессии 1986-1994 годов Армении против Азербайджана, когда оказались захвачены Нагорный Гарабаг и прилегающие к нему районы нашей страны.

Поэтому в завершение историографического обзора считаем необходимым остановиться на истории Гарабагской проблемы,

В 1945 году советским спецорганам стал известен подготовленный армянской националистической партией «Дашнакцутюн» «Путеводитель для наших пропагандистов» [160, с.214-215; со ссылкой на архив МНБ АР, д.862, л.3, IV часть, л. 1-7], в котором, в частности, говорилось, что к Армении подлежат быть присоединенными «захваченные» Азербайджаном Нагорный Гарабаг, Шарур и Нахчыван. Хотя деятельность «Дашнакцутюн» в СССР была запрещена, тем не менее руководство Советской Армении с того же 1945 года неоднократно направляло в Кремль справки и письма, в которых повторялись территориальные требования дашнакцаканов к соседним государствам, в том числе к Азербайджану [160, с.374-379]. Одно из таких писем от 28 ноября 1945 года ЦК ВКП(б) направил первому секретарю ЦК КП Азербайджана М.Дж. Багирову. В нем говорилось, что Нагорно-Карабахская Автономная область примыкает к территории Армении, и население области является в основном армянским: из 153 тысяч жителей 137 тысяч составляют армяне. Вхождение области в состав Армении даст им возможность получить высшее образование на родном языке, а Армянская ССР получит пополнение кадров из области.

М.Дж. Багиров дал указание собрать необходимый материал для ответа. В подготовленной на его основе справке о границах и населении бывшего Гарабагского ханства указывалось, что оно располагалось между Курой и Аразом, граничило с севера, по реке Кюрекчай, - с Шекинским ханством, с востока, вдоль реки Кура, - с Шамахинским, по Муганской степи - с Карадагским, с юго-запада - с Нахчыванским, с запада - с Эриванским ханствами. Во второй половине XVIII века население ханства составляло 130 тыс. чел. [8, л. 1-60], и абсолютное их большинство изначально были

азербайджанцы. В конце того же столетия, по данным А.Д.Дубровина, в ханстве было 60 тыс. семей или, примерно, 300 тыс. жителей [74, т.VI, с.23]. После колонизации Северного Азербайджана Россией в демографии Нагорной части Гарабага произошли изменения; об их динамике можно судить по составленному в 1823 году «описанию Карабахской провинции», где дана численность семей и фамилии глав семей в Шуше и во всех селах [89]. Русский кавказовед Н.Н. Шавров отметил переселение только в 1828-1830 годах 40 тысяч армян из Ирана и 84 600 армян из Османской империи в Елизаветпольскую и Эриванскую губернии, и в заключение констатировал, что в начале XX века в Закавказье уже обитали 1 млн. 300 тыс. армян [106, с.63-64].

Пародоксально, что демографические изменения относительно Северного Азербайджана, в том числе территории бывшего Гарабагского ханства, имели разительный успех: если в 1822-1826 годах в этой стране была лишь 51 тыс. армян, то менее чем за 100 лет, в 1916 году их стало 1 млн. 200 тыс. [156, с.235] Налицо увеличение в 24 раза. В 1923 году встал вопрос о присоединении нагорной части Гарабага, населенной преимущественно армянами, к Армянской ССР. *Но эта территория не имеет общей границы с Армянской ССР*, поэтому декретом Азербайджанского Центрального Исполнительного Комитета от 7 июля 1923 года была создана НКАО с центром в Ханкенды.

В заключение М.Дж. Багиров резюмировал, что не возражает против включения в состав Армянской ССР НКАО, но не согласны с передачей Армянской ССР Шушинского района, входящего в НКАО, населенного в основном азербайджанцами. При рассмотрении вопроса о включении НКАО в состав Армянской ССР должен быть рассмотрен и вопрос о включении в состав Азербайджанской ССР Азизбековского, Ведийского и Карабагларского районов Армянской ССР, примыкающих к Азербайджанской республике и населенных преимущественно азербайджанцами [160, с.377-378; 175, с.292-294].

Однако, не взирая на ответ М.Дж. Багирова, в НКАО зачастили иреванские эмиссары, хотя в 1923 году был установлен мораторий в армяно-азербайджанском противостоянии и напряженности в отношениях между Арменией и Азербайджаном. Временный характер моратория стал очевиден к окончанию Второй мировой войны, когда выяснилось, что в Армении сохранялась убежденность в том, что создание НКАО не исчерпывает сути проблемы. Решение ее «состоит в передаче Нагорного Карабаха Армении. И эта надежда, видимо, не оставляла армян все прошедшие после образования НКАО годы» [175, с.292]. Всего же во времена СССР Иреван выдвинул 16

предложений о переименовании НКАО, например в «Армянскую НКАО», и 45 предложений о праве НКАО перейти в состав Армянской ССР [222, с.30].

Хотя работ по Гарабагскому ханству опубликовано относительно немало, тем не менее в данном исследовании делается попытка осветить те аспекты, которые в азербайджанской исторической науке упоминаются вскользь, либо вообще не нашли своего отражения. Вводимые с каждым разом в научный оборот новые источники и архивные материалы позволяют рассмотреть все новые грани исследуемой нами проблемы и под иным углом зрения. В немалой степени сказанное относится к предыстории образования Гарабагского ханства, характеру взаимоотношений ханства с Российской империей, взаимоотношениям в треугольнике «Гарабаг - Россия - армяне», поэтапному процессу ликвидации ханства, последствиям Юрекчайского трактата для Гарабагского ханства, перипетиям судьбы Ибрагимхалил-хана Гарабагского.

Таким образом, предпринятая нами попытка даст возможность восполнить существующий в азербайджанской историографии пробел по комплексному исследованию всех аспектов создания, существования и развития Гарабагского ханства.

Впервые история Гарабагского ханства рассматривается в контексте разработки азербайджанской государственности. Именно поэтому исследование начнется со второй половины XVII века с описания одного из четырех бейлербейств Азербайджана - Гарабагского, - который предшествовал одноименному ханству.

На основе исторических документов, свидетельств современников в работе дается собственное видение процесса становления, развития и существования Гарабагского ханства. Вместе с тем опровергается долгие годы имевший хождение в исторической литературе ложный тезис о подчиненном положении Гарабагского ханства во взаимоотношениях с Иранским, Османским и Российским государствами, т.к. данное ханство обладало основными, главными атрибутами государственности и было субъектом системы международных отношений и международного права второй половины XVIII - начала XIX веков.

В работе впервые дается развернутый анализ системы управления, социальной структуры Гарабагского ханства, поскольку эти вопросы лишь в общих чертах затрагивались в предыдущих работах.

На примере Гарабагского ханства прослеживается социальная структура феодального общества Азербайджана XVII-XIX веков. Одновременно проблема впервые ставится и решается в подобном аспекте в специальном исследовании.

Вместе с тем можно не сомневаться, что последующие исследователи также станут открывателями новых страниц в истории Гарабага и созданного на этой азербайджанской земле ханства. В связи с этим необходимо отметить, что, насколько известно, лишь Гарабагское ханство и его ханы удостоились того, что современники или очевидцы посвятили им серию «Гарабагнаме», отметив тем самым выдающиеся способности глав этой политической структуры, а также величие, мощь и влияние ханства на историю страны.

Наше исследование имеет также практическое значение. Сейчас, когда вот уже почти четверть столетия Гарабагская проблема в очередной раз поднята на щит армянскими национал-шовинистами, есть острейшая необходимость в том, чтобы: привлечь внимание нашей и мировой общественности, всех людей доброй воли к истории азербайджанской исторической области - Гарабагу; вновь продемонстрировать, что армянский агрессор в очередной раз претендует на еще одну часть территории Азербайджана; активизировать дальнейшую разработку азербайджановедами исторической, геополитической подоплеку многовекторной проблемы армяно-азербайджанских отношений на локальном, региональном и международном уровнях; в последующих изданиях учебных пособий, в чтении общих и специальных курсов по истории Азербайджана в ВУЗах и колледжах четко и неопровержимо излагалась подлинная суть Гарабагского вопроса и азербайджанского Гарабагского ханства.

Основой настоящего исследования послужили документы и материалы, извлеченные автором из фондов Государственного исторического архива Азербайджанской Республики, Государственного архива политических партий и общественных движений Азербайджанской Республики, Российского Государственного военно-исторического архива (РГВИА), Российского Государственного архива древних актов России (РГАДА), Архива внешней политики российской империи (АВПРИ), научных архивов Института истории им. А.А. Бакиханова (НАИИ), Института рукописей им. Физули Национальной АН Азербайджана, Государственного архива Республики Грузия.

Весьма важным источником является подробное «Описание Карабахской провинции», составленное в 1823 году [89]; «Обозрение российских владений за Кавказом» [88]. Широко использованы Акты, собранные Кавказской археолог. Графической комиссией [53], являющиеся не просто важнейшими и объективными документальными материалами по истории Южного Кавказа, они интересны и актуальны также тем, что

Гарабагское ханство, Гарабаг рассматриваются как «мусульманское владение» [203, с.354].

Нами использованы также мало привлеченные материалы из архивов Республики Дагестан и Астраханской области.

Большое количество документов, характеризующих изменение социально-правового и административного устройства ханств и раскрывающих цели и задачи России, представлено в сборнике «Колониальная политика российского царизма в Азербайджане в 20-60-ые годы XIX века» (части I и II. М.- Л., 1936).

Ценный материал о Гарабагском ханстве имеется в сборнике документов «Azərbaycan tarixi üzrə qaynaqlar» (Баку, 1989) и в сборнике «История Азербайджана по Документам и публикациям» (Баку, 1990).

Нами также использованы опубликованные материалы из собрания Государственного архива Турции «Defteri mufessel əyaletİ Gence - Qarabağ» (Истамбул, № 903), подтверждающие территориальную принадлежность Нагорного Гарабага Азербайджану, в них также раскрывается административное устройство ханств.

В 1992 году в Анкаре опубликован сборник документов «Osmanlı Devleti ile Azərbaycan türk xanlıqları arasındakı münasibetlere dair arşiv bolmeleri», в котором приводится большое количество свидетельств, позволяющих по-новому, с позиций исторической объективности, раскрыть многообразие связей азербайджанских ханств с Османской империей.

Ценные сведения по истории азербайджанских ханств, в том числе Гарабагского, их административному устройству, экономике, системе и характеру отношений с Россией, Ираном и османами содержат свидетельства русских военных деятелей, послов, представителей царской администрации, ученых, занимавшихся кавказской проблематикой. Они представлены в виде отчетов, военных донесений, журналов, описаний путешествий. Известный русский ученый академик С.Г. Гмелин по указанию императрицы Екатерины II, в 1770-1774 годах предпринял экспедицию на Кавказ, в том числе в Азербайджан, для сбора различных сведений в особенности секретных. Большой научный интерес представляет собранный им материал по экономике, культуре, быту, устройству городов Азербайджана в тот период [69].

Много важных сведений по истории ханств, в частности Гарабагского, содержится в публикациях военно-дипломатического и военно-исторического характера, принадлежащих современникам и очевидцам событий на Кавказе в конце XVIII - начале XIX веков [58; 61-64; 74; 79; 95; 99; 104; 107-109]. Наряду с фактическим материалом в них

раскрывается колониальная политика Российской империи в отношении азербайджанских ханств.

Среди чиновников царской администрации на Кавказе было немало азербайджанцев, в том числе таких выдающихся, как М.Ф.Ахундов и А.А. Бакиханов. В сборнике «Qarabağnamələri» (кн. 2, гл.5, Баку, 1991) содержится большой и ценный фактический материал об участии А.А. Бакиханова в работе комиссии по изучению Гарабагской области. История Гарабагского ханства сохранена в сочинениях ряда азербайджанских деятелей, которые служили в администрации Гарабагских ханов и посчитали своим долгом довести до потомков события, происходившие в ханстве. Это творения Мирзы Джамала Джаваншира Гарабаги - везира Ибрагимхалил-хана; Мир Мехти Хазани, Мирзы Юсифа Гарабаги, Рзагулу-бека Мирзы Джамал оглу, Гасанали Гарабаги, Ахмед-бека Джаваншира, Мирзы Рагим Фена, Мирзы Адыгезал-бека [40].

Они важны как первоклассные источники, ибо содержат ценные и достоверные сведения из первых рук о территории как Гарабагского ханства, так и входивших в его состав албанских христианских меликств, о хозяйстве, политическом строе, системе управления, о ханах и их деятельности, отношениях с Иранским, Османским и Российским государствами.

ГЛАВА I.

СОЗДАНИЕ ГАРАБАГСКОГО ХАНСТВА: 1747-1763 ГОДЫ

1.1. Предыстория Гарабагского ханства

Вторая половина XVIII - начало XIX веков, то есть период независимых ханств Азербайджана, характеризуются в истории страны как время хозяйственного подъема [120, с.15; 142; с. 117]. И.П.Петрушевский, давая оценку по этому периоду, писал, что: «На первый взгляд период ... ханствоможет показаться временем хозяйственного упадка. Такое мнение было неправильным. Экономику второй половины XVIII века следует сравнивать не с экономикой XVII века, а с экономикой периода войн и междоусобиц 1711-1747 годов; этот последний период и был временем глубокого упадка. По сравнению с этим периодом, вторая половина XVIII века обнаруживает скорее черты некоторого относительного подъема» [210, с.86].

На территории будущего Гарабагского ханства были развиты зерновое и скотоводческое хозяйства, товарное земледелие [199, с. 16-22]. Здесь была густая оросительная сеть, восстановленная основателем и первым главой ханства Панахали-ханом и его преемником Ибрагимхалил-ханом. Ханство славилось своими конями, которые были известны во всей Передней Азии. Хорошо было развито многоотраслевое ремесло; торговля занимала важное место в хозяйственной жизни, торговые маршруты связывали между собой города и области Гарабага и остального Азербайджана, а также со многими странами Востока и Запада.

Повествуя о предыстории создания Гарабагского ханства, Ахмед-бек Джаваншир писал, что: «предок Панахали-хана по имени Мухаммед-хан

купил Гарабагские земли длиною и шириною в 20 верст между Кюрекчаем, Аразом, Алинджачаем, озером Гейча и правил долго и независимо» [42, с. 158-159].

Гарабагское ханство было создано в границах Гарабагского бейлербейства: это была одна из четырех административно-территориальных единиц, другие три — Табризское, Ширванское, Чухурсадское бейлербейства, на которые делился Азербайджан в составе Сефевидского государства [1215, с.86-89]. Центром Гарабагского бейлербейства была Гянджа, почему его именовали также Гянд-жинским. В Гарабаге обитали азербайджанские племена Джаваншир, Кебрили, Зиядоглу Гаджар, Бахарлу, являвшиеся местными коренными *элатами* (кочевниками-скотоводами) [46, с.30]. Среди них эмиры племени Джаваншир занимали главенствующее положение.

Эмиры же племени Зиядоглу Гаджар были наследственными главами Гарабагского бейлербейства с центром в I мндже, где правили около 300 лет, то есть до начала XIX века. Такой порядок был установлен в XVI веке, когда шах Тахмасиб I Сефевид (1524-1576) назначил Шахвердисул-гана Зиядоглу первым здешним правителем. Тогда же знать этого племени получила земли и пастбища в Гарабаге [209, с.250]. В состав этого бейлербейства входила обширная территория от моста Сынык-кёрпю (ныне Красный мост) на западе до Худафсеринского моста на реке Араз на юго-востоке [46, с.30].

Во время османо-сефевидской войны 1578-1590 годов местные племена во главе с представителями рода Зиядоглу защищали Гарабаг от османского нашествия. Отмечая их заслуги, шах Аббас I Сефевид (1587-1629) назначил Мухаммед-хана Зиядоглу бейлербеем Гарабага. После него эту должность занимали его сыновья - Мюршидгулу-хан, Мухаммедгулу-хан. Однако в 1625 году шах Аббас I Сефевид назначил бейлербеем Гарабага Давуд-хана, сына Аллахверди-хана, который получил также должность главы и военачальника племени Гаджар в Гарабаге. Но уже вскоре, в 1631 году, наследственное право бейлербеев Гарабага вновь перешло к Зиядоглу: эту должность получил Мухаммедгулу-хан, затем его сын Муртузгулу-хан, в 1664 году - его двоюродный брат Угурлу-хан.

Зависимыми от Гарабагского бейлербея были области и города Мовакан (по В.Минорскому, Муканийе), Газах, Шамшадил и Тифлис. Поэтому при сефевидском шахе Тахмасибе I территорией Гарабага считались также земли до Тифлиса. В правление шаха Аббаса I на западе Гарабаг охватывал также Лори и Памбак. Таким образом, в XVII веке Гарабагское бейлербейство включало обширное пространство между

Курой и Аразом, ранее называемое Араном. В него входили следующие города с их областями: Гянджа, Барда, Ахстабад (ныне Акстафа), Баргушат, Арасбар, Джаваишир, Борчалы, Тауз, а также прилегающие к ним грузинские земли [215, с.86].

С учетом сегодняшней злободневности Гарабагской проблемы позволим себе небольшое отступление от главной темы настоящего исследования и обратим внимание на следующее. Христианское население Гарабага в XVI - XVII веках - это потомки тех автохтонов, которые после распада Албанского царства в начале VIII века сумел возродить на Гарабагской земле Албанское государство в форме теократии, просуществовавшей до XV века. В XII-XIII веках эту теократию возглавил потомок албанских князей Михранидов - род Хасана Джалала. Представители его были до XV века светскими главами, а после - духовными, то есть патриархами-католикосами Албанской апостольской автокефальной церкви. В XV веке род Хасана Джалала получил от падишаха государства Гарагоюнлу Джахан-шаха (1435-1467) титул *медика*.

В начале XVII века шах Аббас I учредил в Сефевидском государстве титул мелика, и в Гарабагском бейлер-бействе появилось пять албанских меликств, которые получили известность под собирательной дефиницией «Хамсэ» (арабск. «пять»): Гюлистанское, Джрабердское, Варандское, Хачынское и Дизакское. Хотя мелики обладали полнотой судебной и административной власти в своих владениях, имели свои крепости и военные отряды, однако они полностью зависели от Гарабагского бейлербея, который, в свою очередь, находился в вассальной зависимости от сефевидского шаха.

Современник Гарабагского ханства Мирза Адыгезал-бек свидетельствует: «Известные под общим названием Хамсэ, каждый из пяти магалов (албанских меликств. -А.Ф.) в отдельности имел свое название» [46, с.36-37]. Мир Мехти Хазани также считал, что: «эти пять магалов в Гарабаге, до этого именовавшиеся магалом Хамсэ, сейчас носят каждый отдельные названия» [52, с. 109-115]. Все они занимали горную часть Гарабага [135, с.94].

В качестве одного из доказательств того, что население албанских меликств составляли азербайджанцы, приведем перечень населенных пунктов Хамсэ, что сохранен в пространном податном реестре [41], составленном османами в начале XVIII века, когда они захватили прикаспийские провинции. Например, в Варандском - Туг, Тоган, Джабраиллы, Чанахчы; в Хачынском - Хынзырыстан, Сеидбек, Дамбали, Галбаши, Хорамурд; в Гюлистанском -Ярнубад, Кичикеликенд, Талыш, Гюлистан; в

Джрабердском - Джерабад, Еникёй, Гарачинар, Мусульман; в Дизакском - Данакесен, Дерё-Ахурлу, Сеидли, Байрам, Аркушен.

Для определения исторических корней албанских меликств Хамсэ, уместно проанализировать трансформацию титула «*мелик*», изначальная форма которого -«*манка*». Он - семитского происхождения, известен еще в ассиро-вавилонских документах античного времени в значении «царь, правитель». В раннем средневековье он употреблялся у христиан-сирийцев. До возникновения ислама меликами именовали глав арабских владений -Гассанидов и Лахмидов, а также глав конфедерации племен в Аравии. В период Арабского халифата меликами именовали преимущественно мусульманских правителей. В Коране термин *малик* употребляется в значении «царь» и как один из эпитетов Аллаха.

В некоторых завоеванных монголами странах в XII-XIV веках *мелик* означал владетельного феодала местного происхождения. Так, в ярлыках Газанхана, главы Хулагидского государства в 1296-1304 годы, в состав которого входил Азербайджан, меликами называли наследственных местных феодалов, которые были зависимы от монголов. При Сефевидах термин «мелик» встречается в двойном значении: во-первых, обозначает местного феодального владетеля; во-вторых, «меликами» называли в некоторых местах Южного Кавказа сельских старшин. Во времена Российской империи в этом регионе мелики, наравне с *ага, ханами* и *беками*, были признаны особыми привилегированного сословия, имеющими право на владение населенными имениями.

Мирза Адыгезал-бек сообщает о корнях албанских меликов следующее [46, с.36-37]: Дизакские Мелик-Егановы были выходцами из Лори, Гарабагского бейлербейства; Варандские Шах Назары относились к очень древнему роду из Гейчайского магала того же бейлербейства; мелики Хачына - потомки местной албанской фамилии Хасана Джалала в Гарабаге. Их власть перешла к мслику Мирза-хану из Хынзырыстана, который продолжил династию хачынских меликов: власть и титул перешли сначала к его сыну - мелику Аллахверди, затем к внуку -мелику Гахраману. Мелики Джраберда или Джермука были родом из Магавиза в Гарабагском бейлербействе. Мелик Аллахгулу был удостоен иранским правителем Надир-шахом титула *султан*.

В связи с албанскими меликами обратим внимание на два аспекта. Во-первых, за исключением Хачынских, остальные мелики появились в Гарабаге вследствие определенных военно-политических событий: они были в Гарабаге «пришлыми». Во-вторых, ни один из меликов не мог быть армянского рода, ибо хорошо известна история появления армян на Кавказе,

в том числе в Гарабаге, из работ самих же арменистов, которые пишут, что предки армянского народа происходят из исторической области Фракии, находящейся на Балканах, то есть в Европе. Оттуда они, вместе с киммерийскими племенами в VIII веке до н.э. переселились в Малую Азию, с которой на многие столетия связана этническая и политическая жизнь армян [144, с.12-14; 146; 180, с.17-18, 27; 184, с.240, 242]. Что же касается их появления на Южном Кавказе, в том числе в Гарабаге, то оно произошло в первой трети XIX века. Тогда российские власти, завладевшие Северным Азербайджаном, в организованном порядке переселили сотни тысяч османских и иранских армян в эту страну, в частности в Гарабаг [156, гл. III и VI]. Так на землях азербайджанских Нахчыванского и Эриванского ханств в 1828 году российскими властями была создана Армянская область, впоследствии ставшая Эриванской губернией Российской империи, потом Араратской республикой, затем Армянской ССР, ныне - Республика Армения.

Не случайно, в географической номенклатуре арменистов существует полтора десятка территориальных привязок для «армянских земель»: Персармения, Юстинианова Армения, Глубинная Армения, Месопотамская Армения, Турецкая Армения, Киликийская Армения, Западная Армения, Восточная Армения, Малая Армения, Большая Армения, Центральная Армения, Первая, Вторая, Третья, Четвертая Армения. Причем вес они идентифицированы с территориями в Малой Азии (151, карта форзаца и указатель геогр. назв.: 230, с.22, 156).

Поэтому, не случайно, в отличие от своих кавказских соседей - азербайджанцев и грузин, пишущих «Историю Азербайджана», «Историю Грузии», то есть историю собственной земли, арменисты пишут «Историю армянского народа» [152; 179; 180; 207], не зная, к какой «земле» его отнести, с какой - ассоциировать. Не по этой ли причине уже с IV века появляется армянская диаспора, в которой сегодня пребывает большая часть армян (216, гл. XX; 230, с.4]. IV век взят за исходную дату, потому что в 387 году Византийская и Сасанидская империи поделили между собой территорию армянского царства в Малой Азии [216, гл.VI; 230, с.4.] В итоге, «Специфические условия, складывавшиеся в Армении при иноземном владычестве, заставляли армян покидать родину (какую, не уточняется. - Ф.А.) и искать пристанища на чужбине, в пределах Византийской империи. Отток в Византию начался после первого раздела Армении (387 г.)

и усилился при арабском владычестве и сельджуках (то есть в VII-XII вв. - Ф.А.)» [230, с.4].

А таких «разделов» и «поисков пристанища» у армян было немало [216, гл. VI, VII, XIII, XX; 230, с.4-5, 170]. Одних разделов было три - в IV, VI, XI веках; тогда трижды ликвидировали армянскую государственность; причем во всех трех случаях одним из главных фигурантов была христианская держава - Византия; поиски убежища армянским народом охватили все континенты. В итоге появилась не только обширная армянская диаспора, но в течение многих столетий армяне не имели собственной государственности. Уничтоженная трижды, в IV, VI и XI веках, она была вновь восстановлена лишь в 1918 году, то есть много столетий спустя, причем там, где ее *никогда* не существовало, - на азербайджанской земле.

Вот почему конкретные сведения, к тому же принадлежащие самим армянам, позволяют отделить историю албанских меликов от истории и объективно подойти к проблеме Гарабага вообще и «хамсэ» в частности. Причем, как в доханский период, так и в период Гарабагского ханства и албанских христианских меликов.

Выяснив вопрос о месте христианского меньшинства Гарабага в политике шаха Аббаса I, вернемся к изложению событий, происходивших в Гарабагском бейлербействе к началу XVIII века.

Это время для Сефевидского государства ознаменовано наступлением упадка. Практически была опустошена государственная казна, в состоянии кризиса находились сельское хозяйство, ремесло, торговля. Богатый фактический материал, характеризующий социально-экономическое положение государства в начале XVIII века, содержится в донесениях Петру I русского посланника в Иране А.П.Вольнского [149, с.36-37], который, в частности, сообщает, что «слухи наши наполнены были, понеже, внушено было будто Персидское государство великое богатство имеет и доходы в государственную казну немалые собираются. Прежде всего, хотя и немалые доходы были,... однако и то ныне упущено от непорядочных управителей, которые ищут свою, нежели государственную пользу». А.П. Вольнский обратил также внимание на то, что русских купцов здесь нещадно обирали, хотя, как сообщал сам посланник, «понеже в государстве Российском с персидских купцов здесь таких денег не берут». У него же читаем: «Как басурманы, так и армяне берут товары у русских купцов в долги, а также и на мену меняют на здешние товары, а на сроки по договорам денег и меховых товаров не платят». Приведем также свидетельство известного путешественника, академика Гмелина С.Г., который писал, что «при шахах областные

ханы вели себя по-шахски... кои о себе так высокого думают, что между собой верховным военачальником различия не полагают, в своем поведении не дают ему отчета» [69, с.261].

Воспользовавшись ослаблением Сефевидского государства и прикаспийским походом русских войск. Османская империя начала с 1723 года планомерный захват южнокавказских земель. Летом османам удалось овладеть силой оружия территориями, которые входили в состав Гарабагского бейлербейства: Лори, Памбак, Борчалы, Газах. Они были включены в Грузинский вилайет, центром которого являлся Тифлис.

К началу 30-х годов XVIII века политическая обстановка в Азербайджане резко изменилась: его территория превратилась в арену военных действий между Османской империей и Иранским государством, где к власти активно стремился энергичный и талантливый полководец Надир-хан. Это был всесильный временщик при слабых шахах Сефвидах - Тахмасибе II и Аббасе III. Надир-хан был эмиром тюркского племени Афшар. Попав во дворец Сефевидов, он сделал головокругительную карьеру: стал их наместником, чеканил собственную монету, а под конец объявил себя шахом Афшаридского государства, пришедшего на смену Сефевидскому [150, с.63; 191, гл. XI]. Ему удалось изгнать из Ирана афганцев, подписать с Российской империей два договора: Рштский (1732) и Гянджинский (1735), по условиям которых русские войска поэтапно окинули прикаспийские земли от Решта до Дербенда, завоеванные императором Петром I во время прикаспийского похода 1722 года. Данная территория вновь вошла в состав Сефевидского государства. Одновременно Надир-хан начал военные действия против Османской империи, взяв в 1734 году Шамаху, в 1735 году Гянджу [72, с. 194-207; 173; с.96; 178, с.256-257; 192].

По сведениям Мирзы Джамала Джаваншира, в изгнании османов из Южного Кавказа (1735), большую помощь Надир-хану оказали эмиры племени Джаваншир -Бехбудали и его брат ~ будущий основатель Гарабагского ханства - Панахали-хан, а также Гарабагские ополченцы. Вместе с тем Надир-хан понимал, что пребывание Бехбудали и Панахали-хана у границ его государства может иметь негативные последствия: они всегда могут устроить мятеж и отложиться. Поэтому он назначил Панахали-хана полководцем, Бехбудали - церемониймейстером, в связи с чем оба эмира оказались при дворе, под надзором Надир-хана [147, с.110; 194, с.20].

В 1736 году Надир-хан заключил мирный договор с османским султаном, по условиям которого Стамбул возвратил все территории, принадлежавшие Сефвидам до 1722 года. Вскоре распространился слух о «тайственной» смерти малолетнего шаха Аббаса III. Вопрос об «избрании»

нового шаха был вынесен на гурултай, который состоялся в марте 1736 года на Мугани. По заранее подготовленному сценарию Надир-хан был коронован шахом, тем самым юридически наступил конец Сефевидского государства. Надир-шах стал первым представителем Династии Афшаридов и главой Афшаридского государства [150,0.63; 191, гл. IX].

Среди немногочисленных феодалов, выступивших против коронации Надир-хана, были крупные азербайджанские владетели, которые за свое несогласие понесли суровое наказание. Среди них - эмиры племени Гаджар Зиядоглу, в частности Угурлу-хан II Зиядоглу, бывшие главами Гарабагского бейлербейства.

В отместку новый владыка приказал переселить подвластные им племена Джаваншир, Отузики и Кебирли из Гарабага в область Серахс в Хорасане; Албанские христианские мелики были освобождены от присяги бейлербеям Зиядоглу, и теперь могли обращаться непосредственно к самому Надир-шаху [150, с. 114-115].

Став главой государства, включавшего Иранское географическое пространство и почти весь Южный Кавказ, Надир-шах сменил всех правителей областей. Среди тех, кто получил назначения на высшие должности, в том числе в областях, преобладали представители азербайджанского племени афшар, родом из которого был сам венценосец.

Для укрепления своей власти и упорядочения дел в государстве Надир-шах провел серию реформ [30, л.75; 214, гл.X]:

- *податную* - освободив на три года подданных от обложения, он затем ввел большое количество новых податей и повинностей;
- *религиозную* - введение джафаритского мазхаба, чтобы ослабить воинствующий шиизм;
- *денежную* - появились новые монетные единицы, в том числе *надиры*;
- *административную* - вместо Гарабагского, Ширванского, Табризского, Чухурсаадского бейлербейств, на которые делился Азербайджан, был создан единый огромный вилайет, включавший земли от Иревана до Дербенда. *Сардаром* (главой) этой административной единицы Надир-шах назначил своего брата Ибрагим-хана.

Вернувшись из успешного похода 1738-1739 годов в Индию с огромной добычей, Надир-шах изменил своеотношение к гарабагскому Панахали-хану, который пользовался огромным уважением азербайджанских феодалов. Как писал по этому поводу Мирза Джамал Джаваншир, «он добился превосходства над своими соперниками». В то же время недруги

Панахали-хана, как при шахском дворе, так и среди элатов, возвели на него клевету перед Надир-шахом, в результате чего доверие шаха к нему уменьшилось [47, с.110-111]. Это не могло не встревожить Панахали-хана и его брата Фазали-бека. Последний в доверительной беседе в узком кругу феодалов имел неосторожность открыто выразить свое возмущение по поводу переселения элатов Гарабага в Хорасан. За это Фазали-бек был казнен Надир-шахом. Поэтому Панахали-хан, «боясь подвергнуться участи своего брата, казненного шахом», бежал вместе со своими сородичами в 1738 году из лагеря Надир-шаха в Гарабаг [42, с. 158].

Мирза Джамал Джаваншир пишет о мерах, предпринятых после этого Надир-шахом: «Когда бегство (Панахали-хана. - Ф.А.) стало известно шаху, за ним была отправлена погоня, чтобы схватить его по дороге, но это не удалось. Были отправлены весьма настоятельные приказы сардару Азербайджана и правителям Гянджи, Тифлиса и Ширвана о том, чтобы схватить Панахали-хана, где бы он ни находился, и доставить к шаху. Несмотря на то, что семья (Панахали-хана. - Ф.А.), домочадцы и прочие родственники и близкие были преследуемы и оштрафованы по приказу шаха, однако и это не помогло» [47, с. 110-111] Преследуемый Надир-шахом, Панахали-хан некото-Рое время находился на яйлаге Зангезурского феодала Кара Муртуз-бека, где, собрав отряд своих приверженцев, стал совершать набеги на такие крупные города, как Гянджа, Нахчыван, Шеки [117, т.Ш, с.406]. На его сторону перешло ДЖаро-Белокапское вольное общество, с одним из руководителей которого Панахали-хан состоял в родстве. Вскоре, встав во главе племени Отузики, он вместе с эмиром двадцати тысяч дворов Джаваншира повел повстанческие отряды против иранского шаха [62, т.1, с.58-62].

В 1743 году кахетинский правитель Теймураз помог своему сюзерену Надир-шаху подавить в Ширване антииранское восстание. За оказанную услугу шах утвердил Теймураза царем Кахетии и отдал под его начало область Арагви из Карталинских владений и два азербайджанских магала - Борчалы и Газах, ранее входившие в состав Гарабагского бейлербейства. Таким путем Надир-шах наказал род Зиядоглу за неповиновение.

Но уже вскоре наступили новые времена. В 1747 году Надир-шах был убит группой афшарских и каджарских эмиров, так как после покушения на него шах стал «неуправляем»: «его действия становились все более жестокими и неуравновешенными, его вымогательства вызывали мятежи в провинциях» [150, с.254; 154, с.231]. Спустя некоторое время, на территории бывшего Гарабагского бейлербейства появились два самостоятельных ханства -Гарабагское и Гянджинское.

1.2. Создание Гарабагского ханства

Появление во второй половине XVIII века в Азербайджане 20 независимых ханств стало результатом объективного политического и экономического развития страны и благоприятной международной ситуации. В этот период некогда грозная Османская империя переживала кризис [139, с.64-71; 204, с.53 и ел.]. Усилилась ее зависимость от европейских держав - Великобритании и Франции. Османы терпели поражения в войнах, в первую очередь, с Российской империей, которая, однако, занятая событиями, связанными с ее внешней политикой на Черном море и в Европе, не могла еще уделять достаточного внимания «кавказским делам», в том числе Азербайджану [202, гл.6]. В Иранском государстве происходила частая смена правящих династий, наиболее удачливыми во внешней политике были обычно их создатели, а преемники являли собой типичных эпигонов. Поэтому период ханств стал временем независимости Азербайджана [218, с.83].

Среди этих ханств было также Гарабагское ханство, создателем которого стал Панахали-хан (1748-1763). Гарабагское ханство было во второй половине XVIII - начале XIX веков наиболее крупным государственным образованием на азербайджанской земле. Его территория составляла, по оценке российских кавказоведов, около 17 тыс. кв. км с населением 8 400 чел. [88, т.II, с.257]. Однако, это - заниженные данные, ибо в реалиях периода, исторический Гарабаг - это междуречье Куры и Араза, от их слияния на востоке до Зангезура и Сисиана на западе. По свидетельству современника, Гарабагское ханство занимало весь низменный и нагорный Гарабаг, Зангезур, Баргушат, Мегри: от реки Араз до озера Гейча, от реки Тертер до Мегри, Татева, Сисиана. В связи с этим Ахмед-бек Джаваншир пишет, что предок основателя первого главы ханства Панахали-хана «по имени Мухаммед-хан купил гарабагские земли длиною и шириною в 20 верст между Кюрекчаем, Аразом, Алинджачаем, озером Гейча (Севан - Ф.А.) и правил здесь долго и независимо» [42, с. 158-159].

По архивным данным, ханство, располагаясь между Курой и Аразом, граничило с севера, по реке Кюрек-чай, с Шекинским ханством, с востока, вдоль реки Кура, - с Шамахинским, по Муганской степи - с Гарадагским, с юго-запада - с Нахчыванским, с запада - с Иреванским ханствами; во второй половине XVIII века население Гарабагского ханства составляли 130 тыс. чел. [8, л.1-60].

Как отмечалось, в 1747 году произошли важные события: Надир-шах был убит своими сановниками, после чего на охваченной антииранским народно-освободительным движением территории Азербайджана, появилось двадцать самостоятельных ханств, в том числе Гарабагское, в связи с чем А.Бакиханов писал, что «тогда образовались в нем (Азербайджане. - А.Ф.) отдельные ханства и владетели их, управляя наследственно и независимо, сделали самостоятельными государями» [56, с.150].

Гарабагское ханство, представляло собой политическую структуру, обладавшую основными атрибутами независимого государства [142, с. 110-111; 149, с.36-54]. Во главе стоял хан, имевший неограниченную власть, передававший свои функции по наследству в собственной династии по мужской линии. Ханство располагало своей администрацией и монетным чеканом, войском, вело самостоятельную внутреннюю и внешнюю политику [142, с.91].

На заре своего существования Гарабагское ханство подвергалось опасности со стороны Шекинского ханства и иранского шаха Мухаммеда Гасан-хана Гаджара. В этих условиях Панахали-хан принял решение о строительстве неприступной крепости, где он мог укрыться в минуту опасности. Она была сооружена в 1748 году в Кебирлинском магале и получила название Баят. Как строительство крепости, так и растущее могущество ханства обеспокоили ханов шекинского и шемахинского, а албанские мелики, находившиеся в полной зависимости от Гарабагского хана, обратились к Гаджи Челеби-хану Шекинскому с посланием, в котором писали: «Панахали-хан взошел на престол, строит крепость и сооружает укрепление. Если его затея своевременно не будет пресечена, впоследствии невозможно будет устоять перед ним». Вскоре они договорились о совместном выступлении против Панахали-хана, и Гаджи Челеби-хан совершил поход, сумел зажать часть Гарабага, но долго там не продержался [142, с. 14]. В конце 1748 года Панахали-хан недалеко от крепости Баят дважды разгромил войско Гаджи Челеби-хана. «В этом деле ему помогли, - пишет Ахмед-бек Джаваншир, - его родственники и подданные кочевники... от мала до велика в большом числе прибыли к нему па выручку» [42, с.158-159]. Потерпев поражение, Гаджи Челеби-хан вынужден был отступить за Куру, ибо испытал на себе возросшую силу и могущество Панахали-хана. Он тогда произнес знаменательную фразу: «Панах-хан был ханом. Мы пришли, воевали с ним. Не преуспев ни в чем, возвращаемся обратно, сделав его шахом» [47, с.68].

Что касается албанских мсликов, то их борьба против ханской власти носила политический характер, прямым свидетельством чего является их

обращение к некоторым азербайджанским ханам, в частности к Шекинскому с призывом к совместному выступлению против Панахали-хана [117, т.III, с.533; 119, с.44]. Мелики, целиком зависевшие от Гарабагского хана, таким путем хотели, во-первых, ослабить своих прямых сюзеренов, во-вторых, найдя нового сюзерена, добиться хотя бы подобия независимости. Вот почему они почти перманентно обращались к соседним ханствам, надеясь добиться желаемого. Однако, соседние ханы, боровшиеся с Гарабагским ханством, поддерживали и использовали албанских христианских меликов лишь в своих интересах. Таким образом, мелики стали разменной картой в той политической игре, которую вели между собой ханства Азербайджана.

Одной из своих задач Панахали-хан считал полное подчинение этих меликов, которые постоянно искали помощи на стороне. Ему удалось осуществить свой замысел, воспользовавшись следующим случаем: Мел и к Варанд-ский Осип был убит собственным братом Шахназаром, провозгласившим себя главой Варанды. Это событие встревожило остальных меликов Гарабага, которые напали на Шахназара, ибо опасались, что братоубийца и узурпатор па этом не остановится и начнет расширять свои владения за счет соседей. Вот почему мелики Гюлистана, Джраберда, Хачына и Дизака, объединив силы, напали и разорили большинство селений Варанды. Тогда мелик Шахназар укрылся в крепости Чанахчи, которую его враги не смогли захватить. С наступлением зимы мелики возвратились в свои земли, решив весной вновь напасть на Чанахчи.

Этим обстоятельством умело воспользовался Панахали-хан, который сблизился с Шахназаром, пуждавшем в военной помощи. Мелик выдал свою дочь за сына Гарабагского хана Ибрагимхалил-агу. Породнившись с главой ханства, Шахназар заключил с ним военно-политический союз [136, с.71]. В итоге, альянс мятежных меликов Гюлистана, Хачына, Джраберда и Дизака распался, и они признали беспрекословно власть и сюзеренитет Гарабагского хана.

Как упоминалось, первая крепость, которую построил Панахали-хан, была Баят. Но ее местоположение имело много стратегических изъянов, и Гарабагский хан перенес свою столицу в крепость Шахбулаг, где оставался около двух лет. Однако вскоре выяснилось, что и она не гарантирует полной безопасности, и Панахали-хан решил построить новую, которая была заложена в 1751 году. Ее назвали Панахабад и «она стоит на скале, окруженная высокими стенами.» [63, с.25]. Крепость возводили известные мастера, приглашенные из Нахчывана, Табриза и Ардабиля. Она имела двое ворот - Иреванские и Гянджинские. О вновь

построенной крепости Мир Мехти Хазани писал, что хан превратил ее в благоустроенный и пользующийся любовью город [52, гл.V]. Крепость возвели на месте древнего города Шуши, разрушенного еще монголами. Поэтому новый город вскоре получил свое прежнее название. Новая столица Гарабагского ханства быстро выросла в его экономический центр, стала одним из крупных ремесленно-торговых городов не только Азербайджана, но и всего Кавказа.

В 1757 году иранский властитель Мухаммед Гасан-хан Гаджар (1750-1770) совершил поход на Гарабагское ханство [195, с.89-90]. Под его знамена стали войска вождей племен Мазандарана, Астрабада и Гиляна. Завоеватель дошел до местности Хатын-архи, где произошло сражение, в котором он потерпел сокрушительное поражение. Отступление Мухаммед Гасан-хана было столь поспешным, что скорее напоминало бегство: он бросил пушки, которые достались победителю - Панахали-хану, забравшему их в Шушу [46, с.41].

Постройка Шушинской крепости, разгром Мухаммед Гасан-хана позволили Панахали-хану заняться непокорными албанскими меликами, которые, воспользовавшись нашествием иранского правителя, вновь попытались отложиться от ханства. Ближе других к Шуше находились Варанда и Хачын. Мелик первого из них был быстро призван Паахали-ханом к повиновению. Сложнее оказалось с хачынским мсликом Аллахверди, ситуацию с ним можно было разрешить только низложив его и посадив на трон послушного наследника. Поэтому Панахали-хан тайно вызвал к себе старшину села Хындзырыстан Мирза-хана и обещал сделать его главой Хачына в случае, если он схватит и доставит к хану «непослушного» мелика. Мирза-хаи выполнил поручение и получил за это титул и Должность главы Хачына. Затем, в течение короткого времени Панахали-хан подчинил себе медиков Дизака, Полистана и Джраберда.

Гарабагский хан сумел извлечь выгоду из соперничества между ханствами Азербайджана и подчинил себе магалы Мегри и Гюней, отобрал у Нахчыванского хана магалы Татев и Сисиан, захватил территории вдоль р. Тер-тер, до границы с оз.Гейча; поставил в зависимость от себя Табризское, Ардебильское и Гарадагское ханства [178, с.263].

Обеспокоенный этими событиями, Фатали-хан Урмийский в 1758 году вторгся в Гарабагское ханство: он разбил свой лагерь недалеко от крепости Шуша, которую осаждал в течение шести месяцев. На помощь к осажденным прибыли отряды вассалов хана - медиков Джраберда и Гюлистана. Осада Шуши оказалась безуспешной -Фатали-хану не удалось добиться своей цели [137, с.118].

После этих событий авторитет Гарабагского хана значительно возрос. К нему обратились жители Ардебилля и Табриза с просьбой избавить их от иранских Гаджаров, от тяжелых оброков и разорительных походов. Со своей стороны, Фатали-хан Урмийский, предложив Панахали-хану заключить мир, отправил ему письмо, в котором говорилось: «Пусть Панах-хан отпустит взятых в плен воинов и станет нашим союзником и другом. Я же от чистого сердца выдам свою дочь за его старшего сына Ибрагимхалил-агу, и мы будем вечными родственниками и друзьями». Однако, выманив Ибрагимхалил-агу, Фатали-хан Урмийский оставил его у себя в качестве заложника и заточил в темницу [47, с.117-118].

Вскоре на иранский политический арене объявился новый претендент на трон - Керим-хан Зенд, который разгромил Мухаммед Гасан-хана Гаджара и убил его. Затем Керим-хан Зенд решил расправиться с Фатали-ханом Урмийским, в борьбе с которым он привлек на свою сторону азербайджанских ханов, в первую очередь, Панахали-хана, которому отправил письмо. В нем говорилось: «Фатали-хан стал не только нашим врагом, но и кровником [в свое время в одном из сражений брат Керим-хана Зенда Искендер-бек был убит Фатали-ханом Урмийским. - Ф.А.]»

С вами сделал то, что не следовало бы делать: нарушил обет и клятву. Хитростью, коварством увез твоего сына и заключил в темницу. Поэтому ты должен содействовать нам и не жалеть тех сил, какими располагаешь, ибо освобождение твоего сына, чему вы будете рады, является и нашей целью» [47, с.118-119].

Панахали-хан согласился и принял решение лично возглавить гарабагское войско в предстоящей войне. Управление ханством он на время передал своему младшему сыну Мехрали-хану. Объединенное войско Керим-хана Зенда и Панахали-хана осадило резиденцию Фатали-хана Урмийского - город Урмию. Осада продолжалась несколько месяцев. Обреченный на голод и не имея достаточных сил для обороны, Фатали-хан был вынужден признать свое поражение и вскоре был убит [56, с. 159].

Но иранский правитель оказался не менее вероломным, нежели Фатали-хан Урмийский. Хотя после победы Керим-хан Зенд освободил сына Панахали-хана Ибрагимхалил-агу и отправил его с войском отца в Гарабаг, самого хана он держал в собственной резиденции в Ширазе, сделав своим «советником», а фактически «почетным пленником» [188, с. 12]. Таким путем шах пытался нейтрализовать Панахали-хана, опасаясь его силы и влияния. Иранский властитель держал у себя также нескольких других азербайджанских ханов, которых сумел заманить в Шираз под благовидным предлогом. В связи с победой объединенного войска над Фатали-ханом

Урмийским он устроил празднества, пригласил их и не отпускал. Это событие известно как «Ширазское пленение» азербайджанских ханов. Панахали-хан умер в 1763 году в Ширазе при таинственных обстоятельствах. В следующем году его останки были доставлены в Гарабаг и преданы земле в местечке Имарат, неподалеку от Агдама.

В заключение изложенного отметим, что Панахали-хан стал создателем сильного ханства, которое своей мощью и территорией оберегало свою независимость от происков как внутренних, так и внешних врагов и в частности от Иранского государства, стремившегося подчинить их себе. При нем Гарабагское ханство расширило свои владения и включало земли от Нахчывана до Худаферинского моста, от места слияния Араза и Куры до реки Кюрек-чай, близ Гянджи, от верховьев реки Тертер до озера Гейча; области Зангезур и Сисиан. Панахали-хан, сломив сепаратизм албанских христианских меликов, подчинил их себе.

ГЛАВА II

УПРАВЛЕНИЕ И СОЦИАЛЬНО- ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СОСТОЯНИЕ ГАРАБАГСКОГО ХАНСТВА

2.1. Политико-территориальная структура Гарабагского ханства

Гарабагское ханство представляло собой независимое государство, глава которого обладал неограниченной властью, то есть являлся абсолютным монархом. Столицей была Шуша, где жили хан, его семья и ближайшие родственники, приближенные вельможи, чиновники, купечество, высшее мусульманское духовенство, а также многочисленные ремесленники, мелкие торговцы и городские жители. Здесь же находились основные учреждения ханства, военный гарнизон, монетный двор. В центре города возвышались ханский дворец, главная мечеть, резиденции везира и высших чиновников, дома сановников, купцов, административные здания, медресе.

Столица с трех сторон была защищена неприступными горами, с четвертой - прикрыта системой каменных стен и оборонительных башен, сооруженных при основателе Шуши Панахали-хане Гарабагском (1747-1763). Первоначально столица именовалась Панахабад в честь ее основателя. Единственная извилистая горная дорога вела из Шуши на Гянджу. Удачный выбор места для столицы Гарабагского ханства отмечен многими очевидцами. Говоря о неприступности Шушинской крепости, А.А.Каспари отмечал, что «как и в древних Фермопилах, в Шуше достаточно было несколько человек, чтобы сдержать и не допустить ни на шаг вперед огромной армии» [82, с.218]. П.Зубов с восхищением описал место расположения Шуши и характеризовал ее «совершенно неприступной» [79, г.1, с.87]. Г.Каппель, побывавший в Шуше в начале XIX века и отмечая стратегическое положение города, писал, что «естественные преимущества расположения города -на вершине недоступной скалы - давали мало повода к искусственной защите» [9, с.21]. Высота некоторых скал, окружающих Шушу с трех сторон, - с юга, запада и востока, была более 400 метров [90].

К началу XIX века в городе имелось 17 кварталов: Гурдлар, Сеидли, Джульфулдулар, Гуюлуг, Чухур, Дёрдляр Гурду, Гаджи Юсифли, Дёрд Чинар, Чёл Гала, Мардинли, Саатлыг, Кёхрали, Маман, Ходжа Мирджанлы, Демирчи, Халаг Габаг и Таза [13; 114, с. 171; 145, с.41].

Гарабагское ханство имело довольно отлаженную централизованную систему управления. Его глава - *хан* обладал высшей законодательной, судебной и исполнительной властью; представлял ханство во внешних сношениях, имел собственную администрацию, войско, монетный чекан. Его сыновья и родственники занимали высшие должности и всецело подчинялись ханской власти. Однако хан не мог нарушить традиции и установления, определенные нормами шариата, а также обычаями предков. Тем не менее, хан, его наследники и родственники обладали широкими правами.

О могуществе ханской власти приводит русский историк И.Березин, который отмечал, что хан мог вынести смертный приговор и решение о помиловании в отношении любого жителя ханства, будь то чиновник или простой крестьянин [58, с.46].

При хане был *диван* - совет, являвшийся совещательным органом, в котором заседали высокопоставленные светские и религиозные сановники ханства. Он собирался в специально построенном- для этого высокого собрания помещении - *диван-ханэ*. Мнения членов совета носили рекомендательный характер, хотя могли оказать определенное влияние на принятие ханом решения в отношении наиболее важных и существенных дел. Однако последнее слово было за ханом. В диване обсуждали важнейшие проблемы ~ войны и мира, фиска и суда. При вынесении решений обязательным условием было их соответствие установлениям шариата, местным традициям и обычаям. Даже хан не имел права не считаться с ними.

Во время заседания дивана главный кадий ханства вставал и произносил *фетву* (религиозное обоснование для решения), подтверждая тем самым соответствие шариату ханского вердикта, и читал *дуа* (краткую молитву). Затем члены дивана поднимались и отвешивали хану поклон, выражая свое согласие с его решением.

Нередко, хан заранее, до начала обсуждения, объявлял свой вердикт, и члены дивана кивком головы давали знать, что согласны с ним. В отдельных случаях хан, самостоятельно приняв решение, срочно вызывал к себе членов дивана и требовал его исполнения. Так бывало при вынесении смертного приговора или при разделе собственности.

По окончании совета хан устраивал угощение для присутствующих, ибо все они считались его гостями.

В Шуше имелось множество мечетей, караван-сараев и базаров. Самым старым являлся «Раста базар» («Крытый базар»), построенный при Панахали-хане, в центре его столицы. Каждый дом в городе отгораживался каменным забором. Поэтому улицы имели вид глухих коридоров. Однако, благодаря усадебному характеру жилых домов, I Шуша выглядела как город-

сад. Подавляющую часть 10 тыс. ее жителей составляли азербайджанцы. Это были ремесленники, торговцы, городская беднота. По данным г 1832 года, в Шуше проживали из высшего сословия ханская семья, 56 - бекских и 85 семей религиозных служителей [53, т. II, док. 411, с. 460-462].

Сохранилась родословная Ибрагимхалил-хана Гарабагского (1763-1806) (47, с. 147; 53, т. II, док. 1415, с. 695-696, У которого было 14 жен, 12 детей, 7 внуков и внучек, два правнука.

Постоянные жены Ибрагимхалил-хана: Ханум, дочь Джаванширского *минбаши* (тысячника, главы войска в 1000 воинов), от нее сын Мамедгасан-ага; Хуршид-ханум, дочь Шахверди-хана Гянджинского, сестра Джавад-хана Гянджинского, от - нее сын Мехтигулу-ага; Бикя-ага - дочь Умма-хана Аварского, от нее сыновья Ханлар-ага и Ахмед-хан, дочь Салтанат-ханум; дочь (имя неизвестно) Аллахийар-бека Унгулинекого, от нее - сын Мамедгасым-ага; Джаваир-ханум - дочь грузинского князя Евгения Абашидзе, от нее сын Аббасгулу-ага, дочь Геухар-Ниса, которая была женой Джафаргулу-хана Шекинского; Туту-ханум - дочь Шахверди-хана Гянджинского, сестра Джавад-хана Гянджинского, от нее - дочери Ага-бегим, бывшая женой иранского Фаталишаха, и Туба-бегим - жена Фази-бека; Шахниса-ханум - дочь Бадир-хана Шахсевенского, от нее - дочери: Бахши-ханум - жена Фарджаллы-хана Шахсевенского; Туту-бегим - жена Селим-хана Шекинского; Кичик-бегим - жена бейлербея Тегеранского Мирзамамед-хана; Туба-ханум - дочь Гусейн-хана Шекинского, сестра Селим-хана Шекинского.

Временные жены Ибрагимхалил-хана: Руган - армянка из села Нахчиванлу, от нее - сын Абу-л-Фатх-ага; Хатай-ханум - дочь Дизакского мелика Вахтанга, от нее - сыновья Гусейнгулу-бек и Сефигулу-бек; Ана-ханум - дочь шущинца Хаджи Керима, от нее - сын Фатали-бек; Сона-ханум - армянка из села Таг, от нее - сын Сулейман-бек; Хадиджа - «шамшадильская» азербайджанка из села Баграмлы, от нее - сын Шейхали-бек; Муресэ-ханум - дочь Гюльмали-бека Сарыджалинского, от нее - дочь Шах-Ниса - жена Мирзаали-бека.

Сыновья Ибрагимхалил-хана: будущий глава ханства - Мехтигулу-ага, который имел постоянных жен: Хан-ханум - дочь Мехрали-бека, и Сарай-ханум - дочь Ахмед-хана Карачорлинского; Абу-л-Фатх-ага имел жену Бадир-ханум, дочь Исмаил-хана, родственника Ибрагимхалил-хана; Гусейнгулу-бек имел жену Хурзад-ханум, дочь Намаз-бека Сарыджалинского.

Внуки Ибрагимхалил-хана: Джафаргулу-бек, сын Мамедгасан-аги, имел временную жену Аджайб-Нису - армянку из села Баназур, которая

родила ему сыновей Абдуллу-бека и Керим-бека (*правнуков* Ибрагимхалил-хана); Шукюраллах-бек, Ханджан-ага, Бейюк-хан; *внучки* -Туби-бегим, Бейюк-ханум, Хуршид-Бану Патаван -известная азербайджанская поэтесса.

Гарабагские ханы и члены их семьи имели личные печати. В Институте рукописей им. Фирдоуси Национальной АН Азербайджана хранятся некоторые их описки [201,с.21-22, 271:

- печать Мехтигулу-хана, сына Ибрагимхалил-хана (Ум. 1867), отца известной азербайджанской поэтессы Хуршид-Бану Натаван (1832-1897). На печати легенда «Лаилаха иллаллах ал-маликул хаггул-мубин, Мехдигулу, 1231 (год), хиджри салас» - «Нет божества, кроме Аллаха, печать мелика правоверных Мехтигулу (-хана), 1231 год хиджры» (1815/16 год н.э.); печать сохранилась на рукописи сочинения «Тарих-и Надири» («История Надира») Мирзы Мехти-хана Астрабади; на последнем листе рукописи есть примечание, указывающее на принадлежность этого письменного памятника Мехтигулу-хану Гарабагскому; эта печать подтверждает также существование личной библиотеки главы Гарабагского ханства;

- печать дочери Ибрагимхалил-хана Геухар-ага или Говхар-Нисы (ум. 1867), тетки Хуршид-Бану Натаван, дочери Мехтигулу-хана; на печати имеется легенда | «Афтаб-и исмат ва махи-хайа Геухар-Ниса бинти Ибрагим- хан» - «Солнце целомудрия и луна стыдливости Говхар-Ниса, дочь Ибрагим-хана». Говхар-Ниса уделяла большое внимание развитию просвещения и культуры, слагала стихи, содержала в Шеки две мечети и две школы-медресе [45]. Она собрала богатую коллекцию рукописей, на которых имеются оттиски ее печати с вышеприведенной легендой-эклибрисом. Свое имущество Говхар-Ниса завещала на благотворительные дела. Часть рукописей из ее собрания ныне хранится в Институте рукописей им, Фирдоуси НАНА.

Азербайджанцы составляли подавляющее большинство жителей Гарабагского ханства, отличавшихся воинственностью. Характеризуя их и главу ханства, главноначальствующий в Грузии российский генерал князь П.Д.Цицианов писал, что Ибрагимхалил-хан, «по общему слуху, особенной твердости человек, и верен в своем слове, а Карабахцы славятся храбростью, особенно конница» [53, т.II, док.1437, с.706]. Столетие спустя, российский кавказовед И.Сегаль также высоко оценил правителя Гарабагского ханства: «Сам же по себе Ибрагим-хан был человек умный, славился храбростью, доступностью и честным образом действия» [100]. Относительно численности и национального состава населения упоминалось, что во второй половине XVIII века в ханстве было 130 тыс. жителей (8, л. 1-60). По данным Н.Ф.Дубровина, в конце ого же столетия здесь проживало 60

тыс. семей, то есть, примерно, 300 тыс. чел. [74, т. VI, с.23]. По официальным данным 1810 года, то есть на начало XIX века, на Гарабагской земле было 12 тыс. семей, из них 2500 армянские. Значительная же масса армян, появилась в Северном Азербайджане, преимущественно в Гарабаге, после заключения русско-иранского Туркмеичайского мирного договора 1828 года. Согласно специальной статье 15 этого документа, из Иранского государства, где они концентрировались в Южном Азербайджане, российские власти в организованном порядке стали заселять армян именно в Гарабаг [68, с.48, 87, 91, 103, 108, 127, 155]. В этом процессе активное участие принимали армянские военные чины на российской службе, в первую очередь, полковник Х.Лазарев [68, с.89-91, 95, 107, 134]. В итоге, уже на исходе первой четверти XIX века, согласно налоговому реестру 1823 года, составленному по Гарабагу российскими чиновниками, местная этно-конфессиональная картина изменилась: из 20 с лишним тысяч семей Карабахской провинции армянские теперь составляли 4366 [89, с. 15]. В столице ханства -Шуше, по данным 1832 года, из 1698 семей азербайджанские составляли 936, армянские -762 [78, с.49].

После ханской фамилии в феодальной иерархии шли наследственные беки, затем мелики. Говоря о прерогативах ханской власти, А.Бакиханов отмечал, что хан даровал бекам и меликам в собственность *мюльки* с проживавшими на этих землях крестьянами-райятами, и назначал их на различные должности в ханстве [57, с. 142; 198, с.44]. Беки и мелики являлись вассалами хана. Они не имели права издавать собственные *фирманы* (указы), чеканить монету, вести внешнюю политику. Им разрешалось лишь осуществлять определенные функции в своих владениях и иметь военные отряды, которые, при необходимости, предоставлялись в распоряжение хана. Меликства являлись неотъемлемыми частями ханства без права выхода из его состава [135, с.91]. Фактически, это были магалы, во главе которых находились наследственные владельцы. Не случайно, после ликвидации Гарабагского ханства меликства превратились в магалы Гарабагской провинции Российской империи [89, разн. стр.].

В составе Гарабагского ханства были пять албанских христианских меликств, которые именовали *хамсэ* (арабск. «пять»): Хачынское, Дизакское, Варандское, Джрабер-дское. Тальшское (Гюлистанское). Во времена Сефевидского государства (1501-1736) они входили в Гарабагское (Гянджинское) бейлербейство, а с 1747 года оказались в пределах Гарабагского ханства.

В административно-территориальном отношении Гарабагское ханство состояло из 21 *магала* (округа). Во главе каждого стоял назначаемый

ханом и ответственный перед ним *наиб* (наместник) или *магалбек*, который одновременно именовался *минбаши*, так как при необходимости выставлял отряд в 1000 воинов. Это были, как правило, наследственные владельцы, которые обычно передавали власть от отца к сыну, но с согласия хана. Наибы магалов были наделены административно-управленческими функциями: распределяли суммы податей и повинности между селами своего магала; оберегали богатства вверенной их управлению территории; решали спорные вопросы, отправляли правосудие; собирали отряды для ханского войска и обеспечивали его всем необходимым. Исходя из этого наибы считали себя полноправными хозяевами магала, что способствовало их центробежным устремлениям, и при ослаблении ханской власти они обретали независимость. Наибы за службу из казны ничего не получали, а оставляли себе десятую часть собранных податей. Им полтались *нукеры* - служители, оруженосцы, телохранители.

В магалах имелись *кенды* (села), которыми управляли назначаемые главой магала *кендхуда* (сельский староста) или *юзбаши* (начальник отряда в 100 чел.).

Взимание податей в ханскую казну возлагалось на *саркаров*, которым помогали в этом *наибы* магалов и *кендхуда*. В качестве платы кендхуда и саркары оставляли себе определенную часть собранных податей, ибо из ханской казны они ничего не получали. Если же своевременное и полное поступление податей от отдельных сел задерживалось, то новых саркаров назначал сам хан [198, с.42].

В Гарабагском ханстве был только один город -Шуша, и имелось множество крепостей. В городе главными административными фигурами являлись *калантар* (глава городского управления) и *галабеи* (комендант крепости или цитадели). Галабеи был ответственным за безопасность крепости и за ключи от городских ворот, за оборону ханского дворца, «за спокойствие и безопасность города». Поэтому под его началом находились специальные отряды. Одной из основных обязанностей горожан являлась охрана города в ночное время. Однако ханы часто заменяли эту повинность взносами в свою казну. На эти деньги и создавали специальные отряды для охраны города в ночное время. Во главе отрядов стоял *эсасбаши*; ночная стража отвечала за мирный сон не только лично, но и своим имуществом [75, г. II, с.257]. Полицейские функции в городе выполнял *даруга*, который одновременно был обязан следить за соблюдением порядка на базарах; в частности он назначал цены на продаваемые товары. Однако деятельность даруги не ограничивалась базарной площадью, а была гораздо шире. Ему были предоставлены большие полномочия в защите установлений шариата.

Если ктолибо был уличен в несправедливости и недостойном поведении, даруга, по своему усмотрению, мог наказать или фатовать виновного. Он не получал жалованья из казны, поэтому на базарах Гарабагского ханства был введен специальный сбор - *даргалыг* (сбор в пользу дарги). Это стимулировало даргу своевременно и полностью отправлять подати с базаров в ханскую казну.

Город делился на кварталы - *махалле*, каждый из которых имел своего главу - *махаллебашы*. Его главной обязанностью был своевременный сбор податей с горожан. В каждом квартале были также *дарга* и *юзбаши*, ответственные перед галабеи. Во главе крепостей стояли галабеи, как правило, их назначал и снимал с должности хан, перед которым они несли ответственность.

Как и в других ханствах, в Гарабагском функционировали три формы суда: *диван* - рассматривал дела государственного значения и важные уголовные преступления; *шариатский* - решал вопросы наследования, раздела имущества, различные бытовые проблемы, заключал браки; *аснаф* — цеховой суд, решал споры внутри ремесленных цехов, жалобы населения на ремесленников.

Гарабагское ханство имело войско, которое обычно возглавлял сам хан. Его численность доходила до 12 тыс. чел.

В ханстве, наряду с собственной династией, системой управления, войском, был свой монетный чекан, который занимает особое место в азербайджанской нумизматике [214, с.165-166]. В построенном Панахалиханом городе-крепости, названном в честь основателя Панахабадом, чеканилась *панахабади* - панахабадская - оригинальная серебряная монета весом 5,0 г. Это был первый и единственный известный случай в истории Азербайджана, когда местная монета называлась именем хана и города, где она чеканилась. Выпуск ее был начат при Панахали-хане, но известные монеты датированы 1763 годом и более поздними годами [234, с. 184]. Их выпуск продолжался до ликвидации ханства в 1822 году. Чеканили также половинки панахабади весом 2,4 г. Ныне известны монеты Ибрагимхалил-хана и его преемника Мехтигулу-хана [234, с. 184].

Среди придворных сановников особая роль принадлежала *везиру*. В его компетенции были все гражданские дела ханства, он являлся главным исполнителем указов и распоряжений ханов. По значимости самой влиятельной фигурой после хана являлся именно везир, который считался ближайшим помощником и доверенным лицом венценосца.

История сохранила для нас имена некоторых везиров, один из которых - Мирза Джамал Джаваншир Гарабаги (1773-1850), автор сочинения

«Гарабаг тарихи», многие сведения в котором представлены из первых рук. Он сперва был главным мирзой ханства, в 1797-1822 годах -везиром Ибрагимхалил-хана и его преемника Мехтигулу-хана, участником заключения Гарабагско-Российского Кюрекчайского трактата 1805 года. Другой везир - выдающийся азербайджанский поэт и мыслигель Молла Панах Вагиф (1717-1797), который был выходцем из села Салахлы Газахского магала; получил образование в медресе, знал, арабский и персидский языки. Интересовался архитектурой и астрономией. В середине XVIII века Вагиф переселился в Гарабаг и преподавал в одном из медресе Шуши. Будучи известным образованным и выдающимся поэтом и ученым своего времени, он получил в 1789 году приглашение Ибрагимхалил-хана в его дворец. Первоначально Вагиф исполнял обязанности *эшикагасы* (ведущий доменом хана), а затем был назначен *везиром* - главой ханской администрации, то.есть стал вторым лицом в ханстве. Ему были поручены дела как внутренней, так и внешней политики. Это было трудное время в истории Азербайджана, который подвергся опустошительным нашествиям иранского правителя Ага-Мухаммед-шаха Гаджара (1779-1797). В 1797 году он второй раз вторгся в Гарабагское ханство и завладел его столицей. Схваченного Вагифа шах приговорил к смерти, однако убийство Иранского владыки его собственными сановниками-заговорщиками спасло ему жизнь. Тем не менее, везир и его сын-поэт Али-ага были вскоре убиты по приказу Мухаммед-бея Джаваншира, который временно захватил власть в Гарабагском ханстве и оказался на поводу у придворных врагов Вагифа.

Вагиф был не только выдающимся государственным деятелем. Его поэтическое творчество принадлежит к высочайшим достижениям азербайджанской и восточной культуры. Вагиф создал изумительные стихотворные шедевры, обогатив тем самым родную классическую и народную поэзию, развив азербайджанский художественный язык. Как пишет Мирза Джамал Джаваишир Гарабаги, «Молла Панах Вагиф был мудрым и опытным везиром, пользовался большой славой в Иране и Османской империи» [47, с. 146]. Не случайно, в Азербайджане до сих пор бытует крылатая фраза «Нэг охуан Молла Рənah ola bilməz» («Не всякий грамотей может стать Молла Панахом!»). Тем самым народ выделил выдающиеся качества Вагифа - мыслителя, поэта и государственного деятеля.

После везира в системе управления следовали *саркар-и-али* - глава финансовых дел; *эшикагасы* - ведал доменом хана; *сандуктарогасы* - смотритель расходов казны хана; *амбардарагасы* - контролер зерна и других припасов хана. Все они являлись сановниками высокого ранга. Наряду с ними, хана и его дворец обслуживали чипы рангом ниже. Главы

перечисленных ведомств и другие чиновники за службу получали в награду села, крестьян-ранджбаров, либо имели право па часть податей с райатов и городских ремесленников, так как из ханской казны они ничего не получали.

Исполнением указов, распоряжений и решений хана занимался главный *мирза*, от рекомендаций которого во многом зависело также продвижение чиновников по служебной лестнице [109, с.973]. Это были высокообразованные для своего времени лица, владевшие пером, знавшие тонкости канцелярской работы, умевшие составлять государственные бумаги.

Главы и члены ханской администрации беспрекословно подчинялись хану. Однако после заключения Кюрекчайского трактата (1805), когда он утратил почти все атрибуты власти, а само ханство признаки государственности, усиливается произвол сановников и чиновников, которые превратили полученные земли в наследственную собственность. Стали нарастать центробежные устремления как приближенных к ханскому трону вельмож, так и Гарабагских христианских медиков.

В управлении ханством участвовали также члены семьи и ближайшие родственники хана. В награду за это им были предоставлены земли, имения, даже целые магалы. Каждый из них, как писал Мирза Джамал Джаваншир Гарабаги, по своему состоянию, количеству нукеров и великолепию был равен главам менее значительных ханств [47, с. 146].

Таким образом, политико-территориальная структура Гарабагского ханства была такой же, как и в других ханствах Азербайджана. Отличия заключались в частности. Как, только у гарабагских ханов имелись мелики-вассалы; это ханство было одним из наиболее значительных по своей территории и влиянию, политической важности. Гарабагское ханство обладало всеми атрибутами независимой государственной системы: это - династия наследственных правителей, имевших всю полноту власти; самостоятельная внутренняя и внешняя политика; территория и столица; администрация; монетный чекан; войско. Выдающийся азербайджанский деятель, основоположник азербайджанской исторической науки А.А.Бакиханов (1794-1847), сын Мирзы Мухаммед-хана II Бакинского, посвятил специальную статью наименованиям и титулам ханского периода [57, с. 136-141]. Он пишет:

- *хан* - это государь, царствующая особа;
- *мелик* - потомственный правитель больших и малых территорий.

Имея в виду Гарабагских медиков А.А.Бакиханов пишет, что «после смерти Надир-шаха в 1747 году мелики временно возвысились до самостоятель

ности, продолжавшейся около 15 лет, после чего Панах-хан Гарабагский подчинил их своей власти»;

- *бек* - *потомственный* по праву рождения; *личный*- по должности, с утратой которой лишался титула, не имел права передать титул по наследству; однако, с ослаблением центральной власти, потомственные беки трансформировались в *коренные*; а личные, если удерживали должность в нескольких коленах, - становились потомственными;

- *ага* - «господин», так называют в Закавказье детей - сыновей и дочерей- бывших владетельных ханов;

- *агалары* - множественное число от «ага»;

- *мирза* - обозначение главы отдельны управлений в ханствах;

- *минбаши* - предводитель 1000 воинов; Гарабагские минбаши сохранили только титул по наследству о предков, занимавших эту военную должность;

- *юзбаши* — сотник, начальник 100 воинов;

- *наиб* - ханский наместник в магале;

- *галабек* - начальник крепости или города; назначался из беков;

- *кадий* - религиозный судья;

- *саркар* - надсмотрщик за определенной отраслью хозяйства;

- *дарга* - блюститель порядка, начальник ночной стражи в городе; управитель в селе по хозяйственной части, или же самим селом;

- *векыл* - поверенный, особа, которой доверено отправлять должность;

- *мюлькадар* - владелец недвижимого имущества, свободного от обложения;

- *тиюльдар* - тот, кому временно пожалованы доходы с имения;

- *мираб* ~ распределитель воды;

- *мизандар* - наблюдающий за правильностью мер и весов;

- *кевха* - староста;

- *кендхуда* - сельский староста;

- *мааф* - свободный от податей и повинностей;

- *нукер* - служитель, приближенный слуга;

- *эшикагасы* - придворная должность, «адъютант» при хане.

А.А.Бакиханов пишет там же:

- *владельческий хан* - именовал себя бендеган-и али - «высокородие»; прикладывал свою личную печать снаружи; а также алиджах - «высокосановный», с другими важными выражениями;
- детей владельца хана именовали *али-шин* - «высокостепенный», *натиджат ал-хаввахан* - «ханские потомки», *сулалат ал-амир* - «из династии эмиров»;
- коренных или важнейших беков именовали *али-шан*;
- других беков и почетных лиц - *али-кедр* - «высококочтимый»;
- личных, и даже потомственных, но не важных, беков именовали *руф 'ат-ма али-панах* - «высокопокрови-тельствующий».

2.2. Социально-хозяйственная жизнь Гарабагского ханства

В экономике ханства преобладало натуральное хозяйство [подр. см.: 111, с.27-64; 200]. Основными отраслям являлись и оседлое многоотраслевое культурное земледелие и отгонное скотоводство.

В Азербайджане эпохи ханств существовали различные формы земельной собственности, которые зародились в более ранний период и имели свои особенности и отличия. Так, ранее существовали две формы землевладения правящих династий *диваны* (государственные земли) и *хассе* (лично принадлежавшие государю).

В ханский период обе эти категории слились и стали именоваться *ханскими*. Иными словами, как отметил И.П.Петрушевский, «в этот период наблюдалась тенденция слияния государственных земель с землями членов ханской семьи..., рост частного землевладения за счет ливанского» [92, с.34]. Эти земли были наряду с податями, главным источником доходов хана и его семьи.

Одной из наиболее распространенных форм земельной собственности во многих ханствах, в том числе Гарабагском, был *мюльк* (частновладельческая земля). Как и ранее, в ханский период фонд таких земель сложился за счет пожалований, а также приобретения права собственности на чьи-либо земли. Поэтому в исследуемый период они росли [85, 114]. Мюльк составлял полную собственность феодала, которую он мог продать, завещать или подарить. Владелец такой земли именовался *мюлькадаром*. Владение мюльком не было связано со службой хану или кому-либо еще. Но

мюлькадар должен был часть полученных доходов в виде подати отдавать в казну.

Исключение составляли *мюльки-халисе* («чистый» мюльк), представлявшие пожалования, пользовавшиеся фискальным иммунитетом. Это право предоставлялось феодалам за особые заслуги. В подтверждение сказанного приведем данные из архивного документа, где говорится, что «село Горунзур 40 лет назад было заселено на пустопорожном месте капитаном Касумбеком, на право владения которым имелась *тала* (*таллага* - документ на право владения. - Ф.А.) за печатью Карабахского хана» [210, с. 188]. В данном случае право на фискальный иммунитет было получено капитаном Касум-беком за то, что он заложил село на пуствовавших землях.

Одной из наиболее распространенных в азербайджанских ханствах форм собственности на землю был также *тиюль*, означавший в XVI - первой половине XVIII веков пожалование феодалам определенной части податей в форме *малджахата*. Оно было временным и условным, предоставлялось в обмен на государственную службу [210, с. 188]. Обладатель такого пожалования именовался *тиюльдаром*.

Во второй половине XVIII века происходит эволюция тиюля: теперь такое пожалование предоставляло тиюльдару право не только на ренту, но и на крестьян, которые попадали в личную зависимость от него. Поэтому тиюль стал превращаться в мюльк, и азербайджанские феодалы стремились закрепить эту категорию земель за собой в наследство.

Однако для того, чтобы тиюль стал наследственным, требовался особый указ хана - *таллага*. Например, в *таллага* Мехтигулу-хана, датированной 1809 годом, говорится, что сельская община Эфендилер, отданная Ибрагимхалил-ханом в качестве тиюля Рустам-беку, остается за тем же тиюльдаром: «мы вас (т.е. жителей Эфендилер. - Ф.А.) пожаловали ему с тем, чтобы вы отбывали ему службу» [4, л-546]. В Гарабагском ханстве пожалование тиюля отмечено для всех трех правивших ханов - Панахали-хана Ибрагимхалил-хана и Мехтигулу-хана.

В ханстве также имелись вакфные земли, которые передавались или завещались в полную собственность мусульманским религиозным учреждениям. Такая категория землевладения создавалась за счет пожертвований из фонда хаосе и диван и особыми указами ханов. Вакф пользовался всевозможными льготами и был освобожден от обложения. К примеру, в Шуше большие земельные владения имела мечеть Геухар-ага или Геухар-ниса, дочери Ибрагимхалил-хана [45].

Наряду с вышеперечисленными формами земельной собственности в Гарабагском ханстве существовали и общинные земли - *джамаат*,

находившиеся во владении сельских общин. Следует отметить, что своеобразие крестьянского надельного землепользования в Азербайджане состояло в том, что оно осуществлялось на основе норм *шариата* или обычного права (*адата*).

Как явствует из слов одного из кавказоведов XIX века, Закавказье и мусульманский Восток, «действительно могут считаться своеобразным миром, где рождаются и действуют исключительно обычные права, заменявшие собой здесь закон» [75, г.1]. На протяжении многих столетий нормами шариата или обычного права регулировалась вся внутренняя, сословная, правовая и хозяйственная жизнь сельской общины, являвшейся вплоть до аграрной реформы 60-х годов XIX века самой распространенной социальной организацией азербайджанского крестьянства. Сельская община выступала как автономная ячейка в каждом селе, жители которого на основе обычного права, исходя из местных географических, климатических и хозяйственных условий, создали систему распределения земельных угодий, водопользования и подымной раскладки податей и повинностей.

В Гарабагском ханстве практиковалась *башевая* (поголовная) система наделения землей *райятов* (крестьян). Сущность ее состояла в том, что правом на полный надел обладал *баши* (или голова), под которым подразумевали женатого мужчину; несовершеннолетний или холостой, но достигший 16 лет, получал *полбаши*; мальчикам от 12 до 16 лет полагалось *четвертьбаши*. Остальные дети, женщины и старики при наделении землей в расчет не принимались. Среди крестьян, занимавшихся преимущественно отгонным скотоводством, сложилась сие тема *кара* или *кычга*. единицей надела и обложения при пойн системе являлось определенное количество олов скота. Фиксированной величины земельного надела, одымного или поголовного обложения в Гарабагском ханстве в источниках нет. Скорее всего, как ранее, величина надела зависела от наличия и количества свободной земли; обложение же производили на сельскую общину. Которая сама распределяла подати и повинности подымно. Для населения ханств Азербайджана, в том числе Гарабагского, была характерна иерархическая структура. Общество делилось на два социальных сословия. Одно -включало высшие социальные слои: ханов, султанов, меликов, кочевых эмиров, беков с их семьями, сановников и военачальников различного ранга, верхушку духовенства, чиновничества, купечества и ремесленников. В другое сословие входили низшие социальные слои: крестьяне, ремесленники, рядовые служители культа, горожане и воины, «люди базара», то есть мелкие розничные торговцы,

городская беднота, кочевники - элаты. Это сословие составляло подавляющую часть населения.

Вместе с тем в каждом сословии имела своя внутренняя иерархия, строго регламентировавшая и определявшая место и положение индивидов в обществе, что давало им те или иные права и устанавливало их обязанности. Так, представители социальной верхушки в ханствах делились на три разряда [60, с.49; 85, с. 122]:

I. Хань и прямые потомки династии. Понятие «хан» в значении титула имело два значения: 1) *владелец хан* - лицо независимое, хотя по некоторым обстоятельствам и могло признать над собою чью-нибудь власть; это звание было наследственным, переходило от отца к сыну, или от брата к брату; оно предоставляло его носителю особые права; 2) *титульный хан* - почетное звание, которое могло получить даже лицо незнатного происхождения; это звание не передавалось по наследству, было пожизненным, и не давало его владельцу каких-либо особых прав.

II. Потомственные или «коренные» беки, среди которых были родственники владельцев династий, а также потомки владельцев родов, то есть беки по праву рождения; наследственные эмиры кочевых племен и наследственные главы отдельных обществ; а также лица, получившие звание бека от шаха и султана.

III. Личные беки и медики, получившие от ханов титулы вместе с селами в управление на правах беков; личные беки, получившие титул за службу хану, но без пожалования им сел в управление; временные беки, обладавшие этим титулом, пока они управляли ханскими имениями. Если личные беки занимали одну и ту же должность в течение нескольких поколений, то они становились потомственными. В целом, беки были преобладающей частью социальной верхушки.

Остальные слои верхушечного сословия также не являлись однородными: религиозные служители подразделялись на несколько категорий - от главы верующих до настоятеля мечети или святого места (*мира*); военные - от командующего - *ситхсалара* до *онбаши* - командира десятки; ремесленники - от главы цеха до мастеров; купцы - от крупных до средних; горожане - от богатых до средних слоев; судьи - от верховного *кадия* до *кадия магала*.

Вместе с тем было общее, объединявшее все слои социальной верхушки: они не были обязаны податями и повинностями. Если же какие то тяготы выпадали на их долю, то они перекладывали их на плечи низшего социального сословия:

- *купцы* - увеличивали цену товаров;

- *главы цехов* - увеличивали цену производимой продукции;
- *старшины* - включали свои фискальные тяготы в поборы с рядовых членов сельской общины.

О правах беков, агаларов, наибов, старшин имеется достаточно сведений в официальных документах АКАК [53, т.VIII, док.354, с.469-477].

Низшие сословие тоже не было однородно по своему составу. Однако одно обстоятельство объединяло рядовую массу крестьян, ремесленников, горожан, торговцев, воинов и низшие слои религиозных служителей. Все они были обязаны податями и повинностями.

Следует отметить, что в ханствах не существовало твердых законов. Больше действовали в соответствии с установлениями *шариата*, традициями, обычаями, казусами. Поэтому не было фиксированных положений для определения и утверждения прав и обязанностей сословий. Хан, как абсолютный монарх, сам решал, кому быть беком, потомственным или личным, кто получал под свое начало землю и села, должность или милости при дворе; он же принимал решения по важнейшим вопросам. Однако, Даже хан должен был придерживаться норм шариата, традиций и обычаев.

В целом, несмотря на отсутствие в ханствах законодательного, юридического оформления прав, преимуществ и привилегий высшего социального сословия, твердо следовали шариату, традициям и обычаям, которые на Востоке были сильнее законов [53, т.VII, док.373, с.430]. Что же касается низшего социального сословия, то говорить о его правах не приходится; у него имелись только обязанности.

Роль беков, особенно наследственных, в социально-экономической жизни азербайджанских ханств была значительной. Как свидетельствуют источники, «беки занимали всегда высшие должности в ханстве и при дворе хана, получали или жалованье из ханской казны или доходы от порученных им в управление ханских земель. И, наконец, хан давал им в пожизненное владение села. Они, как и другие свободные сословия, могли приобретать земли, заниматься безо всякого платежа хану торговлей, земледелием и другими промыслами. Обязанности беков главным образом состояли в том, что они должны были быть всегда готовы на всякую службу хану, за собственный счет» [53, т.IX, док.213, с.201].

Однако, как явствует из источника, «ханы порою вели по отношению к отдельным бекам осторожную политику и, довольствуясь изъявлениями ими покорности, поступали с ними с большой осмотрительностью. И остерегались нарушать права» [88, ч.III, с.25-29]. Такая «толерантность» была следствием того, что во-первых, беки составляли одну из главных опор ханской власти (другой было войско хана); во-вторых, беки, управлявшие на

местах, могли, в случае ослабления власти хана отложиться от него, то есть всегда являлись той центробежной силой, которая угрожающе висела над ханом как Дамоклов меч; в-третьих, беки являлись самой многочисленной частью высшего социального сословия, а, значит, в-четвертых, именно из их среды хан мог вербовать преимущественно основной контингент «своих» людей; в-пятых, беки имели отряды воинов, в которых нередко нуждался хан и которые могли стать для него угрозой.

Помимо беков, заметное место в сословной структуре Гарабагского ханства занимали мелики, которые являлись потомственными правителями небольших владений, 5 меликств, находившихся в вассальной зависимости от Гарабагских ханов. Они даже не имели равных прав с султанами: например, не могли быть военачальниками. Хотя в Гарабагском ханстве султанов не имелось, но от него зависели Арсшское, Габадинское и Газахское султанства.

Мусульманское духовенство Гарабагского ханства, как и остальных Азербайджанских ханств, было неоднородным. К высшим слоям относились *муджтехид*, *муфтий*, *шейх-уль-ислам*, *кадий*, к низшим - магальские *муллы*, *муэдзины*, *марсиаханы*, *сеиды*, *дервиши*. Несмотря на множество степеней, в народе духовные лица назывались: высшие - *ахундами*, а низшие - *муллами*. Мусульманское духовенство не получало содержания от хана, но и не платило податей и не исполняло повинностей. Источниками его доходов являлись вакфы, добровольные пожертвования паствы и исполнение различных религиозных обрядов. Вместе с тем представители мусульманского духовенства, пользующиеся особым авторитетом, известностью и большим влиянием и уважением в народе, почти всегда получали от хана денежное вознаграждение или село на правах мюлька или тиюля [6, л.268]. Мусульманское духовенство в своем лице объединяло конфессиональную и гражданскую судебную власть, то есть исполняло религиозные обряды и рассмотрение различных дел через шариатский суд. В обоих случаях оно являлось, наряду с системой управления, беками и войсками, важной опорой ханской власти, ее идеологическим подспорьем и обоснованием.

Отдельную социальную группу населения ханств Азербайджана, в том числе Гарабагского, составляли *маафы*. Эта категория представляла собою «служилых» людей, освобожденных от подушной подати за исполнение военной службы, ибо несли повинность кровью, то есть рисковали собственной жизнью. Они происходили из крестьян и играли определенную роль в политической жизни ханств. Маафы не просто несли военную службу, им вменялась в обязанность также охрана рубежей

государства, то есть они были также «пограничниками». По иерархической лестнице ханства, маафы следовали за беками.

Они составляли ханскую дружину или войско, а также гвардию. В документе начала XIX века права и обязанности маафов описаны следующим образом: «обязанность маафов состоит в том, что властью бывших ханов были они отправлены в поход против неприятеля, исполняли распоряжения местного начальства и содержания караула, но не платили в казну податей на сем же основании» (53, т.VIII, док.354, с.474]. В другом источнике того же I времени говорится, что «маафы, по данным от хана талигам, имеют регбаров» [22, л. 14]. Под последними имеются ввиду *ранджебары*, то есть основная категория крестьян, которая не имела собственного хозяйства: землю, семена для посева, воду для полива, тягловый скот, орудия труда все это они получали от землевладельца, за что были обязаны отдавать ему до 4/5 собранного урожая [161].

Маафами становились как за особые заслуги перед ханом, так и по ходатайству беков, вступивших в родство с крестьянином, почему они старались вывести его из податного сословия.

Таким образом, институт маафов был органически связан с ханским политическим строем и вытекал из социальной и военно-политической природы азербайджанских ханств.

Следует отметить, что, кроме маафов, в составе ханского войска имелись наемники, в основном из горских племен Северного Кавказа. Содержание наёмных отрядов, например, Ибрагимхалил-хану, обходилось довольно дорого. Более того, хану не всегда удавалось своевременно уплатить жалование наемникам, вследствие чего они тнимали бунт и занимались грабежами. В одном документе говорится, что бунтовщики, «оставя его (Ибрагимхалил-хана - Ф.А.) стан, многие села разорили. Пленили более двух тысяч людей и захватили в добычу несколько тысяч голов скота». Только с помощью Шекинского хана Ибрагимхалил-хан смог вернуть угнанных в плен мирных жителей Гарабага, но ему пришлось уплатить бунтовщикам за каждого пленного [12, л. 10].

Как видно, высшее социальное сословие, свободное от фискальных тягот, фактически полностью зависело от хана. В этом сословии была сложная и дробная иерархия: от хана, стоявшего на высшей ступеньке социальной иерархии, до маафов. Однако все они - ханы, беки, найбы, агалары, мелики, маафы, старшины, духовенство, высшая бюрократия, верхушка ремесленников и купечества составляли меньшинство населения ханств.

Подавляющее большинство было низшее податное сословие, в котором самую значительную часть составляли крестьяне.

В ханствах Азербайджана, в том числе в Гарабагском, крестьяне по своему правовому и имущественному положению подразделялись на следующие категории: *райатов, ранджбаров, акеров*.

Самой многочисленной частью являлись *райаты*. Арабский термин «райат» употребляется в широком и узком смысловом значении. В первом случае райяты - вообще «податное сословие» - горожане и крестьяне, обязанные взносами в казну правителя и определенными повинностями; во втором значении - часть населения, что Уплачивала *харадж* - подоходную подать. В этом случае Райятами именовали государственных (ханских) крестьян-земледельцев. Но так как все земли в ханстве, в том числе и находившиеся в частном владении, вносили определенную часть податей в казну, то название *райат* распространялось и на частновладельческих крестьян. Следовательно, райяты - это как государственные, так и частновладельческие крестьяне. Райяты, имевшие небольшой надел, платили ренту продуктами от 1/10 до 1/5 доли [12, л. 10]. Райяты, не имевшие своего надела, арендовали землю, за что отдавали ее владельцу в качестве ренты от 1/2 до 3/5 доли урожая [12, л. 10].

Таким образом, в ханский период часть райятов имела земельный надел, орудия производства, рабочий скот и инвентарь; они вели хозяйство, основанное на личном труде и обязаны были платить феодалу и хану натуральные и денежные подати, исполнять различные повинности. Безземельные райяты арендовали наделы, тягловый скот, орудия труда у землевладельцев, за что обязаны были отдавать ему не менее половины урожая. Они же были обязаны податями, повинностями.

Все райяты входили в сельскую общину. В правовом отношении райяты никогда не считались крепостными, так как шариат не признавал личной зависимости мусульманина от мусульманина. Но фактически значительная часть их находилась в зависимости от хана или от землевладельцев в силу земельного держания. Поэтому обрабатывающим землю феодала крестьянам разрешалось переселяться, но на практике существовал ряд условий, препятствовавших свободной перемене места. Прежде всего, нужно было выждать окончания полевых работ, выполнить все повинности, выплатить подати и разные поборы, в том числе недоимки. Райят обязан был заявить феодалу о предполагаемом уходе за несколько месяцев до окончания полевых работ, если только он мог рассчитывать на своевременное погашение своих обязательств. Поэтому, как правило, крестьяне самовольно оставляли наделы и бежали. Однако и на новом месте

они попадали в такие же условия, что и раньше. В свою очередь, феодалы разыскивали беглых крестьян и силой возвращали их на прежние места жительства. Например, в 1790 году Ибрагимхалил-хан приказал кендхуда селений найти бежавших райатов и вернуть их прежним владельцам; Мехтигулу-хан пожаловал Сисианский магал Аджи Агаларбеку за услугу в возвращении в села прежних жителей; село Шарифан Ибрагимхалил-хан отдал Нури-бску за розыск и переселение туда бежавших жителей [1210, с. 158].

Райаты подвергались произволу феодалов, которые, не взирая ни на что, взыскивали с крестьян подати и заставляли исполнять повинности, чинили произвол, суд и расправу над ними [140].

Другой значительной социальной группой являлись *ранджбары*, чье положение было хуже, чем райатов. Термин *ранджбар*, буквально «несущий бремя, трудящийся», имел двойное значение; 1) крестьяне лично, а не в силу земельного держания, зависимые и работавшие в хозяйстве феодала; 2) крестьяне - издольщики.

Ранджбары отличались от райатов главным образом тем, что были лишены орудий производства - инвентаря, тягловой силы, работали в хозяйстве феодалов, в основном на пахотных землях, на шелковичных, рисовых и хлопковых плантациях [142, с. 162]. В указанных хозяйствах ранджбары работали круглый год, получая за это часть произведенной ими продукции. В «Описании Карабахской провинции» имеются сведения о том, что в селе Гиндарх было 26 ханских шелковичных садов, обрабатываемых ранджбарами, которые получают за работу половину собранного урожая [89, с.380].

Право феодалов над ранджбарами ничем не ограничивалось, ибо, во-первых, они закреплялись ханскими талига за их хозяйством; во-вторых, ранджбары не имели права оставлять землю, по существу превращаясь в рабов-в-третьих, не имея собственного хозяйства, они фактически являлись бесправными; к тому же, в-четвертых ранджбары в силу своего низкого социального статуса, не входили в сельскую общину [76, ч.II, с.39].

Об истинном положении крестьян свидетельствует право хана своим распоряжением низводить райата до положения ранджбара. Этими последними становились также беглые крестьяне из других ханств и пленные.

Поэтому не случайно, что во времена Российской империи, по указу 1845 года ранджбары были включены в категорию крепостных крестьян [161].

Что же до исследуемого нами периода, то феодал мог передать рапджбаров другому феодалу без земли. Так, в указе Мехтигули-хана Гарабагского по этому поводу говорится, что «несколько семейств, находящихся в крепости Шуша, собственно мне принадлежащих, пожертвовал я Худат-беку и Бахрам-беку. Дабы они, разделив их между собою на две части, владея, пользовались каждый своей частью» [210, с.318-319].

Беки имели право при выдаче замуж своих дочерей вместе с движимым имуществом отдавать в качестве приданого крестьян-ранджбаров [3, л.42]. «В ханские времена, - пишет С.Эсадзе, - одни ранджбары давались известному лицу потомственно, другие пожизненно, третьи составляли принадлежность какой-либо должности, и лицо это пользовалось услугами ранджбара, а с прекращением его обязанностей услугами ранджбара начинало пользоваться вновь назначенное лицо» [110, с.597].

Источники пополнения рядов ранджбаров были разнообразными. Нередко обреченные на голод и разорение райаты вынуждены были продавать свой земельный надел феодалам и превращались в ранджбаров. Ранджбарами становились переселенцы из других стран и ханств, скотоводы, пленные и беглые крестьяне [11].

По словам современника, «ранджбаров заставляли разводить шелковичные сады, иметь над оными надзор и пользоваться за это предоставленной им частью доходов. В селах они (ханы - Ф.А.), избрав лучшие места для садоводства, принадлежащие поселянам, покупали их за ничтожную плату, присудив самих хозяев. Бегство ранджбаров было настолько частым явлением, что отдельные ханы вынуждены были договариваться между собой о возвращении беглых крестьян. Так, в договоре между Мустафа-ханом Ширванским (Шемахинским - Ф.А.) и Ибрагимхалил-ханом говорилось, что «первый обязуется... возвратить все Гарабагские семьи второму».

Значительную часть населения в Гарабагском ханстве составляли кочевники-эляты. Их основным занятием было скотоводство. В большинстве случаев эляты освобождались от обложения, но должны были отбывать повинности, в том числе военную в ханской армии. По свидетельству Мирзы Джамала, «все и латы (крестьяне. - Ф.А.) Гарабага, отмеченные в журналах и списках, входили в (состав) конного войска. При надобности из магалов и сел являлись в войско пешие стрелки со старшинами магалов» [47, с-144]. Кочевья Гусейн Саркара, Шахверди Саркара, Аллахверди Саркара обязаны были пасти принадлежащие некоему Рустам-беку скот, табуны, давать подводы для перевозки провизии в Шушу. Эляты магалов должны были участвовать и в обработке ханских земель. В одном из Документов

говорится, что «кочевья разных магалов производят для хана запашку земли и посевы пшеницы, Употребляя для сего свои сохи: с Джебанширского магала 7 сохами 2 дня, с магала Отузики 17 сохами 2 дня, Кеберлинского магала 15 сохами 2 дня».

Как и в других ханствах Азербайджана, в Гарабагском также существовали три формы земельной ренты: *натуральная, денежная и отработочная*. Господствующей формой была натуральная. Отработочная в изучаемый период еще не исчезла, а денежная не получила достаточного развития. В силу этого экономический уклад ханства характеризовался отношениями натурального хозяйства, что в условиях XVIII - начала XIX веков, когда на Западе уже господствовал капиталистический способ производства, являлось признаком отсталости. Большая часть собираемых доходов шла на содержание ханской семьи и остального высшего сословия. Мирза Джамал Джаваншир пишет по этому поводу, что «доходы Ибрагим-хана состояли из малджахата, собираемого (натурой) с урожая хлебов, коконов и (различных) посевов, также плугов, принадлежащих лично хану. Много дохода, как наличными, так и натурой, поступало также от аренды, подношений, податей с населения, монетного двора и в виде подарков, присылаемых из вилайетов Азербайджана» [47, с. 145].

В Гарабагском ханстве существовало более 30 податей и повинностей в пользу хана, беков, чиновников, служителей культа, которые вносили деньгами или натурой [89, ведомости 2-34; 112, гл;VI; 123, гл.II/3].

Малджахат. По определению И.П.Петрушевского, он являлся основной частью ренты-налога и вносился продуктами - пшеницей, ячменем, рисом, хлопком, шелком [210, с.226-237]. В Гарабагском ханстве малджахат составлял 1/5 часть валового урожая [89, с.220].

Бахра. По мнению И.П.Петрушевского, «синонимом от термина «малджахат» был термин бахрэ... в ханствах Эриванском и Нахичеванском был в ходу исключительно этот термин» [210, с.267]. Такого же мнения придерживается Г.Б.Абдуллаев, который отмечал, что «этот вид подати в Шекинском и Кубинском ханствах назывался малджахат, а в Гарабагском ханстве бахра» [142, с. 170].

Однако анализ первоисточников, в том числе «Описания Карабагской провинции 1823 года», дает возможность не согласиться с выводами отмеченных авторов. Дело в том, что малджахат и бахра приводятся в источниках как отдельные и самостоятельные подати и отличаются по размерам. Например, село Домми Варандского магала платило хану малджахат в размере 456 рублей ханскими деньгами (*Ханские деньги* - высококачественный серебряный монетный чекан Гарабагского

ханства. В период составления Описания Гарабагской провинции 6 руб.30 коп. ханских денег равнялись 1 рус. сер. рублю. Последний содержал 18 г. чистого серебра (Зварич В.В.Нумизматический словарь. Львов, 1978, с. 147). Таким образом, 456 руб. ханских денег содержали 1 кг 300 г чистого серебра. -Ф.А.) или 1/5 частью урожая. Относительно податей того же села говорится, что «земля его принадлежит Беграм-беку, сыну полковника Мелика Джимшида, за которую он получает с обрабатывающих полей бахру». Таким образом, можно считать, что малджахат и бахра являлись *отдельными* податями.

Чёмбаши - подать с райатов за пользование пастбищами.

Баг пулу или *баг байт* - подать с садов, составляла 1/10 урожая. С мусульман в Гарабагском ханстве взималась плодами, с христиан - вином и водкой.

Сальяна - часть малджахата, которая взималась в пользу казны. Например, кочевье Чеменли Атапхан Кебирлинского магала платило казне в качестве «сальяна» 7 четвертей (1470 литров) пшеницы [Мера объема четверть Равна 210 литрам. -Ф.А.].

Атарнасы - обязанность крестьян поставлять корм для лошадей хана.

Алафа - фураж для верховых и тягловых животных феодала.

Диш киреси - обеспечение едой воинов, стоявших в домах райатов.

Баи пулу или *ваи харджи* - подушная подать взывкалась ежегодно с лиц мужского пола, начиная с 15-летнего возраста, то есть с того времени, когда юноша I становился самостоятельным работником. У нас нет данных о поголовных размерах этой подати, ибо приводимые в источнике данные, в основном, охватывают сельскую общину целиком.

Отаг харджи или *эв-пулу* ~ подати с каждого двора, которую одинаково платило как мусульманское, так и христианское население Гарабагского ханства.

Байрамлыг - обязательное праздничное подношение. Взималось как с городских жителей, так и с крестьян. Байрамлыг обычно уплачивали во время Новруз байрама и Гурбан байрама.

Той пулу - за свадьбу в семье крестьянина, который был обязан заплатить 10 руб. феодалу. Если свадьба происходила в доме бека, то последний требовал с крестьян той пулу.

Мирзайана - взимался в пользу первого или главного ханского мирзы.

Даргалыг или *калантаarlyг* - сбор в пользу дарги и калантара.

Гуллухи - на содержания ханских нукеров, есаулов и сборщиков податей.

Шербет нулу - в пользу чиновника, наблюдавшего за изготовлением шербета, а также других напитков в ханском дворце.

Шора нулу - за разрешение производить селитру.

Почт нулу - в размере 3-5 руб. ханских денег с каждого дома за почтовую службу, которая исполнялась также в форме повинности: от каждого села по одному конному на определенное число дней в году.

Чапархана ~ почтовая повинность.

Чувал нулу - сбор для покупки мешков.

Отаг харджи - подать взамен повинности постоя.

Кархана харджи - подать с ремесленных цехов.

Джют ваты - за пользование во время вспашки земли плугом или сохой.

Ихраджат - взимался при чрезвычайных обстоятельствах.

Существовал также сбор по 1 руб. ханских денег с каждого дома в пользу ханских поваров и пекарей.

Бадж России - согласно условиям Гарабагско-Российского Кюрекчайского трактата 1805 года, артикул (статья) восьмой, Ибрагимхалилхан Гарабагский был обязан вносить в российскую казну ежегодную дань в размере 8 тыс. зол. червонцев или 808 тыс. руб. сер. ханских денег [53, т. II, с. 705] (из расчета 1 рус. зол. червонец = 101 сер. руб. ханских денег).

В пользу служителей религии взимали:

Хумс - пятая часть от доходов мусульманина;

Закят - подать в казну в пользу неимущих;

Фитре - поборы с мусульман в пользу неимущих накануне Рамазан-байрама.

Из повинностей отметим следующие:

- каждая семья была обязана, по требованию землевладельца, выделять одного работника с собственным инвентарем и тягловой силой для работы на барском поле в течение трех дней в году;
- каждая десятая семья, по очереди, должна была посылать одного человека для работы в доме и на поле землевладельца;
- нукер не моложе 20 лет должен был не менее одного года служить у своего господина;
- кроме нукеров мужского пола каждая семья, по требованию господина, обязана была предоставлять ему одну служанку;
- райаты были обязаны выделять людей для присмотра за ханскими конскими табунами;

- крестьяне обязаны были также в определенные дни работать в барском хозяйстве в период сева, сбора урожая, молоты, свозить зерно, косить траву, возить дрова, выполнять работу по строительству и уходу за скотом.

Известно также, что ковроуткачи обязаны были в качестве подати отдавать часть сотканых ковров.

Мирза Джамал Джаваншир, служивший в должности главного мирзы, а затем везира Гарабагского ханства, приводит сведения о расходах и доходах во времена Ибрагимхалил-хана: «Ежегодно, в день праздника Новруз, всем знатным военачальникам, воинам, тысячникам от имени хана выдавались халаты, подарки, конь и сабля. Каждый, соответственно своему сану, приносил подарки из вилайетов Азербайджана, а мелики из магалов. ... Когда Ибрагим-хан был в походе или стоял лагерем, большинство из находящихся при нем тысячников, сотников, беков, агаларов, а также некоторые воины, секретари, эшикагасы, стражники и есаулы завтракали, обедали и ужинали из корхана (общей кухни) хана, из ханских же запасов выдавался ячмень для их лошадей. Часто по вечерам, кроме живых овец, выдаваемых тысячникам и другим, в кухне покойного хана расходовалось около сорока пудов риса и тридцати овец» [47, с. 144].

Все эти расходы покрывались за счет основных плательщиков - райатов.

Не все перечисленные подати поступали в казну. Не раз Панахалихан и Ибрагимхалил-хан, по своему усмотрению, уступали те или иные доходы в пользу своих приближенных, родственников или людей, имеющих особые заслуги. «Описание Карабагской провинции» изобилует такими фактами: лишь часть доходов шла казне, остальное - ханским родственникам, бекам, агаларам, сановникам, чиновникам. Например [89, с.20, 84-87, 106-107, 112-113, 118-121,138]:

- «Сие кочевье (Афшар. - Ф.А.), по ханской талале, предоставлено в управление поручика Ширин-бека с правом пользоваться всеми доходами»;
- Село Гярана: «По ханской талале, в управление Ростом-бека, с правом пользоваться доходами»;
- Имение капитана Угурлу-бека: «владеет по талале Мехтигулу-хана, и никаких податей не платит»;
- Кочевье Гарадаглы «по талале Мехтигулу-хана, никаких податей не платит»;

- Имение Мирзы Юсуфа Гарабаги, автора одного из сочинений о Гарабагском ханстве, «принадлежит в собственность Мирзе Юсуфу но талеге ханской»;

- Село Севакяр - «все подати, по талеге Мехтигулу-хана, предоставлены в пользу Хаджи Агалар-бека»;

- Имение капитана Исмаил-бека и его братьев: «не платят ничего, подати и повинности принадлежат владельцу»;

- Имение полковника Ханлар-аги, сына Ибрагимхалил-хана, и его рода: «Подати и повинности самому владельцу».

При изучении архивных документов мы столкнулись с весьма интересным, на наш взгляд, фактом. Гарабагские ханы и отдельные феодалы при раскладке иодатей и сборов, наряду с маафами, саркарами, представителями духовенства, освобождали от взносов крайне бедных крестьян, калек, вдов, сирот [89, с.64, 78, 80, 82, 86, 92, 98, 100, 102, 104 и ел.]. Освобождая от податей и повинностей привилегированную сельскую верхушку и беднейшие слои населения, всю тяжесть земельной ренты Гарабагские ханы перекладывали на плечи остальных крестьян, главным образом ранджбаров. То есть сумма их доходов не уменьшалась.

Выше отмечено, что в Гарабагском ханстве отработочная рента была слабо развита. Однако она практиковалась: принудительный труд крестьян назывался «*бигар*». Крестьян заставляли бесплатно работать на сооружении водоемов и кягризов, рытье и очистке каналов, строительстве крепостных стен.

Бигар продолжался от 3 до 6 дней в году. Кроме того, крестьяне два дня в году были обязаны работать всем сельским сходом на феодала [12, с. 12]. В «Описании Карабагской провинции» [89, ведомости 2-34] многократно отмечены разрядка податей и повинностей по магалам в денежном или натуральном выражение, в том числе определенные суммы с каждого села и дыма, работа в ханской или барской усадьбе и поле, отправление почтовой службы.

В «Записке об управлении Кавказом» о порядке взимания натуральной ренты, говорится, что «поселянин, окончив жатву, в присутствии владельца или доверенного его делил хлеб на снопы... Причем это он обязан был сделать не позднее трех дней после уборки; доставить малджахат владельцу, если последний жил в имении, поселянин обязан был не позже трех дней после уборки, а если владелец жил не далее 50 верст, то поставка производилась по окончании полевых работ» [110, с. 178].

Феодалы азербайджанских ханств, в том числе Гарабагского, не обладали так называемым вещным правом в отношении крестьян, ибо у

землевладельцев было слабо развито или отсутствовало собственное хозяйство. В источнике «О зависимых сословиях Закавказья и Дагестана» отмечено, что райаты находились только в поземельной зависимости от феодалов, оставаясь лично свободными, то есть имели право в любое время в связи с прекращением пользования землей прервать с беком отношения [15, л.8].

Таким образом, юридически и законодательно оформленного как в России крепостного права в Азербайджане не существовало [142, с.164-165; 166, с. 164-165; 198, с.36-381- «Райатская зависимость, - свидетельствует архивный документ, - существует во многих местностях Закавказского края, где она не включает в себе ничего похожего на крепостные отношения» [15, л.6]. Однако это не исключало феодальной зависимости крестьян и, особенно, ранджбаров, в том числе в азербайджанских ханствах.

Многие исследователи, в том числе И.П.Петрушевский, характеризуют вторую половину XVIII века в истории Азербайджана как период относительного экономического подъема [210, с.86]. Путешественник Маршал фон Биберштейн, очевидец относительно тяжелого состояния сельского хозяйства в Азербайджане в последней четверти XVIII века, писал, что «хотя бесконечные войны и беспокойный дух жителей этой страны не могли не повредить земледелию, тем не менее, необходимость помешала жителям оставить его совершенно» [10, л.36]. Хотя сказанное Биберштейном относилось к Северо-Восточному Азербайджану в целом, но, учитывая, что все ханства находились почти в одинаковых условиях, полагаем, что вышесказанное с полным основанием можно применить к состоянию хозяйства и Гарабагского ханства.

Большой ущерб сельскому хозяйству в Гарабагском ханстве наносили междоусобицы и частые походы Гарабагского хана в соседние земли, в ходе которых основной производитель крестьянин отрывался от земли на долгое время. Одновременно само ханство неоднократно подвергалось нападениям соседей, в частности Губинского ханства, глава которого Фатали-хан в начале 80-х годов XVIII века четырежды совершал походы в Гарабаг. Хотя он не сумел покорить Гарабагское ханство, однако ему все же удалось захватить большую добычу и взять в плен часть его жителей, которые насильственно были переселены в Губинское ханство [74, т.II]. В результате разорительных походов Ага Мухаммед-шаха Гаджара в Гарабаг в 1795 и 1797 годах экономике ханства был нанесен гораздо больший ущерб, разорены многие села. Голод и эпидемия чумы охватили почти все население. Нашествие Ага Мухаммед-шаха в Гарабаг сократило численность его жителей. По данным Н.Дубровина, до походов иранского

шаха в Гарабагском ханстве проживало 60 тыс. семей [74, т. VI, с. 23]. Однако в 1805 году здесь осталось чуть больше 10 тысяч. Тенденция к уменьшению численности Гарабагцев сохранялась и в дальнейшем, вплоть до конца русско- иранской войны 1804-1813 годов, тогда в Гарабаге оставалось всего 3080 семей 153, т II., док. 1265, с. 136]. Причин для этого имелось немало: разорительные нашествия, война, голод и эпидемии, гибель жителей во время военных действий, бегство из зоны сражений.

Ведущее место в экономической жизни Гарабагского ханства принадлежало сельскому хозяйству, им занималась большая часть местного населения. Плодородная почва и благоприятные климатические условия способствовали развитию здесь земледелия, основное место в котором занимали зерновые культуры, и немного - технические.

По данным периода завоевания Северного Азербайджана Россией, весь земельный фонд Гарабагского ханства составлял примерно 1.354.000 десятин или 1.479.922 гектара, в том числе пахотная земля - 100.000 десятин, или 109.380 гектаров [200, с. 45]. Таким образом, пахотной земли явно было недостаточно. Если полагать, что в ханстве, по Н.Ф. Дубровину, было 60 тыс. семей, значит, на долю каждого приходилось менее 2 гектаров. Если считать в семье по 5 чел., то на долю каждого - не более 1/4 гектара.

По причине того, что значительную часть территории ханства занимала гористая местность, заметное количество жителей занималось отгонным скотоводством, в том числе на удобных землях.

Что касается техники сельского хозяйства, то она соответствовала его натуральному характеру и находилась в ханстве не на достаточно высоком уровне. Крестьяне применяли *хыш* (соха) и *катан* (плуг). Сохой, запряженной одной или двумя парами быков, вспахивали мягкую землю, плугом более каменистую. Плуг считался относительно совершенным орудием, которым в основном пользовались в хозяйстве феодалов, так как в него запрягали 8-10 пар быков или буйволов [88, ч. III, с. 279]. Существовала есть искусственного орошения - каналы, водоемы, колодцы, без чего в Азербайджане заниматься земледелием было тяжело.

Среди сельскохозяйственных культур ведущее место принадлежало зерноводству, которым занимались почти все жители, даже скотоводы сеяли хлеб для личных нужд. Исходя из климатических условий, пшеницу, ячмень, полбу и лен сеяли преимущественно в гористых местах; в низменной части - чалтык (рис - Ф.А.), хлопок, табак и просо. В начале XIX века в Гарабагском ханстве собирали ежегодно пшеницы до 220 тыс. четвертей (44 млн. литров), ячменя - 143 тыс. четвертей (28.6 млн. литров), риса - 33.7 тыс.

четвертей (6 млн. 740 тыс. литров), проса - 26 тыс. четверти (5 млн. 200 тыс. литров) [200, с.45].

Другим важным занятием населения ханства было отгонное скотоводство. Гарабагская низменность славилась не только в Азербайджане, но и на всем Кавказе своими зимними пастбищами - *гышлагами*. Здесь зимовали со своими стадами полукочевые племена из южных ханств Азербайджана - шахсевены, гарадаглы, ардебильцы.

Важнейшее место принадлежало коневодству. Гарабагские кони славились на всем Кавказе и за его пределами своей красотой, выносливостью, статностью, легкостью в беге и быстротой. По словам Мирзы Джамала Джаваншира, «Ибрагимхалил-хан имел такой прекрасный табун хороших коней..., что слава о нем гремела в вилайетах Ирака и Рума (Малой Азии. - Ф.А.)» [47, с.145]. Гарабагских скакунов вывозили как в близлежащие, так и дальние страны.

Значительное место занимало шелководство. По данным 1823 года, в Гарабагском ханстве насчитывалось около 1600 шелковичных садов, которые в основном принадлежали ханам и бекам.

Особое место занимали садоводство и виноградарство. Выращивали фанаты, айву, вишню, яблоки.

Многоотраслевое ремесленное производство и кустарные промыслы были занятием горожан, работавших на рынок. Поэтому в Гарабагском ханстве они концентрировались в городе Шуше. Небольшая часть ремесленников и кустарей была в сельской местности, и они работали только на себя. Каждая крестьянская семья занималась как земледелием, так и переработкой сельско-хозяйственной продукции. Это было связано, прежде всего, с оторванностью села от торговых центров, отсутствием удобных путей сообщения, замкнутостью хозяйственной жизни, которую можно считать автаркией.

Развитию ремесленного и кустарного производства благоприятствовало обилие сырьевых ресурсов.

Однако, вместе с тем, нужно учитывать малоземелье крестьян и смену объекта труда в связи с временами года. Убрав урожай и засеяв свой клочок земли, крестьяне имели возможность уделить внимание домашнему ремеслу, особенно зимой. Так, жители сел Сулеймаплы, Горунзер, Гедиме, Татев, Газанлы в свободное от полевых работ время производили шерстяную нить, шелковые и хлопчатобумажные ткани, шаровары, ковры. В сельской местности работали также медники, кожевники, гончары [200, с.60-63].

В Шуше в 20-е годы XIX века работали около 500 ремесленников. Особенно многочисленными были ткачи -150, сапожники - 45, башмачники -

21, оружейники -11, шапочники - 17, красильщики - 10; ханских ремесленников было 15 [75, ч.II, прил.22].

Наиболее развитой отраслью ремесленного производства в Гарабагском ханстве, особенно в Шуше, было ткачество. Основным занятием шушинских ткачей было изготовление шелковых тканей. В конце 20-х годов XIX века в городе были 42 мастерские по изготовлению шелковых тканей, 28 - бумажных. Производили шелковые и хлопчатобумажные платки, шали, покрывала [88, ч.III, с. 312]. В 1829 году в городе было выделано более 7200 штук (кусков, отрезов) разных шелковых материй, 740 головных платков. Здесь работали 324 ткача, которые обслуживали 132 станка. В источнике специально отмечается, что в Шуше есть мануфактуры, где используются 50 станков, на которых изготавливают разные шелковые материи [88, ч.III, с.311-312].

Немаловажное значение в Шуше имело производство хлопчатобумажных тканей. Однако разрушительные последствия русско-иранских и русско-османских войн первой трети XIX века, когда Азербайджан превратился в зону боевых действий, нанесли большой ущерб этой отрасли. Если на рубеже XVIII-XIX веков в Шуше и ее окрестностях действовало более 100 станков для выделки хлопчатобумажных тканей, то в 20-е годы XIX века их количество уменьшилось до 80 [88, ч.III, с.312]. Кроме того, военные действия сильно повлияли не только на количество, но и на качество и ассортимент хлопчатобумажных тканей. Несколько видов этих качественных тканей прежде отправляли в Иран и Россию [53, т.IV, док.95, с.82], однако в 20-е годы XIX века выделывали только бязь: ежегодно до 8 тыс. штук [88, ч.III с.312].

Большое внимание уделялось красильному делу. В его развитии немаловажную роль сыграло обилие естественных красителей, в первую очередь *марены*. Интересно, что в одном из источников современник, говоря о значении этого ценного красителя, писал, что: «окрашивая в красный цвет шерсть, шелк и даже хлопчатую бумагу, она (марена. - Ф.А.) еще способствовала наложению цветов на разные ткани. В начале XIX века в Гарабагском ханстве ежегодно заготавливали до 10 тыс. пудов корня марены [88, ч.II, с.Л 75]. В Шуше тогда действовали 3 красильни, в которых работали шесть ремесленников; в одной из них бумажную пряжу, шелк и шерсть красили исключительно в синий цвет, в остальных двух - в разные цвета, кроме синего [88, ч.III, с.313].

Шуша являлась также центром кожевенного дела, которое обеспечивалось сырьем местного скотоводства. В городе имелось 19 кожевенных мастерских, в которых работало 40 человек [88, ч.III, с.313].

Шуша была центром внутренней и внешней торговли Гарабагского ханства. В Шушинской крепости, а также у ее ворот в выходные дни функционировали базары, где свою продукцию продавали ремесленники, крестьяне, кустари; купцы предлагали разнообразные привозные товары. Производимые в Шуше товары вывозили в Россию, Иран, Османскую империю. Во внешней торговле Гарабагского ханства заметное место занимали местные купцы. Ежегодно из Табриза в Шушу привозили бумажную набивную материю - бурмет, бязи, в большом количестве коленкор, шелковые платки и покрывала, а также различные специи-перец, корицу, миндаль [88, ч.III, с.314]. Шушинские купцы имели постоянные связи с купцами Урмии, Хоя и Исфохана, откуда в Шушу привозили в основном ремесленные изделия.

Гарабаг имел постоянные двусторонние торговые связи с другими ханствами Азербайджана, а также с Россией и Ираном. Из Баку в Шушу привозили железо, нефть, из Дербенда - марену, из Шекинского ханства - оружие, сукно, ковры, из Гянджинского - квасцы и фрукты, из Цахчыванского - бумажный холст и соль [88, ч.III, с.314]. Для покупки бумажных материй шушинские купцы отправлялись в Москву и на Нижегородскую ярмарку. Среди товаров Гарабагского ханства большое место занимал шелксырец. Шушинские купцы монополизировали куплю и продажу шелка в Гарабагском, Шекинском, Гянджинском ханствах, поставляя его в Россию. Имена шушинских купцов, вывозивших азербайджанский шелк-сырец в Россию, часто встречаются в таможенных книгах Астраханской и Кизлярской таможен.

Вместе с тем успешному развитию внутренней и внешней торговли в северных ханствах Азербайджана, в том числе в Гарабагском, серьезно мешали многообразные пошлины (*рахдар*), а также различные меры веса и длины, откупная система. Пошлины взимались со всех товаров, предназначенных на продажу. При этом одни и те же товары могли облагаться пошлинами несколько раз, при пересечении границы каждого ханства, что удорожало их стоимость. Интересные данные об этом приводит Н.Н.Шавров, который на примере Гянджинского ханства отмечает, что [107, с. 144] с шелковых товаров пошлина взималась следующим образом: при продаже шелковых тканей на месте с каждого вьюка по 1 р.30 коп., а с шелка-сырца - по 5 р. Однако купцам не всегда удавалось сбыть свой товар на месте и они вывозили его за пределы ханства. При этом уплачивалась повторная пошлина. Кроме того, купцы каждый раз должны были платить весовой сбор. При переправе через р. Куру с купцов, товаров и вьючных

животных взимался особый сбор. Таким образом, купцы еще до продажи своих товаров 4-5 раз выплачивали разные сборы.

На откуп в Гарабагском ханстве, как и в других ханствах Азербайджана, отдавались различные виды хозяйства и пошлины. Почти во всех ханствах крашение шелка, шерстяных и бумажных тканей, ниток в голубой, темно-зеленый и светло-синий цвета было предоставлено в монополию откупщику. Получив ту или иную статью на определенный срок, он всеми средствами стремился получить максимум прибыли [53, т.VI, ч.II, док.1305, с.852].

В начале XIX века в Гарабагском ханстве существовало около 20 откупных статей. Самой прибыльной была монетная, которая приносила хану ежегодно 50 тыс. рублей ханскими деньгами. Немалую прибыль ему давали также мареновая, красильная, кожевенная откупные статьи.

Изложенный выше материал свидетельствует, что управление и социально-экономическое состояние Гарабагского ханства немногим отличались от тех, что существовали в других северных ханствах Азербайджана. Различия касались частностей, связанных со спецификой администрации, иерархии, хозяйственных отраслей, ремесленной и сельскохозяйственной продукции, монетного дела. В целом же Гарабагское ханство развивалось в социальной, хозяйственной и управленческой сферах так же, как и другие ханства страны.

ГЛАВА III

ГАРАБАГСКОЕ ХАНСТВО В 1763-1805 ГОДЫ

3.1. Укрепление центральной власти при Ибрагимхалил-хане

В 60-е годы XVIII века наступил новый, во многом переломный, этап в истории Гарабагского ханства, дальнейшее развитие и укрепление которого

в значительной мере связано с именем выдающегося государственного деятеля и полководца - Ибрагимхалил-хана (1763-1806), вступившего на престол в феврале 1763 года.

Как отмечено в первой главе, Панахали-хан, отправляясь на войну с Фатали-ханом Урмийским, доверил управление ханством своему младшему сыну Мехрали-хану. Тем самым состоялась легитимная передача власти от отца к сыну. Однако в феврале 1763 года из плена был освобожден старший сын Панахали-хана Ибрагимхалил-ага, получивший от иранского шаха Керим-хана Зенда *фирман* на управление Гарабагским ханством. Таким образом, сложилось двоевластие, и оба правителя формально являлись законными преемниками трона своего отца. С одной стороны, Панахали-хан, как глава государства, передал бразды правления собственному сыну - младшему, ибо старший находился в плену. С другой стороны, Керим-хан Зенд, как формальный сюзерен Гарабагского ханства, вручил власть старшему сыну Панахали-хана. Оба хана считали себя правомерными преемниками хана, что и стало причиной «гражданской» войны между братьями. Каждый из них имел своих сторонников как в ханстве, так и вне его. «Такое положение дел, впрочем, без всяких последствий, длилось довольно долго», - пишет Ахмедбек Джаваншир (42, с. 163].

Борьба за единовластие между братьями продолжалась около пяти лет. Перевес оказался на стороне Ибрагимхалил-хана, на помощь которому пришел один из влиятельных дагестанских правителей Умма-хан Аварский, на дочери которого он был женат. Попытки Мехрали-хана заручиться поддержкой Керим-хана Зенда не увенчались успехом, поскольку последний был занят внутренними делами. Более того, *фирман* на власть он вручил Ибрагимхалил-хану, почему не считал нужным вмешиваться в конфликт между сыновьями Панахали-хана. Мехрали-хан, потерпев неудачу, покинул Гарабагское ханство и нашел приют у одного из ярых противников Ибрагимхалил-хана - Фатали-хана Губинского. Однако, спустя некоторое время, он был убит сыновьями бывшего главы Шамахинского ханства Агаси-хана, изгнанного из своих владений Фатали-ханом Губинским.

Ибрагимхалил-хан стал единоличным и полновластным правителем Гарабагского ханства. Обширный земельный фонд, многочисленные стада, сады, мельницы, караван-сарай, сосредоточенные в его руках, стали мощной материальной основой его политического могущества. Сообщая об этом, современник Мирза Джамал Джаваншир пишет, что «помню, как-то однажды при подсчете оказалось, что у хана столько скота и плугов, сколько у всего населения Гарабага... таун у Ибрагимхалил-хана состоял из трех-четыре тысяч кобылиц и соответственного числа чистокровных производителей.

Число же овец, коров и буйволиц было настолько велико, что не поддавалось подсчету» [47, с. 145].

Ибрагимхалил-хан продолжил внутреннюю политику своего отца, направленную на полное подчинение албанских христианских меликов центральной власти. Воспользовавшись двоевластием, они пытались отложиться от ханства и объявили о своей самостоятельности. В этом особо отличились мелики Дизака Есай, Джраберда Межлум и Полистана Абов. На стороне Ибрагимхалил-хана остались лишь мелики Варанды Шахназар и Хачына Мирза-хан.

Следует отметить, что сепаратизм этих меликов не имел под собой почвы, т.к. во-первых, они не обладали реальной властью за пределами своих карликовых владений, во-вторых, полностью зависели от Гарабагского хана - своего сюзерена, в-третьих, их действия, в лучшем случае, носили локальный характер.

Впоследствии мелики не раз пытались ликвидировать свою вассальную зависимость, для чего переходили на сторону врагов Гарабагских ханов. Так было во время нашествия на Азербайджан иранского Мухаммед Гасан-хана Гаджара, Ага-Мухаммед-шаха Гаджара, Фатали-шаха Гаджара; второго Каспийского похода 1796 года под командованием российского генерала В.А.Зубова и в 1803-1805 годах, когда российский генерал князь П.Д.Цицианов совершил поход против северных ханств Азербайджана и направлял Ибрагимхалил-хану угрожающие ультимативные письма с требованием признать над собой власть Российского государства. Однако меликствам никогда не удавалось выйти из состава владений своих сюзеренов -Гарабагских ханов. Более того, для восстановления политического статус-кво Ибрагимхалил-хан с верными ему вассалами-меликами Варанды и Хачына вел военные действия против трех других. В 1871 году союзники осадили крепость Туг, принадлежащую дизацкому мелику Есаю, который не выдержав длительной осады и поверив послам Ибрагимхалил-хана, что последний желает заключить с ним мир, вынужден был сдаться. Ибрагимхалил-хан бросил мелика Есаю в темницу, где его задушили, а резиденцию разграбили и разрушили [62, ч.2, с. 142]. Власть была вручена племяннику Есаю мелику Бахтаму. Однако последний продолжил борьбу против Ибрагимхалил-хана, но успеха не добился, и должен был признать себя вассалом Гарабагского хана.

Затем союзники направились против мелика Джраберда. Ибрагимхалил-хан решил покончить с ним, не прибегая к военным действиям. Он привлек на свою сторону местную знатную семью, одного из членов которой -юзбаши Рустам-бека обещал сделать меликом Джраберда, и

добился успеха. Однако, воспользовавшись успешным завершением для России русско-османской войны 1768-1774 годов, мелики обратились к ней за помощью. Свое обращение они послали фавориту императрицы Екатерины II Г.А.Потемкину, который в целях претворения в жизнь колониальной политики России в отношении Азербайджана и использования в этой связи христианского фактора региона отправил в Гарабаг своего родственника П.С.Потемкина, бывшего Кавказским генерал-губернатором. Во время встречи с ним мелики обрисовали ему полную картину границ и сооружений, численность войск, которыми располагал Ибрагимхалил-хан, а также дали подробные сведения о состоянии хозяйства, ремесла и торговли Гарабагского ханства [74, т. II, с. 26]. Иными словами, албанские христианские мелики, которых Россия использовала как свою «пятую колонну», предали своего сюзерена.

Вскоре обострились отношения Ибрагимхалил-хана Гарабагского с грозным противником - Фатали-ханом Губинским (1758-1789).

Опасаясь его, Ибрагимхалил-хан совместно с Шекинским ханом и некоторыми дагеистанскими владетельными феодалами напали на владения Губинского ханства. В 1774 году между союзниками и Фатали-ханом произошло сражение на Гавдушанском поле (недалеко от Худата), которое Губинский правитель проиграл, после чего вынужден был обратиться за помощью к Российской империи. В 1775 году русская армия подошла к Дербенду, и Фатали-хан начал войну со своими победителями. Ему удалось одолеть врагов, но в 1789 году он внезапно скончался, и Губинское ханство пришло в упадок. Гарабагское ханство, наоборот, стало усиливаться.

Противостояние и борьба между Губинским и Гарабагским ханствами имели также другую причину. В самом начале своей деятельности по объединению северо-восточных азербайджанских земель Фатали-хан Губинский вел борьбу с Шекинским ханством. В этой борьбе он решил сделать своим союзником Ибрагимхалил-хана Гарабагского. Однако последний ответил отказом, потому что сам хотел верховенствовать в Азербайджане. К тому же в это время на сторону Фатали-хана перешел Мехрали-хан, соперник и младший брат Ибрагимхалил-хана.

Отказ Ибрагимхалил-хана привел к длительному военному противостоянию двух крупнейших ханств - Губинского и Гарабагского. Это хорошо прослеживается из сообщения находившего тогда в Сальяле русского консула М.Я.Сулякова, который писал в Государственную коллегию иностранных дел, что: «а ныне здесь носится слух, что Фатали-хан приказал военнотружущим быть в готовности для приведения некоторого тайного

предприятия в действие, посему многие здесь думают, что оно клонится до тушинского Ибрагим-хана» [32, л.67].

Отмеченное выше обращение Фатали-хана Губинского к Ибрагимхалил-хану не осталось без внимания современников, которые оценили это как признание могущества Гарабагского ханства, действовавшего в союзнничестве с грузинским царем Ираклием II, также преследовавшим свои цели в отношении азербайджанских земель. В связи с этим Ахмед-бек Джавашпир писал: «Ибрагим-хан, оставшись самостоятельным ханом, не преминул воспользоваться благоприятным случаем... Ибрагим-хан, собрав значительный отряд войска, состоявший большею частью из лезгин, подчинил себе ханства: Гянджи некое, Шамахинское, Нухинское (Шекинское. - Ф.А.) и Решт (Гияси. -Ф.А.), расширил границы со стороны Иревани и Нахчевани, без боя взял Табриз, где посадил правителем племянника своего Асадуллу-бека, и оставил на горе Гафлакухе - на границе (Южного) Азербайджана с внутренней Персией - наблюдательный отряд из 600 человек конницы. Подчинил все племена но сию сторону» [42, с. 164].

Фатали-хан Губинский понимая, что прямой контакт с Ибрагимхалил-ханом невозможен, решил действовать через посредников, и для переговоров с Ибрагимхалил-ханом отправил к нему дипломатичного и «мягкого» Мухаммед-хана Бакинского, который был мужем его сестры и вассалом. Однако Ибрагимхалил-хан не поверил в искренность заверений его посланника, которого заточил в тюрьму [21, л.3; 24, л. 15]. Столь суровое обращение со своим посланником Фатали-хан Губинский использовал как предлог для военных действий против Гарабагского правителя. Весной 1780 года Фатали-хан вместе с отрядами его вассалов шамхала Тарковского и Шамахинского хана, а также 8000 наемников-лезгин, переправившись через Куру, вторгся в Гарабаг, но на помощь Ибрагимхалил-хану пришел царь Картли-Кахетии Ираклий II, который прислал отряды во главе с царевичами Ираклием и Давидом. Совместными усилиями союзники разгромили Фатали-хана Губинского [21, л. 19]. В августе 1780 год Фатали-хан готовил новый поход, однако он не состоялся. Как сказано в архивном документе: «Выступившее в поход против Шущинского Ибрагим-хана союзное войско Дербендского и Шамахинского ханов возвратилось обратно по причине возникшего между ханами несогласия» [21, л.19]. Лишь в начале 1781 года Фатали-хану удалось вторгнуться в Гарабаг, разорить несколько сел и взять в плен большое количество крестьян.

После этих событий Фатали-хан Губинский отправил письмо Екатерине II, в котором просил императрицу способствовать тому, чтобы Ибрагимхалил-хан и Ираклий II увели свои войска из Гянджи, не требовали подати с Иреванского хана, а также чтобы Гарабагский хан не вмешивался в дела азербайджанских ханств [21, л.19]. Однако это обращение к России осталось без последствий, а вскоре Фатали-хан Губинский умер. После него Губинское ханство значительно ослабло, что пошло на пользу Гарабагскому ханству и укрепило позиции Ибрагимхалил-хана.

3.2. Взаимоотношения Гарабагского ханства с Российской, Османской и Иранской державами

Во второй половине XVIII века Россия, добившись новых успехов в борьбе с Османской империей за Кавказ, спешила реализовать свое военно-политическое превосходство и закрепить за собой Южный Кавказ. Так, после Русско-османской войны 1768-1774 годов Россия, по Кючук-Кайнарджийскому миру 1774 года [72, с.24-41], получила свободный выход в Черное море, в том числе на Кавказе. Тем самым были пресечены попытки Стамбула Репиться в этом регионе и захватить Астрахань, то есть выйти на Каспийское море и наладить прямые контакты с северными ханствами Азербайджана. Кроме того, Россия обезопасила свои южные фаницы, усилила влияние на Кавказе.

Не менее важным стало заключение 24 июля 1783 года Георгиевского трактата между Россией и Картли-Кахетинским царством [67, с.73-78]. В результате, Петер, бург твердой ногой стал в Восточной Грузии, где теперь дислоцировался на постоянной основе российский военный контингент, а в Тифлисе сидел главначальствующий Грузии - фактический Кавказский наместник Российской империи.

Георгиевский трактат изменил геополитическую ситуацию на Южном Кавказе и вокруг него. Этот «дружественный договор»:

- установил «покровительство» России над Восточной Грузией;
- грузинский царь отказывался от самостоятельной внешней политики;
- он обязался своими войсками служить императрице Екатерине II.

Все это не могло не отразиться на азербайджанских ханствах, ибо именно после 1783 года началась планомерная подготовка к их завоеванию со стороны России. Здесь достаточно отметить, что главноначальствующий Грузии генерал князь П.Д.Цицианов в 1803 году начал военную кампанию и вторгся в Азербайджан. Силой оружия он завладел Джаро-Белоканским вольным обществом и Гянджинским ханством, а впоследствии добился перехода в российское подданство Шекинского, Шамахинского и Гарабагского ханств. Фактически этим было положено начало Кавказской войне, завершённой лишь в 1872 году и являвшейся самой длительной в истории Российской империи военной кампанией (1803-1872), которая стоила автохтонам Кавказа огромных людских, территориальных и материальных потерь. Это был третий этап войны Российской империи против кавказцев, озаглавленный первой массовой депортацией кавказских народов. Об этой важной и знаковой в истории Кавказа и России военно-политической эпопее существует обширная литература [74; 99; 104; 213; 224]. Эта война была начата при императоре Александре I походом П.Д.Цицианова в Азербайджан, продолжена при императорах Николае I, Александре II другими главнокомандующими Грузии и командирами Отдельного Кавказского корпуса, перенесшими военные действия на Северный Кавказ, затем наместниками Кавказа - при императоре Александре III и завершена на Кубани в 1872 году.

Обосновавшись на Кавказе, в том числе на Южном Кавказе, Россия закрыла сюда дорогу своим соперникам - Османской империи и Иранскому государству. Для закрепления успеха ей пришлось неоднократно скрещивать оружие со своими соперниками. Достаточно отметить, что за Кавказ и вокруг него, за Черное море и Каспий имели место 12 русско-османских (включая Первую мировую) и две русско-иранские войны [74; 95; 223].

В столь сложной военно-политической ситуации северные ханства Азербайджана, в том числе Гарабагское, должны были определиться в отношении Российской, Османской и Иранской империй. Понимая, что для противостояния таким державам они не обладают достаточным потенциалом, азербайджанские правители заняли позицию лавирования между этими государствами.

Гарабагский хан объективно оценил ситуацию, особенно после Георгиевского трактата, позволившего Российской империи стать твердой ногой в Восточной Грузии и создать военный плацдарм как против своих соперников в борьбе за Кавказ - Османской и Иранской монархий, так и для завоевания всего Южного Кавказа. Кроме того, Ибрагимхалил-хана не могла не беспокоить закулисная игра русского кабинета с христианскими медиками

ханства, которая велась за его спиной. Получив обращение Ибрагимхалил-хана, Екатерина II 5 мая 1783 года издала указ о принятии его в «российское подданство». В ее письме Г.А.Потемкину по этому поводу говорится: «Что касается Ибрагимхалил-хана, если в принятии его под российское покровительство не встретится никакое затруднение или сомнительство, кажется, можно взять за руководство то, что сделано с царем Ираклием и в таком случае вы не оставьте поручить генералу-поручику Потемкину заключить с ним договор о подчинении его российскому императорскому престолу и о признании им моей, преемников моих верховной власти над ним и его преемниками» [цит. по: 189, с.146-147]. Иными словами, Петербург проявлял большую заинтересованность в Гарабаге. Так, в мае 1784 года в собственноручном письме князю Г.Л.Потемкину императрица спрашивала: «кажется, письма Ибрагим-хана гораздо вежливее написаны, нежели турецкие или иные персидские, кои до меня дошли. Пожалуй, дай мне знать, кто он таков? И как учинился ханом? Молодой ли или стар, силен или бессилен и склонны ли персияне к нему?» [цит. по: 189, с. 147].

Получив удовлетворивший ее ответ Г.А.Потемкина, Екатерина II дала согласие на принятие Гарабагского ханства в «подданство». Как видно, со стороны хана этот шаг был лишь дипломатическим ходом, нежели искренним желанием. Такой вывод напрашивается еще потому, что он не спешил придать своему обращению юридическую форму, как это было с царем Картли-Кахетии Ираклием II, подписавшим Георгиевский трактат о покровительстве России. В связи с этим обратимся к взаимоотношениям в геополитическом треугольнике «Гарабаг-Россия-Грузия», имевшим место в изучаемый период. Во-первых, деятельность Ибрагимхалил-хана и Ираклия II во многом определяла стратегическую ситуацию на Южном Кавказе и вокруг него, в том числе позиции Российского, Османского и Иранского государств, а также Великобритании и Франции.

Во-вторых, выше мы отметили, что Гарабагское ханство соперничало с Губинским ханством, глава которого Фатали-хан вознамерился объединить под своей властью северо-восточную часть Азербайджана. Поэтому Ибрагимхалил-хан был вынужден искать союзника для противодействия его планам, каковым стал Картли-Кахетинский царь Ираклий II, который также не желал усиления Губинского ханства и имел виды на азербайджанские земли. Чтобы не допустить захвата Гянджи Фатали-ханом, союзники объединенными усилиями в 1780 году сами взяли этот город [125, с.42], назначив двух своих заместителей: от грузинского царя - Кайхосрова Андроникашвили, от Ибрагимхалил-хана - Азергулу-бека. Таким образом, между Гарабагским ханством и Картли-Кахетинским

царством установились военно-политические связи, оба правителя оказывали друг другу посильную помощь [14]. Такая ситуация, причем явно антигубинская, вызвала недовольство Фатали-хана. Однако гарабагскочрузинские связи продолжали крепнуть. Так, когда в 1783 году в Гарабагском ханстве случился неурожай, следствием чего стал массовый голод, Ибрагимхалил-хан обратился за помощью к Ираклию II. Последний выразил готовность помочь союзнику, и в Восточную Грузию отправились посланцы Гарабагского хана для закупки зерна и муки, которые, по распоряжению Ираклия II, продавались по самым низким ценам. В это время, по сообщению Мирзы Джамала Джаваншира, *четверть* (205 кг) пшеницы стоила 45 ханских Рублей, что было очень *дорого*; *8 фунтов* (3.2 кг) хлеба стоили 15 копеек, муки - 10 копеек [47, с.126; 124, с.57].

В-третьих, союз Гарабага и Грузии просуществовал недолго. После подписания Ираклием II Георгиевского трактата в 1783 году и перехода его царства под протекторат России, ситуация изменилась. Теперь царь Картли-Кахетии попал в зависимость от империи. Поэтому уже в следующем - 1784 - году, летом, российские войска под командованием генерал-поручика А.С.Потемкина совместно с Ираклием II стали готовиться к походу на Гарабаг.

Попав «под сень» елиноверной Российской державы, грузинский царь вознамерился присоединить к своим владениям соседние азербайджанские земли. В связи с этим он писал в Петербург, что «считаю, что для России было бы чрезвычайно выгодным овладеть Азербайджаном. *Л затем вы могли бы уступить мне часть этих земель* (подч. нами. - Ф.А.)» [22, л.40-41; 196, с. 175]. Вот почему его целью, как и целью российских властей, являлось лишить Ибрагимхалил-хана владений и власти, а заодно помочь христианским меликам. Будучи искусным дипломатом, хан сделал вид, что не подозревает об измене грузинского союзника и о готовящемся походе. Даже получив неопровержимые свидетельства об этом, Ибрагимхалил-хан ничем не выдал своего беспокойства, но принял ряд мер. Так, он пригласил в Шушу трех мятежных меликов -Межлума, Абова и Бахтама, переметнувшихся на сторону врагов, под предлогом совета относительно реорганизации управления Гарабагским ханством. Когда они, ни о чем не подозревая, явились к нему, Ибрагимхалил-хан распорядился посадить в тюрьму Межлума и Абова за их связь с Ираклием II, а Бахтам был выдан союзнику Гарабага -Ардабильскому хану. Что касается совместного похода русских и грузинских войск в Гарабаг, то он не состоялся: правительство Екатерины II посчитало его преждевременным. Не исключено, что отмена похода стала также следствием энергичных мер

Ибрагимхалил-хана, сумевшего вовремя ликвидировать опасность внутри самого ханства -нейтрализовать «пятую колонну» мятежных меликов.

В 1787 году меликам, находившимся в заточении в Шушинской крепости, удалось сбежать, и они обратились за помощью к царю Ираклию II и главноначальствующему Грузии. Им обещали отряд в 4 000 солдат, которыми должен был командовать грузинский князь. В сентябре 1787 года объединенное русско-грузинское войско подошло к Гяндже, но в это время началась очередная русско-османская война 1787-1792 годов, и русские отряды получили приказ возвратиться. Все последующие просьбы Гарабагских меликов были проигнорированы как Ираклием II, так и русским кабинетом.

Таким образом, Ибрагимхалил-хан сумел решить важные задачи - ликвидировал антигарабагскую активность своих мятежных вассалов - христианских меликов, укрепил собственную власть, обезопасил ханство от внешнего врага. Одновременно он вел активную внешнюю политику с тем, чтобы расширить свои владения [23, л.323]. Мирза Юсиф Гарабаги пишет, что свой первый поход на Нахчыванское ханство Ибрагимхалил-хан совершил в середине 70-х годов XVIII века совместно со своим родственником - Умма-ханом Аварским [49, с.25]. А в начале мая 1787 года временно захватил Нахчыван и посадил на троп Аббасгулу-хана Нахчыванского; помог Джавад-хану, на сестре которого был женат, занять Гянджи некий престол. Тогда же Гарабагский хан совершил поход против Хойского хана, однако около города Маранд Джафаргулу-хан Хойский одержал победу над Ибрагимхалил-ханом и его союзниками, взяв большое количество пленных. Среди последних были выдающийся поэт и везир Гарабагского ханства Вагиф и племянник самого хана Фарзали-бек, которых победитель отвез в город Хой. В сложившихся обстоятельствах Ибрагимхалил-хан вынужден был пойти на переговоры с Джафаргулу-ханом, взяв на себя обязательство не воевать в будущем против него, и добился освобождения пленников. Вскоре между ханствами был подписан договор о мире и дружбе [49, с.25-26].

В этот же период Азербайджан все больше привлекал к себе внимание великих держав и крупных региональных государств. Причин тому имелося немало. Во-первых, возрастала роль Кавказа в геостратегических планах Российской, Османской и Иранской монархий, а также Западной Европы. Во-вторых, Азербайджан находился на важных маршрутах Восток-Запад и Север-Юг. В-третьих, он все больше получал известность благодаря своим богатствам, в первую очередь нефти и шелку, хлопку и шафрану, рыбам осетровых пород и черной икре, возможности превращения страны в рынок сбыта. В-четвертых, Азербайджан был тесно связан с бассейном

Каспийского моря, почему возрастало его стратегическое, политическое и торгово-экономическое значение. Не случайно, еще в первой половине XVIII века четко проявилась торговая экспансия Великобритании в бассейне Каспия [подр.см.:231]. Она была направлена, в первую очередь, на Азербайджан, ставший зоной англо-русского соперничества, ибо эта страна являлась «ключевой» в восточной торговле Российской империи, а также открывала прямой путь в Иран, через него дальше на южном направлении - к Индийскому океану и к «жемчужине британской короны» - Индии. Вместе с тем, Россия, стремясь превратить Каспийское море в русское «внутреннее озеро», старалась привлечь на свою сторону ханов Азербайджана, в том числе Гарабагского. «Для превращения Каспийского моря во «внутреннее озеро» России необходимо было занять прикаспийские области на Южном Кавказе, при этом Азербайджан приобретал первостепенное значение, так как в отношении источников сырья в частности шелка-сырна, хлопка и т.п., рынков сбыта, он выгодно отличался от других областей Закавказья и Ирана» [231, с.21].

Исходя из своих целей, Россия хотела использовать местную военно-политическую ситуацию. Дело в том, что на рубеже XVIII-XIX веков среди северных ханств Азербайджана сложились две враждующие между собой военно-политические группировки. Одну из них возглавили шамахинские ханы, к которым примкнули Бакинское и Шекинское ханства. Другую возглавил Ибрагимхалил-хан Гарабагский, на стороне которого были Губинское и Лянкяранское ханства. Одновременно он решил заручиться поддержкой Османской империи, ибо после 1783 года возросла опасность со стороны России, а Картли-Кахетинское царство не могло быть после этого его союзником; почти постоянной была угроза иранского нашествия. Вот почему Ибрагимхалил-хан обратился с письмом к Селиму 111 (1789-1807), которому сообщал, что северные ханства Азербайджана испытывают нужду в его помощи [130, с.46].

В свою очередь, султан ответил, что готов приложить усилия для формирования коалиции, направленной как против Ирана, так и России. В подтверждение своей позиции султан прислал через Ахмед-хана Хойского азербайджанским ханам, в том числе Ибрагимхалил-хану, богатые подарки. Такие реверансы являлись следствием того, что Стамбул был обеспокоен стремлением России укрепиться на Южном Кавказе. «Проклятые русские, - писал турецкий двор Ибрагимхалил-хану, - продолжили путь через Кавказ, и дорога, ими сделанная, позволяет везти не только нужные вещи, но и артиллерию и все, что к продовольствию необходимо. Их войска вступают в Грузию, и в исходе лета все они соберутся, чтобы напасть на Персию и в

предель оттоманские и поглотить нас» [74, т.11, с.25]. Такой тон султанского ответа был обусловлен тем, что ослабление Османской империи после поражения в русско-османской войне 1787-1791 годов не позволяло ей быть уверенным в успехе в случае войны с Иранским государством, почему искала союзников среди азербайджанских ханств.

Таким образом, на рубеже XVIII-XIX веков в северной части Азербайджана не было единства. По справедливому замечанию Дж.М. Мустафаева, «постоянная вражда между отдельными ханствами ослабила их и создавала благоприятные условия для происков внешних врагов» [199, с.37], в особенности со стороны Османской, Иранской и Российской монархий, между которыми все более усиливалась борьба за Южный Кавказ, в том числе за Азербайджан. Так, Стамбул активно стремился в этот важный регион, особенно во время русско-османской войны 1787-1791 годов, в ходе которой эмиссары султана доставили его послания некоторым владельцам Дагестана и Азербайджана, в том числе Гарабагскому хану. Им предлагалось во время нападения османов на Анапу, совершить поход на Кизилар. По свидетельству современника, «от турков разосланы еще недавно чиновные люди, чтоб они вооружились против России в пользу Порты» [71, с.572]. Однако эти обращения не дали желаемого результата, а к концу XVIII века османское влияние на Кавказе весьма ослабло, и навсегда.

Тогда же возросла опасность для северных ханств Азербайджана быть поглощенными Иранским государством, особенно в правление Ага Мухаммед-шаха Гаджара (1779-1797). Но он не смог добиться своей цели, так как Россия оказалась сильнее. Во-первых, она уже имела военно-политический плацдарм на Южном Кавказе - в Восточной Грузии. Во-вторых, часть северных ханств Азербайджана, относясь к России позитивно, искала ее помощи против как османской, так и иранской агрессии. В-третьих, сама Россия, считая регионы сферой собственного влияния, делала все возможное, чтобы не допустить какое-либо государство на Кавказ. Она активно препятствовала проникновению в зону своих геостратегических интересов не только Османской и Иранской монархий, но также Великобритании и Франции. Вот почему для Российской империи возросла роль Гарабагского ханства, в первую очередь, для предотвращения иранской агрессии. Однако, независимо от российских намерений, Ибрагимхалил-хан сам выступил организатором коалиции государств Южного Кавказа против Ага Мухаммед-шаха Гаджара. С этой целью он разместил в ханстве войско своего родственника - Умма-хана Аварского, и, как сообщает Мирза Джамал Джаваншир, «тифлисский валий (царь. - Ф.А.) высокопоставленный Ираклий-хан, правитель Иревана Мухаммед-хан и правитель Тальша Мир

Мустафа-хан совместно с Ибрагимхалил-ханом поклялись не повиноваться Ага Мухаммед-шаху, а быть союзниками и помогать друг другу» [47, с. 122].

Не взирая на позицию России и образование антииранской коалиции, Ага Мухаммед-хан Гаджар готовил поход на Южный Кавказ. Предварительно направив сюда в начале эmissара, который должен был призвать к повиновению северные ханства Азербайджана. Однако многие ханы отказались вести с ним переговоры, а Ибрагимхалил-хан заявил, что не признает его иранским правителем [74, т. II, с. 87]. В ответ в 1794 году иранский правитель послал 4000-ный отряд в сторону Иревана и Гарабага, который через Аразскую низменность прошел в горы Малого Кавказа. Но здесь, в ущельях Гарабагских гор, отряд был Разбит войсками Ибрагимхалил-хана и грузинского царевича Александра [189, с. 166; 199, с. 83].

В 1795 г. Южный Кавказ, в том числе и Азербайджан, оказался перед угрозой вторжения войск Ага-Мухаммед шаха. Обеспокоенная этим, в ход событий вмешалась Россия: командующий русской армией на Кавказской линии генерал И.В.Гудович получил из Петербурга предписание организовать «совместное выступление против Ага Мухаммед-шаха», а также объявить последнему, что ему не следует претендовать «на области, к Каспийскому морю прилегающие», в том числе на Гарабагское ханство [18, л. 2 об.; 196, с. 287; 199, с. 84]. На Государственном совете было решено: «Стараться всех подданных Е.И.В. (Ее Императорского Величества. - Ф.А.) и приверженных к России владетелей тамошних содержать в единомыслии и благонамеренности», и рекомендовано И.В.Гудовичу оказать в случае надобности военную помощь Ираклию II, Ибрагимхалил-хану и другим азербайджанским ханам, «изъявившим покорность России» [55, т. 1, ч. 2, с. 793]. Таким образом, Российская империя однозначно определила свою позицию в отношении Азербайджана. Петербург твердо заявил, что области, прилежащие к Каспийскому морю, находятся под российским покровительством. Поэтому посягательство на них кого-либо, в том числе иранского шаха, будет рассматриваться как действие, направленное против России. П.Г. Бутков по этому поводу писал: «двор российский согласен был, и желал дать ему (знать) стороною, что, ежели Ага-Магомет-хан хочет достигнуть признания его в шахском достоинстве, то надобно, во-первых, чтобы он прекратил свои предприятия на области к Каспийскому морю прилежащие и на владетелей скипетру российскому подвластных, именуя тут точно царя Карталинского, потом шамхала, уцмия, ханов Дербендского, Бакинского, Талышинского. Также Шушийского и других, в Азербайджане находящихся; во-вторых, чтобы учинили приличный и почтительный отзыв (то есть ответ. - Ф.А.) и если по взаимным соглашениям положено будет о

границах и о прочем, то и может тогда отправить ко двору нашему посольство, во взаимство коего таковое же и от нас получит» [62, ч. II, с. 331].

Кабинет Екатерины II, имея план покорения всего Южного Кавказа, готов был приступить к его осуществлению. С этой целью велась соответствующая работа с северными ханствами: им обещали покровительство Российской империи, военную помощь для противостояния иранской опасности. В ответ некоторые ханы выразили готовность сблизиться с Россией и получить поддержку. Среди них был и Ибрагимхалил-хан [31, л. 386; 62, ч. II, с. 333]. Современник сообщает, что в Петербурге с большими почестями встретили его посланца Мусу Султана. Екатерина II распорядилась «показать ему все достопримечательности Петергофа, пустить все фонтаны и продемонстрировать действия артиллерии в Кронштадте - показать все любопытства достойное, особливо флот» [цит. по: 196, с. 184]. Однако, хотя план захвата Южного Кавказа обсуждали в Государственном совете, императрица еще не определила главных действующих лиц, которым предстояло реализовать задуманное. Подобная «пассивность» Петербурга предоставила свободу действия Ага Мухаммед-шаху, который в конце июня 1795 года во главе 85-ти тысячной армии выступил из Ардебиля. Узнав о приближении врага, Ибрагимхалил-хан приказал разрушить Худаферинский мост, чтобы задержать его. Но войско шаха форсировало Араз по наведенному через реку понтонному мосту, и иранская армия подошла к Шуше. Ибрагимхалил-хан собрал более 15 тысяч отборного войска и укрепил юрод с предместьями, приготовившись к отчаянному сопротивлению. Организованное местными беками народное ополчение скоро сделалось грозой для тылов армии Ага Мухаммед-шаха [74, т. IV, с. 421]. Тем не менее, иранские сарбазы жгли и грабили села в районе Шуши, угоняли в плен сотни азербайджанцев, хотя взять город не смогли. Однако Ибрагима Халил-хану удалось отбить пленников. Современник по этому поводу писал, что: «Тамошний Ибрагим-хан, имеющий при себе довольно число лезгин, к нему присоединившихся, по поводу родства его с их владетелем, на довольноное расстояние его (шаха. - Ф.А.) преследовал и отбил у него до 8000 обоего пола пленных, захваченных войсками Ага Мухаммед-хана в Грузии» [цит. по: 199, с. 86]. Высоко оценивая стойкость Гарабагцев, в источнике подчеркивается, что «героическая оборона Шуши против полчищ Ага Мухаммед-хана, бесспорно, составляет одну из лучших минут Ибрагим-хана» [103, т. 1, С. 241].

Во время 33-дневной осады Шуши Ага Мухаммед-шах отправил Ибрагимхалил-хану послание, в котором с насмешкой отзывался об

осажденной крепости: «С небес на город сыплются камни, а ты, безумец, сидишь в крепости стеклянной». На что получил стихотворный ответ, вероятно, сочиненный Вагифом, и получивший широкую известность, как крылатое выражение:

«Правда, Создатель мой стеклом меня окружил,

Но он его в камни вложил» [137, с. 121. Здесь игра слов: Название города Шуша рифмуется с азербайджанским словом *Şüşə* - «стекло»].

Для серьезной осады Шуши у Ага Мухаммед-шаха не было соответствующего снаряжения. К тому же его войско состояло главным образом из всадников, которые не годились для осады и штурма сухопутной крепости; большинство иранских сарбазов было вооружено устаревшими фитильными ружьями. Хотя артиллерией командовали французские офицеры, из-за малого калибра пушки не могли дать нужного эффекта [26, л.77]. А осадной артиллерии и техники у шаха не имелось.

Защитники же Шуши не только упорно оборонялись, но и предпринимали вылазки против осаждавших [84, с.225: 189, с.169]. Так, 1 июля 1795 года ворота крепости внезапно отворились, и Гарабагские воины во главе с самим Ибрагимхалил-ханом неожиданно напали на авангард иранских сарбазов и нанесли ему ощутимый урон. В этом бою враг потерял около тысячи убитыми. Героизм проявили не только мужчины, но и женщины. «На восходе солнца, - говорится в одном из источников, - пришло известие, что город окружен. Все (жители Шуши), вообще поборов в себе страх, вооружились. Мужчины, оставив жен своих и дома, с ружьем и мечом ринулись к восточной стороне, которая была защищена искусственной и слабой стеной. Женщины, не вытерпев, оставили дома свои, хозяйство и детей, и стремительно направились к вершине скалы, и от нее стали откалывать громадные камни. Эти камни они сбрасывали на вражеское войско» [цит. по: 189, с. 170].

Шах убедился, что ни осадой, ни штурмом ему не удастся взять крепость. Тогда он отправил на переговоры с Ибрагимхалил-ханом одного из своих приближенных - Пиргулу-хана, который был знаком с главой Гарабага. Однако ни угрозы, ни обещания парламентаря не поколебали решимости Ибрагимхалил-хана бороться до конца. Его твердость оценил по достоинству царь Ираклий II, который 27 августа 1795 года сообщал своему посланнику князю Г.Чавчавадзе, находившемуся на Кавказской линии, У генерала И.В.Гудовича: «Ага Мухаммед-хан более месяца окружал Шушинскую крепость, но тамошний народ весьма беспокоил его перехватыванием людей и похищением скота и при том причинил ему немалый урон. По сим обязательствам он не мог вступить в сражение с нами» [70, с.931].

Героическое сопротивление гарабагских жителей нашло свое отражение у Мирзы Джамала Джаваншира, который писал: «Тридцать три дня просидел Ага Мухаммед-шах около крепости, но не смог со столь крупным войском переправиться через реку, протекавшую в пяти верстах от крепости, и приблизиться к ней. Пешие и конные войска Гарабага, предводители илатов и сел, мелики Варанды, Дизака и Хачына напали мелкими отрядами на кызылбашские (иранские. - Ф.А.) войска в полях, на дорогах и в (горных) проходах, ежедневно угоняли их лошадей, мулов и верблюдов, грабили и захватывали их караваны, привозившие в лагерь зерно из вилайетов, и доставляли их Ибрагим-хану» [47, с.123].

Не достигнув желаемого результата в Гарабаге, в августе 1795 г. Ага Мухаммед-шах двинул свои войска в Грузию и разорил ее.

Поход Ага Мухаммед-шаха на Южный Кавказ заставил Россию активизировать свои действия в этом субрегионе и совершить второй Каспийский поход. 19 февраля 1796 года был опубликован рескрипт Екатерины II, в котором говорилось, что «восстановление спокойствия и порядка в Персии откроет нам богатый торг не только при берегах Каспийского моря, но и внутри пределов Персидских областей» [19, л.3 об.].

Русская армия под предводительством генерала В.А.Зубова встретила сильное сопротивление у Дербенда, входившего в состав владений Шейх Али-хана Губинского. Город был осажден и через 10 дней взят штурмом русскими войсками. Этот эпизод оказался весьма важным военно-политическим событием, ибо именно после него началось противостояние России с северными ханствами Азербайджана. Однако, чтобы избежать вооруженной конфронтации В.Л.Зубов попытался разъяснить ханам цели и задачи похода, особенно после вступления его армии в июле 1796 года на азербайджанскую землю. Так, в письме Ибрагимхалил-хану говорилось: «Может Ибрагим-хан быть удостоверен, что он сам будет властелином земель своих, а главнокомандующий со своей стороны всячески в оном будет способствовать ханам, и дал бы знать, что главнокомандующий изъявляет им свое доброжелательство и уверяет силой оружия Российского от неприятеля покров» [20, п. 10-12 об.]. Россия тем самым давала понять Гарабагскому хану, а через него и другим азербайджанским ханам, что в ее намерения не входит захват ханств, но лишь защита Южного Кавказа от иранских нашествий. Однако, Ибрагимхалил-хан не поверил заверениям В.Л.Зубова, и, как опытный стратег, предпринял в ответное действие, «послал к господину великому сардару своего сына Абул Фатх-хана с богатыми дарами. Он чистосердечно объявил свою преданность высочайшему российскому государю., и могущественный сардар с

церемонией милости и уважения принял Абул Фатх-хана» [32, л. 169]. Одновременно Ибрагимхалил-хан отправил гонцов к Мустафа-хану Шамахинскому и Селим-хану Шекинскому с извещением, что «русские хотят забрать у них власть», и предложил уговорить находившегося в русском лагере Пурали-хапа, племянника Мухаммед Керим-хана Зенда, убить В.А.Зубова [74, т.IV, с.149-153; 189, с.183]. Об этом случайно стало известно генералу, который раскрыв заговор, выслал Нурали-хана в Россию и решил «наказать» Гарабагского, Шамахинского и Шекинского ханов. Опасаясь расправы, Мустафа-хан Шамахинский, покинул свою столицу и укрылся в крепости у горы Фитдаг; Селим-хан Шекинский спрятался в своей крепости [117, т.111, с.540]. Но Ибрагимхалил-хан, заняв позицию лавирования, отправил в сентябре 1796 года к В.А.Зубову своего сына Абул Фатх-хана и везира Вагифа с прошением о принятии Гарабагского ханства под покровительство России: «По преданности моей к России, прошу признавать меня и город мой как бы своим, и не оставить оный российским защищением; а когда Шуша сохранена вами будет, то можете обладать и вселенною... Прошу не замедлить присылкою сюда 12 тыс. войск, с которыми бы я приступил по нахи-чеванской дороге к наказанию российских неприятелей... и идти до Тавриза» [62, ч.II, с.405], то есть вторгнуться во владения иранского шаха.

Будучи искушенным в дипломатической игре, В.А.Зубов принял посланцев доброжелательно, а Вагифу от имени Екатерины II вручил драгоценный посох. П.Г.Бутков, раскрывая суть поведения гарабагского правителя, справедливо отмечал, что «Ибрагим-хан Шушинский, важнейший по видам своим, коварствовал, но скрытно», т.к. «в самом деле, особенно был между двух огней: страшно было ему покориться врагу своему Ага-Магомет-хану, но не менее опасно лишиться от россиян своего владения» [62, ч.II, с.405].

Смерть Екатерины II 6 ноября 1796 года свела на нет результаты многолетних усилий России по утверждению своего владычества на Кавказе, в том числе на Южном Кавказе. Новый император Павел I (1796-1801) приказал в декабре того же года вывести армию В.А.Зубова из Азербайджана. Однако при Павле I Южный Кавказ, в том числе Азербайджан, не был полностью забыт во внешней политике России. Даже решение об отзыве генерала В.А.Зубова не стало полным отказом Петербурга от внимания к южному направлению. Изменились методы, но цель оставалась прежней. Так, уже через два месяца после вступления на престол Павел I в январе 1797 года в рескрипте командующему российской армией на Кавказской линии генералу И.В.Гудовичу наметил следующие задачи, программу и методы утверждения России на Кавказе, а также форму отношений с местными

правителями: «Доводить дело до такой степени, чтобы из сих к России благожелательных владетелей составилось федеративное государство, зависящее от нас, верховного их государя и покровителя, который для них тем не менее тягостен не будет. Поелику мы либо в образ их правления мешаться, либо же от них дани и иные повинности кроме верности единой к нам требовать не намерены» [27, л.62 об., 64 об.]. Тем самым, Павел I планировал, во-первых, создание на Кавказе единой политической структуры во главе с номинальным правителем; во-вторых, ее составным частям будут дарованы некоторые льготы, чтобы они тяготели к христианской России, нежели к мусульманским Иранской и Османской державам. Иными словами, с одной стороны, декларировалось невмешательство во внутренние дела северных ханств Азербайджана; более того, послы Ибрагимхалил-хана, отправленные еще к Екатерине II, теперь везли от Павла I ему грамоту, в которой было выражено «императорское благоволение». Но, с другой стороны, при Павле I был разработан план дальнейшего расширения российского плацдарма на Кавказе. Хотя император не успел осуществить задуманное, его наследник «реализовал» все, что было намечено на рубеже XVIII-XIX веков.

Однако, реалии были таковы, что северные ханства Азербайджана остались один на один с иранским Ага Мухаммед-шахом, который в начале весны 1797 года, «как скоро получил известия о выступлении войск российских из пределов персидских, то с войском своим в скором времени прибыл на Гарабагскую провинцию, дабы возобновить движение свое для покорения противящихся владетелей» [81, с.10]. Одновременно шах велел передать Ибрагимхалил-хану, что если хочет остаться в живых, то, оставив на престоле своего сына, отправить в Мекку на поклонение [70, с. 163].

В мае 1797 года 12-тысячное иранское войско вновь подошло к Шушинской крепости. Как и в 1795 году, Ибрагимхалил-хан велел разрушить Худаферинский мост, вследствие чего шах с трудом форсировал Араз, и, подойдя к Шуше, приказал артиллерии стрелять в одну и ту же точку крепостной стены до тех пор, пока не появится брешь.

Тогда Ибрагимхалил-хан задумал дерзкий план уничтожения вражеской артиллерии: из крепости выскочил небольшой отряд быстроходной конницы под его предводительством, устремился к вражеским пушкам и уничтожил часть орудий. Однако, отход в крепость оказался перекрыт, и Ибрагимхалил-хан со своим отрядом, прорвав вражеское окружение, ушел в Дагестан, к своему союзнику и родственнику Умма-хану Аварскому.

Узнав об этом, Ага Мухаммед-шах велел передать защитникам Шуши, что «Ибрагимхалил-хан бежал, оставил крепость на произвол судьбы, и потому я требую, чтобы вы сдались. Если встречу сопротивление, то после взятия крепости все мужчины поголовно будут истреблены, женщины отданы сарбазам, а город разрушен, как были разрушены Кершам и Тифлис» [цит. по: 178, с.269].

Ввиду столь грозного послания и отсутствия Ибрагимхалил-хана, среди защитников крепости наметился раскол и образовались две враждующие между собой группировки. Одна - проиранская, объявила хана трусом и предлагала сдать крепость. Эту группировку возглавлял Мухаммед-бек, сын Мехрали-бека, соперника и младшего брата Ибрагимхалил-хана, который заявил о своих притязаниях на Гарабагский трон, открыто выступив против дяди и объявив себя сторонником иранского правителя Ага Мухаммед-шаха. Другая группировка защищала Ибрагимхалил-хана, считая, что он направился в Дагестан за подкреплением, а потому следует продолжить оборону Шуши, дожидаясь возвращения хана с войском.

Для ответа шаху собрали совет старейшин Шуши, на котором военачальник Исмаил-бек предложил продолжать сопротивление, ибо шах грозился, захватив город, наказать его жителей. По его словам, «если мы продолжим борьбу Ибрагимхалил-хан с новым войском подоспеет на помощь и избавит нас от осады». Глава местного духовенства Хаджи Бабек, наоборот, сказал, что верит обещанию Ага Мухаммед-шаха и намерен договориться с ним об условиях сдачи крепости. После совета он по приставной лестнице спустился с крепостных стен и направился во вражеский лагерь, где приступил к переговорам об условиях сдачи Шуши. Шах определил контрибуцию с города в 500000 *ашрафы*, или 1 725 кг золота [Ашрафи - золотая монета, чеканенная Сефевидами, весом 3,45 г. см.:214, с 177]. После торга Хаджи Бабеку удалось уменьшить ее до 2000 *ашрафи*. Возвратившись в Шушу, он показал старейшинам Коран с личной печатью Ага Мухаммед-шаха, на котором тот поклялся, что не причинит зла шушинцам, их имуществу и городу. После этого начался сбор денег и драгоценностей, в том числе женских украшений. Через два дня старейшины города во главе с Хаджи Бабеком отправились к шаху, рассчитывая, что отделаются выплатой контрибуции. Однако, клятва на Коране не помешала Ага Мухаммед-шаху жестоко расправиться с шушинцами, из отрубленных голов которых он приказал сложить минареты, чтобы устроить жителей и чтобы никто впредь не осмелился не повиноваться ему. Иранский шах повторил в Азербайджане акт насилия, совершенного Надир-шахом после жестокого подавления им Ширванского восстания 1743 года.

Видный азербайджанский историк А.А. Гусейнзаде специально останавливаясь на этом важном политическом событии [164, с.39], пишет: «При осаде Шуши Каджарами в 1795 году Мухаммед-бека не было в рядах защитников. Вместе со своим братом Асадулла-беком, с семьей и приверженцами он находился в укреплении в 40 км от города. Здесь он был захвачен Ага Мухаммед-шахом, который, судя по дальнейшим событиям, сумел склонить его на свою сторону, обещав, в случае победы, Гарабагский трон». При этом шах указал Мухаммед-беку единственный способ захвата власти - формирование оппозиции против Ибрагимхалил-хана. Поэтому, когда Ага Мухаммед-шах вторгся в Гарабаг, Мухаммед-бек и его сторонники активизировались, решили схватить хана и выдать шаху.

Однако, намерение заговорщиков не удалось, так как Ибрагимхалил-хан после успешной вылазки против вражеской артиллерии не смог вернуться в Шушу и ушел в Дагестан. Воспользовавшись ситуацией, глава проиранской группировки Мухаммед-бек сообщил Ага Мухаммед-шаху, что «мы Ибрагимхалил-хана сочли врагом вашего государства и хотели арестовать, но он вместе с семьей бежал из Шуши в Дагестан. Просьба о том, чтобы его величество шахиншах поторопился к нам и взял город Шушу».

Ага Мухаммед-шах, заняв Шушу, приказал северным ханам лично явиться к нему или прислать заложников. Однако, не все откликнулись на это повеление. Гусейнгулу-хан Бакинский не отправился к шаху даже после повторного «приглашения». Тогда иранский правитель направил в Баку своего военачальника с войском, который «взял хана силою и доставил к своему государю в Шушу» [62, ч.II, с.430]. Шах заточил Бакинского хана в тюрьму, а вскоре ситуация вновь резко поменялась: 7 мая 1797 года, в результате заговора, иранский властитель был убит в Шуше, его армия покинула Гарабаг, а жители Шуши, собравшись большими толпами, предавали смерти тех иранцев, которые не успели скрыться [34, л.5а; 46, с.58; 47, с.126-127].

После убийства Ага Мухаммед-шаха находившийся на Гарабагском троне Мухаммед-бек расправился со сторонниками Ибрагимхалил-хана. По его приказу, были также убиты везир Вагиф и его сын.

Однако, узурпатор продержался недолго. Через несколько месяцев, в связи с возвращением Ибрагимхалил-хана, он бежал из Гарабага и укрылся в Шеки, где был схвачен Мухаммедгасан-ханом Шекинским и выдан Мустафа-хану Шемахинскому, который казнил его, отомстив за убийство Мухаммед-беком своего отца.

Новым иранским властителем стал Фатали-шах Гаджар (1797-1834), которому в первые годы правления пришлось заниматься внутренними

делами и усмирять непокорных феодалов. Вместе с тем с именем этого шаха связано начало регулярных дипломатических связей Ирана с европейскими державами, которые таким путем стремились проникнуть на Южный Кавказ, в том числе в Азербайджан, и воспрепятствовать дальнейшему продвижению Российской империи на южном направлении. Поэтому Иран, занимавший выгодное стратегическое положение на путях, ведущих на Восток, стал объектом пристального внимания Великобритании и наполеоновской Франции [181, раздел III, гл.IV].

Гарабагское ханство в результате опустошительных нашествий Ага Мухаммед-шаха Гаджара переживало экономический кризис. Шуша и большинство сел были разорены, погибло немало жителей, настали дороговизна, эпидемии. Оставалась сложной внешнеполитическая ситуация. В 1801 году Павел I был убит в результате заговора, и новый император Александр I (1801-1825) уже в начале своего царствования обратил внимание на южное направление российской экспансии. Россия все активнее вмешивалась во внутренние дела Южного Кавказа. В 1801 году было ликвидировано Картли-Кахетинское царство; империя начала реализацию планов по захвату северных ханств Азербайджана мирным путем, либо силой оружия.

3.3. Гарабагское ханство, Российская империя, армяне

Межгосударственные и межэтнические отношения принадлежат к разряду перманентных и злободневных проблем геополитики. Такое заключение справедливо как для далекого прошлого, со времени появления великих держав античности, так и для последующих эпох, вплоть до сего дня.

В том, что касается Кавказа, нет никакого сомнения, что вышеизложенный тезис в полной мере относится и к этому важному региону,

находящемуся в центре геостратегического внимания многих великодержавных политических фигурантов многополярного мира. Среди неразрешаемых до сих пор проблем- Кавказа уже более 200 лет фигурируют взаимоотношения в далеко неравностороннем треугольнике «Россия - Азербайджан - армяне».

В этой фигуре сегодня важной составной частью является *Гарабаг*, превратившийся в яблоко раздора уже в начале XIX века, что связано, в первую очередь, с двумя субъектами международного права второй половины XVIII-начала XIX веков: Гарабагским ханством и Российской империей, а также с Османской и Иранской державами.

Сказанное является отправной позицией в проблеме «Гарабагское ханство, Российская империя, армяне».

Ближе к концу XVIII века в Гарабаге назревали события, которые могли иметь для местного ханства негативные военно-политические последствия и территориальные потери. Дело в том, что албанские христианские мелики, прождав 1783 год когда был подписан Георгиевский трактат, и не получив ответа на свое первое обращение к Екатерине II, решили напомнить о себе Петербургу. Они направили письмо с просьбой принять их под покровительство империи [74, т. II, с. 32]. Когда это не возымело действия, мелики обратились к Астраханскому генерал-губернатору, фавориту Екатерины II князю Г.А.Потемкину с просьбой прислать в Гарабаг «два русских полка» для свержения «магометанского ига» [74, т. II, с. 32], то есть Ибрагимхалил-хана. При этом их эмиссар Даниил, находясь в Астрахани, старался убедить Г.А.Потемкина, что при первом же известии о движении русских войск мелики соберут не менее «пяти тысяч самых храбрых воинов, как пеших, так и конных», и приложат все старание к ниспровержению Ибрагимхалил-хана; более того, русские могут при отправке своих войск «не ограничивать их числа и быть уверенными, что, сколько бы их прислано ни было, все они найдут обильное продовольствие» [74, т. II, с. 32].

Как отмечалось, об обращениях христианских меликов к России стало известно Ибрагимхалил-хану. Обладая незаурядным дипломатическим опытом и чутьем, ему для нейтрализации грозившей опасности со стороны России необходимо было проявить «покорность». С этой целью в начале 1784 года Ибрагимхалил-хан направил к императрице Екатерине II своего посланника с письмом, в котором просил покровительства [62, т. II, с. 144]. Тем самым была временно ликвидирована опасность со стороны хамских вассалов: удалось нейтрализовать «пятую колонну» мятежных албанских меликов.

Тем не менее, начав в 1803 году поход в Азербайджан главноначальствующий Грузии, российский генерал, князь П.Д.Цицианов одновременно проявил заботу об армянах и их имуществе в Гарабаге. Он направил Ибрагимхалил-хану несколько ультимативных писем, требуя освободить взятых ханом «в плен» во время его рейда в Грузию армян вместе с их имуществом. В противном случае, генерал грозил наказать Гарабагского хана и разорить его владения [53, т. II, док. 1416, с. 695; док. 1417, с. 696; док. 1420, с. 697]. После неоднократных напоминаний Ибрагимхалил-хан, заключив Кюрекчайский договор с Россией, освободил пленных армян и их имущество.

Генерал проявил также заботу о тех христианских меликах, которые тяготели к Российской империи и не желали оставаться вассалами Гарабагских ханов. По настоянию П.Д.Цицианова, Ибрагимхалил-хан отпустил из 10-летнего заключения сына и внука Варандского мелика Джамшида [53, том II, док. 1436, с. 704], о чем было сообщено П.Д.Цициановым в своем рапорте императору Александру I. Столь настойчивая забота о христианском населении и меликах Гарабага свидетельствовала о заинтересованности Российской империи, использовавшей их в качестве своей «пятой колонны».

В свою очередь, христианские мелики и жители, руководимые Эчмиадзином, стремившимся с помощью России осуществить свои притязания на Гарабаг и другие азербайджанские земли, оказывали империи определенные услуги при продвижении российской армии по Азербайджану, особенно во время русско-иранских войн 1804-1813 и 1826-1829 годов. Так, из столицы Гарабагского ханства - Шуши - шли донесения российским военным властям на Кавказе на армянском языке, в которых сообщалось [53, т. III, док. 610, с. 334]:

- о передвижениях иранской армии в зоне реки Араз;
- о намерении неприятеля вступить в Гарабаг;
- о переговорах Шамахинского, Бакинського и Марагинского ханов с наследником иранского престола о совместном нападении на Гарабагское ханство;
- о ситуации в Гарабаге и Иране;
- об антироссийских настроениях Ибрагимхалил-хана Гарабагского, который якобы, «в настоящее время ... сбился с пути, и великую государеву службу оставил, ибо переговорил с персиянами, привел и приблизил их войско, чтобы самому соединиться с ними и вместе прийти и окружить с четырех сторон Шушинскую крепость», где находился русский гарнизон.

Более того, некоторые албанские мелики, не упускавшие случая стать независимыми, сыграли роль в трагической гибели Ибрагимхалил-хана в 1806 году. Так, мелик Джамшид Мелик-Шахназаров доносил начальнику русского гарнизона в Шушинской крепости майору Д.Т.Лисаневичу, что будто хан «сносился с иранским правителем Фатали-шахом, и последний отправил в Карабах иранское войско» [53, том III, док. 610, с.334].

Как эти доносы, так и резко отрицательное отношение Д.Т.Лисаневича к Ибрагимхалил-хану привели к трагической развязке - убийству главы Гарабагского ханства и некоторых членов его семьи. Оправдывая свои действия, Д.Т.Лисаневич доносил по инстанции, что он поступил правильно, ибо хан «сбился с пути и великую государеву службу оставил» [53, том III, док. 598-600, с.327-330].

В связи с деятельностью Д.Т.Лисаневича на посту начальника русского гарнизона в Шушинской крепости русский военный историк и генерал В.А.Потто писал [95, т. II, с. 147]:

- этот майор заселил «заграничными армянами» Лори искую степь, то есть обустроил их в Гарабагском ханстве;
- «устроил для них дома, помог завести хозяйство и вообще позаботился об устройстве быта новых поселенцев».

О проармянской политике кавказских российских чиновников и попечительстве о христианских медиках свидетельствует предписание от 19 сентября 1806 года командующего войсками в Грузии и Дагестане генерала графа И.В.Гудовича, в котором говорится [53, т. III, док. 638, с.347]: отмечая заслуги медиков Агариза-бека и Лала-бека:

- я отправил им «золотые медали на красных лентах за приверженность к российским войскам»;
- велел выдать каждому из них по 100 руб. сер.;
- обещал ходатайствовать перед императором о назначении им пожизненного пенсионера;
- настоять на том, чтобы им возвратили отнятые имения в Гарабагском ханстве;
- сисианскому мелику Микиртчичу, а также татевскому мелику Погосу и еще Кесы-Кевхе - «усердным и преданным», объявил свою признательность и уверил, что и для них будет «испрошено высокомогущественное награждение».

И все это благоволение делалось в обмен на то, что названные мелики в период русско-иранской войны 1804-1813 г. «во время нынешних

обстоятельств наших с Персией служили верно и доставляли нам истинные обо всем известия», то есть своими доносами помогали России в завоевании.

Тем не менее, среди армян имелись также сторонники иранского правителя Фатали-шаха, о чем в сентябре-октябре 1809 года главнокомандующему Грузии генералу графу А.П.Тормасову неоднократно докладывали [53, т.IV, док.818-820, с.348-349]:

- живущие около р. Араз баргушетские и кафанские армяне, «всегда принадлежавшие Карабагскому владению, передались вероломно иранцам», подошедшим к их селам;

- в заверении своей верности «они отдали от себя аманатов» (заложников. - Ф.А.);

- два армянских села Чавандурского магала готовились переселиться из Гарабага за Араз – в иранские пределы.

Поэтому генералу советовали провести карательную экспедицию с тем, чтобы другие армяне Гарабага «не вышли из повиновения, и не отдались иранцам». Действительно, предательство армян удалось предотвратить лишь после отправки против них русского карательного отряда, который «пробыл некоторое время близ Баргушетских, Кафанских и Чавандурских сел, кои нынешним летом по вероломству передавались Фатали-шаху».

Однако, антирусские действия армян не прекратились. 3 июня 1810 года генералу А.П.Тормасову доложили, что Татевский мелик Погос тайно сносится с неприятелем [53, т.IV, док. 830, с.355]. Это был тот самый мелик, которого в 1806 году генерал И.В.Гудович считал «усердным и преданным», за что объявил ему свою признательность и обещал «испросить высокопаршее награждение».

Судя по тому, что известно, нетрудно заключить, что мелики, чьи владения находились в зоне боевых действий, перебежали на сторону русскую или иранскую, в зависимости от того, кому улыбалось военное счастье. Подобная «преданность» албанских христианских медиков отмечена кавказоведом В.Л.Величко, который писал о тех из них, что перешли на российскую службу в Грузии в последней четверти XVIII века. По его словам, «при царе грузинском Ираклии II (1744-1798 годы. - Ф.А.), благодаря хлопотам Аргутинского (имеется в виду Иосиф Аргутинский -армянский католикос всех армян в России (1800-1801) -Ф.А.), стремившегося пробуждать армянское самосознание, в Грузии были водворены кое-какие Карабахские мелики с подвластными им крестьянами и образовали селение Шулавер в Грузии. Два мслика - Меджнун и Або поторопились предать своего нового владыку (то есть грузинского царя. - Ф.А.) и явились

шпионами-проводниками персидского шаха Ага-Магомед-хана, разрушившего Тифлис в 1795 году» [64, с.78].

Судьбой 240 семей армян Варандского уезда был «обеспокоен» один из высокопоставленных военных чинов Кавказской администрации, потребовавший объяснений от Мехтигулу-хана. В ответном письме от сентября 1817 года хан сообщал [53, т.VI, ч.1, док.1267, С.837]: эти армяне обустроены в уезде окружным начальником князем В.Г.Мадатовым - одним из ближайших помощников главноуправляющего в Грузии и командира Отдельного Кавказского корпуса генерала Л.П.Ермолова.

Со своей стороны, в подтверждение своего «Гарабагского происхождения» В.Г.Мадатов писал в рапорте от 19 ноября 1817 года своему патрону А.П.Ермолову 153, т.VI, ч.1, с.838]:

- я - уроженец Гарабагского ханства, и имею поэтому право на недвижимое имение;
- Мехтигулу-хан Гарабагский возвратил мне часть того имения;
- оно отдано мне «в вечное и потомственное владение» на основании выданного мне ханом документа.

Имеется в виду талага Гарабагского хана от 1818 года, - один из редких документов, который подтверждает его независимость.

Талага (дарственная) Мехтигулу-хана князю В.Г.Мадатову:

«Так как генерал-майор Ростом Григорьевич Мадатов, отправившись на столь долгое время из Карабахского владения и служа престолу его императорского величества, ныне возвратился в Карабах и нам следовало оказать ему, как происходящему из числа важных бекских фамилий Карабахского владения, уважение и ласки; то в усугубление собственного нашего к нему уважения из сел Варандинского магала, значущиеся здесь села, именно Чанахчи, Сигнак, Кешиш-кенди, Заришен, Джамиат, Ку-зум-кенди, Чартаз-Кузай, Чарта-Гюней, Дизакского магала село Тага, из мусульманских сел - Каджар с настоящими недвижимыми имениями, которыми владеют, аул Караде-мурчи вместе с принадлежащими к оному, перешедшими в другое владение семействами под названием тефрикэ (разделенное, спорное) и с высокопочтенным беком их Эмир-Аслан-беком, аул Клиджлу и семейства, которые, при серкаре Дергагулу находятся; для хлебопашества из недвижимых имений имение Шахаб-Эддин, имение Чайлу, состоящее на северной стороне р. Тертер; летние и зимовью места под названием яйлага и кишлага, как для сих аулов, так и для рогатого скота, баранов и конского табуна вышесказанного генерала, от низу Сару-иохуш, стороны Деликташа и реки Элекчи до Чилгяза яйлага, а поблизости Котавана для кишлага, - показанные села со всеми жителями, откупами, недвижимыми

имениями и тефрикэ потомственно отдали мы вышеупомянутому генерал-майору, чтобы отныне оные находились в службе и под властью его и нимало не выходили из поручаемых им от него служб; но сохранять порядок усердия по службе его и по подвластности. Кто же из моего рода будет спорить по сему предмету, то таковой спор не может иметь имоверия и будет недействителен; сколько же будет поступать с вышесказанных сел и аулов доходов и произведений, кроме следуемой в казну его императорского величества подати, повинности и службы, все оные должны давать определенному от вышесказанного генерал-майора надзирателю; но императорскую подать и повинность должны исправлять и поступать по силе сего повеления неослабно. - Писано месяца шабана 1234 (1818) года» [53, т. VI, ч. I, с. 838]. А.П.Ермолов запретил своему подчиненному принять от Мехтигулу-хана Гарабагского в дар «недвижимое имение», в связи с чем писал хану 26 марта 1818 года [53, т. VI, ч. I, док. 1270, с. 838]:

- Мадатов находится на службе императора, который «всегда щедро вознаграждает»;
- поэтому генералу «непристойно принять села в виде дара»;
- хотя хан Гарабагский - «первый из владельцев, оказавших желание сделать выгоду российскому чиновнику».

Этот запрет был связан с тем, что уже было решено формально ликвидировать Гарабагское ханство, которое фактически не существовало после подписания Кюрекчайского трактата 1805 года, и его земли планировали забрать в российскую казну. Вместе с тем, следует отметить в связи с В.Г.Мадатовым, что в официальном документе «Записка о Карабагской провинции», составленной в 1830 году для главнокомандующего Грузии генерала князя И.Ф.Паскевича, говорится, что «управлявший мусульманскими провинциями генерал князь Мадатов убедил Мехтигулу-хана подарить ему и его родственникам Петросбеку и майору Мадатову до 1500 дымов или 12 000 душ татар (азербайджанцев. - Ф.А.) и армян» [53, т. VII, док. 411, с. 460]. Иными словами, говорить о добровольном характере таллага не приходится, ибо в той же «Записке» сказано, что генерал А.П.Ермолов содействовал получению этого «подарка», так как благоволил к Мадатову.

Такое отношение к армянам не являлось исключением, особенно после ликвидации Гарабагского ханства. В «Описании Карабагской провинции», говоря о системе откупов, сообщается об их предоставлении российскими властями Давуду и Огансу [89, с. 2]. В 1821 году А.П.Ермолов занимался рассмотрением просьбы гарабагского жителя армянина Шахназарова на имя императора [53, т. VI, ч. I, док. 1282, с. 843-844]:

- «отец просителя точно имел большие поместья в Карабаге»;
- враждуя с другими армянскими фамилиями, он помог мусульманам овладеть Гарабагом;
- по той же причине он выдал свою дочь за мусульманина, «дабы удобнее мстить соотечественникам своим».

Однако, здесь гораздо существеннее стремление А.П.Ермолова посорить армян с азербайджанцами, следуя принципу «разделяй и властвуй». Так, Мехтигулу-хап писал начальнику штаба Отдельного грузинского корпуса генералу А.А.Вельяминову относительно попыток армянской церкви прочно обосноваться в Гарабаге [53, т. VI, ч. I, док.1288, с.846]:

- архиерей Нерсес прибыл из Тифлиса и вручил хану письмо А.П.Ермолова, согласно которому этот клирик должен «сосчитать количество Карабагских армян»;
- хан выражает свой протест, ибо, «если правительство желает знать настоящее число Карабагских подданных, то такая необходимость отделяет армян особо от татар (азербайджанцев. - Ф.А.); они все одного владения жители»;
- лучше, если этим займутся чиновники; ханские и российские.

По этим причинам генерал А.А.Вельяминов 8 июля 1822 года писал Нерсесу, причем *секретно* (53, т. VI, ч. I, док.1289, с.846-847):

- приостановить «до удобнейшего времени описание в Карабаге армянского народа»;
- нынешнее положение дел и местные обстоятельства «требуют некоторой умеренности»;
- и отложить описание «до зимнего времени».

Из этого же письма, следует, что судьба Гарабагского ханства была предрешена, ибо уже вскоре оно оказалось ликвидированным. В тот же день А.А.Вельяминов направил «успокоительное» письмо Мехтигулу-хану, которое имело весьма важное значение. Поэтому мы приводим его целиком.

**«Письмо генерал-лейтенанта А.А. Вельяминова
к Мехтигулу-хану,
от 8-го июля 1822 года, № 2355**

С полной откровенностью обязываюсь сказать Вашему превосходительству, что содержание письма Вашего ко мне, насчет описания

делаемого в Карабаге архиепископом Нерсесом, привело меня в крайнее удивление. Из оного ясно открывается, что Вы, искренний благоприятель мой, не изволите о сем предмете иметь настоящего понятия и что люди, недоброхотствующие всякому устройству и порядку, успели и сему делу дать превратные или, лучше сказать, совершенно ложные толки. А потому долгом считаю уведомить Ваше превосходительство о прямой цели, для которой нужно сие описание.

Издавна коренным российским узаконением поставлено делать исчисления церквей, монастырей, духовенства и народа разных христианских исповедований, как-то: греко-российского, армянского, католического, лютеранского и прочих, для известности настоящего числа, сколько именно какого исповедования христиан обитает в Российской империи и сколько имеется духовенства и церквей каждого исповедования. Сведения сии должны отовсюду местными духовными начальствами доставляться к министру духовных дел, как необходимо нужные не только для известности оных верховному правительству, но также для самой истории и землеописания Российского государства. Итак, единственно для сей надобности Министерство потребовало и от прсвященнейшего Нерсеса, как первенствующего во всем здешнем крае по духовной части армянского исповедования, доставления таковых описаний, кои почти во всех прочих местах, кроме Карабага, им уже и сделаны; а главнокомандующий в Грузии Алексей Петрович (Ермолов), споспешествуя со своей стороны сей общепользующей цели и в уверенности на примерное усердие Ваше к службе его императорского величества, неоднократно опытами доказанное, обратился к Вашему превосходительству с предложением о содействии Вашем по сему полезному делу.

Откуда же могла родиться мысль, якобы описание сие делается для того, чтобы в Карабагском ханстве отделить армян особо от Татар и умножить доходы армянского духовенства; равным образом, что через сие нарушается сила трактата (Кюрекчайского), высочайше утвержденного, и ниспровергается порядок и обычай Карабагской земли? Я понять не могу и при совершенном недоумении, из каких источников могло сие выйти, никак однако же не полагаю, чтобы таковое суждение было собственное Вашего превосходительства, ибо отличное благоразумие и основательность Ваша довольно известны правительству. Впрочем по искреннему моему к Вам благорасположению не могу не сожалеть, что с Вашей стороны допускается и самое существование таковых неосновательных толков, без сомнения происшедших, как я уже выше сказал, от врагов всякого порядка - поелику в глазах меньше уверенного начальства в преданности Вашей к пользам

службы могло бы показаться сие ослаблением в доверенности Вашей к Российскому правительству.

Я имею все средства к совершенному удостоверению Вашего превосходительства, что нет никакой другой цели сего описания, кроме выше мной объясненной, что влияние от того армянского духовенства на народ сего исповедования, в Карабаге обитающем, нимало не увеличится и останется в тех же пределах, в каковых доселе было, также сие делается отнюдь не для увеличения доходов духовенства, поелику кроме введенных обычаем и уже исстари существующих, никто без воли Вашей не может налагать новых сборов податей, исключая добровольного подаяния церквам и духовенству, каковое право ни у кого не может быть отнято, и что, наконец, ни трактат, ни порядок в земле, высочайше управлению Вашему вверенной, нимало через сие не нарушаются, так как и власть Вашему превосходительству, сопряженная с судом и расправой над армянским народом, остаются во всей своей силе и неприкосновенности. Но желая сделать угодное Вашему превосходительству, я не премину подлинное ко мне письмо Ваше по сему предмету представить на усмотрение главнокомандующего в Грузии, хотя сомневаюсь, что оное могло быть принято с благоугодностью. Для большего же еще успокоения Вас в сих неосновательных сомнениях, я ныне же отнесся к архиепископу Нерсесу, чтобы он приостановился до удобнейшего времени описанием ему порученным, в том единственно уважении, что теперь рабочая пора и могло бы сие отвлечь народ от полевых занятий, но отнюдь не для того, чтобы оное вовсе могло быть оставлено» [53, т. VI, ч. I, с. 847].

Таким образом, из писем генерала А.А.Вельяминова армянскому архиерею Нерсесу и Мехтигулу-хану Гарабаг-скому следует однозначный вывод: чтобы создать на Южном Кавказе христианский форпост в противовес составляющему абсолютное большинство мусульманскому азербайджанскому населению, российские власти благоволили к армянам Гарабага. Не менее важным подтверждением является секретность переписки А.А.Вельяминова с Нерсесом и отправка ему копии ответа генерала на обращение Гарабагского хана. Тем самым армянская церковь получила подтверждение позитивного к ней отношения российских властей.

Следует также обратить внимание на год (1822) этой переписки, когда Гарабагское ханство было окончательно ликвидировано. Так что письмо генерала Мехтигулу-хану было своего рода дипломатическим приемом для усыпления его бдительности. В связи с этим симптоматично также предписание А.П.Ермолова В.Г.Мадатову от 11 августа 1822 года, в котором говорилось [53, т. VI, ч. I, док. 1290, с. 847]:

- «по личному вашему исследованию, дознали вы, что Карабагского ханства села Хинзырек мелик Зураб из корыстолюбия и других видов нарушил данное свое клятвенное обещание сохранять свято исповедание армянской веры обращением себя из оной обратно в магометанскую»;

- он же незаконно присвоил себе звание мелика;
- поэтому его, «как злостного нарушителя религии христианской, предать суду»;
- а его детей отдать матери с подпиской, что «они принятую армянскую веру будут свято сохранять и отнюдь не будут принуждаемы к обращению в мухамеданство».

Из последнего пункта следует, что албанские христианские мелики, исходя из политических соображений, переходили в ислам с тем, вероятно, чтобы сохранить свои земли в Карабагском ханстве в случае победы Ирана.

Мехтигулу-хан 21 ноября 1822 года вынужден был покинуть Карабагское ханство из-за притеснений со стороны В.Г.Мадатова. В описании российскими чиновниками имущества хана и его приближенных активное участие принимали армяне, в том числе архиепископ Татевский Мартирос [53, т.VI, ч.I, док.1293, с.848]. В.Г. Мадатов, клеветавший на хана, рапортовал своему начальству, что он «переметнулся на сторону Фатали-шаха иранского». Однако, как выясняется из переписки самых высоких российских сановников, причиной ухода Мехтигулу-хана в Иран явилось «нанесение ему обид и притеснение генерал-лейтенантом князем Мадатовым», о чем хан подал жалобу самому императору Николаю I и, как писал граф фельдмаршал И.И.Дибич-Забалканский главнокомандующему на Кавказе графу И.Ф.Паскевичу 17 октября 1827 года, «жалоба эта будет представлена на обсуждение Комитета министров Российской империи» [53, т.VII, док.407, с.459].

Не ожидая выяснения всех обстоятельств и не веря в объективность официальной власти, еще в мае того же года Мехтигулу-хан, убедившись в тщетности своих попыток добиться справедливости, удалился на покой в город Агdam. Ибо все активнее в Карабаге действовали российские власти, поддерживавшие перешедших на их сторону армян. Нижеследующий пассаж из «Записки о Карабагской провинции»: является свидетельством сказанному: «К числу бессмертных подвигов минувшей войны (1826-1828 годов. - Ф.А.) с Персией бесспорно принадлежит переселение из Персии армян в наши провинции. Армяне - парод самый приверженный в здешнем крае к нашему правительству и, можно сказать, самый честнейший, но крайней мере между простолюдинами. Вышедшие из Персии армяне

отличаются примерным трудолюбием и большая часть из них ремесленники, весьма полезные и весьма редкие за Кавказом» [53, т.VII, док.411, с.461]. В то время как П.Д.Цицианов, столкнувшись с иреванскими армянами, труд которых хотел использовать в Грузии в сельском хозяйстве, но безуспешно, считал их самыми ленивыми на Кавказе.

Здесь скорее всего надо говорить о том, что российские власти, используя христианский фактор, поддерживали албанских меликов и армян, как могли. Чтобы оправдать финансовые расходы Эчмиадзина на них, они официально пропагандировали «достоинства» армян, которые оставались лояльными к российской власти в той мере, в какой это их устраивало. Не случайно, русские кавказоведы в начале XX столетия сочли нужным отметить «революционность» армян и преследование собственной выгоды в ущерб приютившей их империи. Так, М.О.Меньшиков писал: «Какому-нибудь армянину достаточно правдами или неправдами окончить русскую гимназию и высшую школу, и он получает все права государственной службы, он вносит свою инородческую, до сих пор враждебную России, стихию в самый состав нашего правящего класса...

Армяне постепенно делаются хозяевами Закавказья, захватывая землю, капиталы, промыслы, торговлю и почти командующее влияние на местную администрацию. Когда мирное завоевание Кавказа армянами будет завершено, согласитесь, что это значительно продвинет армянских патриотов к их окончательной цели» [86, с.204, 405]. А именно - к созданию в субрегионе армянской государственности.

В русско-иранской войне 1828 года Гарабаг стал одной из основных азербайджанских территорий для окончательной арменизации и превращения ее в христианский форпост против местного азербайджанско-мусульманского населения, что устраивало и Россию, и пришлых армян, с их притязаниями обосноваться на исконных азербайджанских землях. Так, армянин на российской службе полковник Х.Лазарев получил предписание начальства «направить путь переселенцев (армян. - Ф.А.) вместо ханств Нахичеванского и Эриванского в ханство Гарабаг» [68, с.87]. Эти сведения С.Н.Глинки подтверждает Н.Н.Шавров, который отмечает, что «Нагорная часть Елизаветпольской губернии (Нагорный Гарабаг. - Ф.А.) и берега озера Гокча заселены этими армянами» [106, с.541].

О динамике арменизации Гарабага, планомерно проводимой российскими властями, свидетельствуют следующие данные [89; 172, с.71]:

- в 1823 году в Шуше проживали 1111 азербайджанских семей и 421 армянская;

- в остальной части ханства, а это 600 сел, проживали 14 618 азербайджанских семей и 3 945 армянских;
- в Гарабаге тогда было 450 сел азербайджанских и 150 армянских;
- все население составляли в 1823 году 90 000 жителей.

Процесс арменизации Гарабага продолжался и после ликвидации Гарабагского ханства. Однако его рассмотрение выходит за хронологические рамки нашего исследования, поэтому здесь отметим только, что этническая картина продолжала изменяться в ущерб местному азербайджанскому населению. Итог этой трансформации в Нагорном Гарабаге хорошо известен [156, гл. III и VI; 186].

3.4. Предыстория Гарабагско-Российского Кюрекчайского трактата 1805 года

После захвата силой оружия Гянджи некоего ханства в январе 1804 года Российская империя продолжила наступление на северные ханства Азербайджана. Новым объектом стало Гарабагское ханство. В связи с этим представляет интерес переписка между российским главноначальствующим Грузии генералом князем П.Д.Цициановым и Ибрагимхалил-ханом Гарабагским, в которой четко прослеживаются важные этапы взаимоотношений и позиции Гарабагской и российской сторон.

Из этой переписки следует, что Гарабагско-Российскому Кюрекчайскому трактату 1805 года предшествовала дипломатическая подготовка и стремление России решить проблему взаимоотношений с Гарабагским ханством мирным путем, ибо сопротивление Гянджи некоего ханства дорого обошлось обеим сторонам.

Подготовка к подписанию трактата имела непростую предысторию, которая состояла из ряда этапов: от прямой угрозы ликвидации Гарабагского ханства силой оружия, через переписку об условиях мирного разрешения ситуации и до принятия специального соглашения о протекторате Российской империи.

После захвата Гянджинского ханства П.Д.Цицианов рассылал североазербайджанским ханам угрожающие письма с определенными требованиями. В ультиматуме Ибрагимхалил-хану от 8 января 1804 года, отправленном из Гянджи, говорилось, что российская армия овладела Гянджой, а Вы - не приветствуете и не ищите «покровительства сильного. Я

надеюсь, что Ваше высокостепенство будет следовать общему правилу, что слабый сильному покоряется и не мечтает с ним тягаться...

Отворяя Вам путь к высокому покровительству великого и Богом вознесенного государя императора нашего (Александра I), буду ждать от Вас доверенную Вашу особу или одного из детей Ваших для постановления правил, на каких Вы можете быть приняты (в российское подданство)» [53, том 11, док.1416, с.696].

Таким образом, российский генерал «открытым текстом» угрожал Гарабагскому хану, говоря, что если он не последует совету, его ожидает участь Джавад-хана Гянджинского. Имелось ввиду, что на границе стояли два российских батальона, дислоцированные в Восточной Грузии по условиям Георгиевского трактата, а по соседству, на Кавказской линии, - Отдельный Кавказский корпус российской армии.

Однако, П.Д.Цицианов, не получив ожидаемого результата, 4 февраля 1804 года вновь обратился с письмом Ибрагимхалил-хану и выразил недовольство тем, что к нему прислан ханский представитель «без права подписи и печати». Российский генерал, перейдя к прямым угрозам, писал, что «Вы за таковую персидскую политику кровью своей заплатите, как и Джавад-хан... Верьте мне, что и гянджинского войска довольно, чтобы Вас вовсе сокрушить; верьте мне, что неприступность Вашей крепости (Шуши) для русских будет легка» [53, т. II, док.1417, с.696].

Симптоматично очередное письмо российского генерала, который не дождавшись покорности Гарабагского хана после учиненного российской армией над Гянджинским ханством, переходит на дипломатический язык, что свидетельствует о следующем:

- Цицианов П.Д. понял, что Ибрагимхалил-хан поведет себя как Джавад-хан Гянджинский;
- что Шуша - неприступная крепость в высоких горах;
- оценил военную силу Гарабагского хана и его влияние на другие ханства Азербайджана;
- что, придется вновь воевать и нести потери.

Исходя из этого, от имени российского императора П.Д.Цицианов писал хану Гарабагскому, что ему «даровано прощение за все прошедшее, предано забвению, приемля Вас в блаженное Всероссийской империи подданство» с тем, чтобы он:

- соблюдал верность;
- принес в этом клятву;
- впустил в Шушу русский отряд;

- дал в заложники своего старшего сына;
- как подданный, платил дань в 10 тыс. червонцев ежегодно.

В этом случае российский император «давал слово» утвердить высочайшей грамотой своей хана и его род наследственно в ханском достоинстве, со всеми правами и преимуществом. Со своей стороны, как заканчивает письмо П.Д. Цицианов, Ибрагимхалил-хан должен подтвердить письменно, что принимает вышеперечисленные условия.

Хотя П.Д. Цицианов «вел активную завоевательную политику на Южном Кавказе, но довольно скоро должен был признать, что жестокая бескомпромиссная позиция далеко не всегда приводит к ожидаемому результату», в связи с чем [190, с.208]. П.Д. Цицианов неоднократно предлагал Гарабагскому хану свои «мирные условия». Тем более, что вступивший в русско-иранскую войну 1804-1813 Российской империи необходимо было мирным путем нейтрализовать северные ханства Азербайджана, оказавшиеся в тылу действующей русской армии.

В свою очередь, независимые ханства, стремясь сохранить самостоятельность и избежать иранской оккупации, вынуждены были пойти на это. Под давлением обстоятельств, еще 26 декабря 1802 года в Георгиевске (Северный Кавказ) прошла встреча между официальными представителями России, с одной стороны, рядом ханов Азербайджана и дагестанских владетелей, с другой. «По собственным просьбам», они перешли «под верховное покровительство» российского императора, приняв определенные обязательства: выступать совместно с российской армией в случае нападения со стороны Ирана-обеспечивать на своей территории безопасность русски* купеческих караванов; установить единый размер пошлины с провозимых через их земли товаров [73, с.486; 198 с.50-51]. Эти «договоры», на самом деле, определяли условия, на которых Россия признавала относительную независимость местных подписантов. Не случайно, что в российской дипломатической практике такие «договоры» получили известность как *шерты*, ибо они являлись далеко неравноправными: с одной стороны, великая держава, с другой - мелкие местные владетели. «*Шерт*» в старорусском означает «клятва; договорные отношения». Отсюда «шертная грамота» и «шертонать» - «клясться на Коране»; из араб -тюрк, «шерт» - «соглашение, условие» (Фасмер М. Этимологический словарь русского языка, том IV. М, 1987,с.431).

Бот почему, по условиям таких «договоров», Россия получила право вмешиваться во внутренние дела азербайджанских ханов. Правда, российский император объявлялся их «защитником и покровителем» [73,

прил.2, с.486]. Такие «договора» изначально были неравноправными, что следует из их конкретного содержания.

«Клятвенное обещание»

Я, нижеименованный, обещаюсь и клянусь перед всемогущим Богом, великим Пророком нашим Магомедом сильным и преемником Его, Пророком же сильным Алием с одиннадцатью его потомками и святым Его Кораном в том, что хочу и должен его императорскому величеству, своему истинному и природному всемилостивейшему великому государю-императору Александру Павловичу, самодержцу Всероссийскому и его императорскому высочеству, Всероссийского престола наследнику, который назначен будет, верно и нелицемерно служить и во всем повиноваться, не щадя живота своего, до последней капли крови, и все к высокому его императорского величества самодержавству, силе и власти права и преимущества, узаконенные и впредь узаконяемые, по крайнему разумению, силе возможности предостерегать и оборонять и при том по крайней мере стараться споспешествовать все, что к ему императорского величества верной службе и пользе государственной во всяких случаях касаться может; о ущербе же его величества интереса, вреде и убытке, как скоро о том уведая, не токмо благовременно объявлять, но и всякими мерами отвращать и не допускать стараться, и всякую мне вверенную тайность крайне хранить буду и поверенным мне ханством управлять его императорского величества именем, безмолвно повиноваться высочайшим повелениям и главноуправляющего Грузией и по ним надлежащим образом по совести своей, корысти, свойства, дружбы и вражды противно должности своей и присяги не поступать и таким образом себя вести и поступать, как верному его императорского величества подданному благопристойно есть и надлежит и как я пред Богом и Судом Его Страшным в том всегда ответ дать могу, как суще мне Господь Бог душевно и телесно да поможет. В заключение же сей моей клятвы целую книгу святой Коран и в оном страшные слова: валлаи, биллаи, таллаи! Аминь» [53, т. II, с. 704].

«Шерт» был формуляром, каждый экземпляр которого подписывал тот, кто брал на себя перечисленные в тексте обязательства. По этой причине в формуляре нет упоминания дающего клятву, но в конце стоит его подпись и личная печать. Подписи и печати представителя российской стороны нет, что подтверждает неравноправный характер «шерта», ибо обязательства брал на себя только подписант. Иными словами, «шерт» содержал только

односторонние обязательства. Он не давал твердых гарантий, что Россия, в случае необходимости, придет на помощь. Скорее всего, обе стороны воспринимали шерт как подтверждение «взвешенного состояния». Однако ханы могли продемонстрировать османской и, особенно опасной, иранской стороне, что они находятся «под покровительством» великой державы, которая, используя шерт, может предпринять необходимую акцию в мусульманской части Южного Кавказа или против своих соперников в борьбе за регион. Среди тех, кто подписал такие «шерты», Гарабагского хана нет. Его значение и владения были достаточно велики, почему с Ибрагимхалил-ханом был заключен двусторонний документ, о чем будет сказано дальше. Поэтому понимая важность позиции Ибрагимхалил-хана, П.Д.Цицианов отправил к нему своего личного посланца - грузинского дворянина Н.Джораева с поручением передать основные положения трактата, который российская сторона предложила хану подписать. Когда устная договоренность об этом была достигнута, П.Д.Цицианов поручил майору 17 егерского полка Д.Т.Лисаневичу продолжение переговорного процесса. Ему было дано следующее предписание от 16 января 1805 года [53, т. II, док. 1425, с. 698-699]:

- главная задача - вручить хану для ознакомления копию трактата;
- ни на какие изменения в трактате не соглашаться;
- для подписания трактата хан и его внук должны прибыть в Елизаветполь (ныне Гянджа - Ф.А.);
- после подписания трактата П.Д.Цициановым и Ибрагимхалил-ханом последний возвращается в Шушу с русским отрядом.

Одновременно хану вручили письмо генерала от того же числа, в котором говорится, что на основании трактата гарантируется безопасность от иранского шаха, сохранение ханства и передача власти в нем по наследству [53, т. II, док. 1428, с. 699-700]. Получив в ответ принципиальное согласие, в очередном письме от 14 марта 1805 года П.Д.Цицианов выразил Ибрагимхалил-хану «большое удовольствие» в связи с его намерением подписать трактат [53, т. II, док. 1431, с. 701]. Полагая, что этот важный дипломатический акт состоится, П.Д.Цицианов 7 апреля 1805 года направил Александру I «всеподданнейший рапорт», в котором сообщал, что [53, т. II, док. 1433, с. 701-702]:

- Ибрагимхалил-хан согласился подписать трактат и принять «торжественную присягу на верность императору»;

- дань, которую хан будет платить, «нужна для умножения скудных грузинских доходов»; (то есть за счет азербайджанского ханства П.Д.Цицианов намеревался содержать российскую администрацию и армию в Восточной Грузии);

- Селим-хан Шекинский - родственник Гарабагского хана - также согласен на подписание трактата и переход в российское подданство.

Таким образом, предыстория Гарабагско-Российского Кюрекчайского трактата состояла из ряда этапов. На *первом* российская сторона в лице генерала П.Д.Цицианова, окрыленная победой над Гянджинским ханом, надеялась на дальнейшие успехи. Поэтому остальным северным ханствам Азербайджана был предъявлен ультиматум: признать сюзеренитет Российской империи. Однако самое значительное и важное среди них - Гарабагское - ответило категорическим отказом.

Тогда, и это *второй этап*, российская сторона, обеспокоенная такой ситуацией и перспективой затяжных военных действий и новых потерь, избрала иной путь, ибо в условиях русско-иранской войны 1804-1813 годов Азербайджан был зоной боевых действий. Необходимо было обеспечить в этой войне «спокойный тыл» со стороны североазербайджанских ханств. Поэтому российская сторона решила перейти к дипломатическим шагам, в связи с чем на *третьем этапе* все ограничилось заключением «полубовного соглашения»: ряд ханов подписали *терты* - условия, на которых они обязались служить российской короне, сохраняя свой статус-кво. Когда же в русско-иранской войне 1804-1813 годов наметился российский успех, настал *четвертый этап*: по инициативе российской стороны, не желавшей появления «второго фронта» в своем тылу, с Гарабагским и Шекинским ханствами были заключены трактаты как с субъектами международного права. По их условиям, оба ханства признавали над собой протекторат Российской империи и фактически прекратили политическое существование. Затем наступил *пятый этап*, когда в первой трети XIX века все североазербайджанские ханства были ликвидированы и превращены в провинции Российской империи.

ГЛАВА IV

ГАРАБАГСКОЕ ХАНСТВО В 1806-1822 ГОДЫ

4.1. Гарабагско-Российский Кюрекчайский трактат 1805 года и его значение для

Гарабагского ханства и Российской империи

Начало XIX века стало переломным периодом как в истории народов Южного Кавказа, так и тех великих держав и крупных региональных государств, которые стремились покорить этот богатейший край. В исследуемое время главными внешними фигурантами, так или иначе связанными с Гарабагским ханством, являлись три великие державы. Во-первых, Османская империя, раскинувшаяся на трех континентах, в состав которой входили Передняя Азия, Северная Африка и Балканский полуостров. Во-вторых, Иранское государство, которое еще со времен Ахеменидской империи владело территориями на Южном Кавказе. В-третьих, Российская держава - Евразийское государство, которое стремительно расширяло свои пределы на севере, западе, востоке и, особенно, на юге, планируя через Южный Кавказ дойти до «теплых морей», в том числе до Индийского океана.

Всех этих внешних фигурантов, соперничавших между собой, влекли на Южный Кавказ его несметные богатства, благодатные земли, ремесленно-торговые центры, караванные пути Север-Юг и Запад-Восток. Не случайно, Российская, Османская и Иранская монархии неоднократно скрещивали между собой оружие в борьбе за Кавказ, в том числе за Азербайджан: русско-османских войн было 12, русско-иранских - две.

Бурная динамика политических событий в Кавказском регионе в начале XIX века внесла ощутимые коррективы в военно-политическое развитие Гарабагского ханства. Отметим, что после убийства иранского Ага Мухаммед-шаха Гаджара в 1797 году в Гарабаге к власти вернулся Ибрагимхалил-хан. В начале XIX века его ханство переживало один из трудных периодов своей истории: царила хозяйственная разруха, повсюду были видны последствия разорительных нашествий иранских войск. Положение усугублялось феодальными усобицами, сепаратизмом Гарабагских меликов, сделавших ставку на Россию, которая предприняла в 1803 году поход в Азербайджан. Так, фактически началась Кавказская война, которая стала самой длительной в истории Российской империи - она продолжалась до 1872 года и впервые велась против автохтонов Кавказа.

Тогда же Ибрагимхалил-хан должен был, во-первых, хотя и формально, признать зависимость от иранского владыки Фатали-шаха (1797-1834); во-вторых, определить свою позицию в отношении Османской империи, стремившейся вновь захватить те азербайджанские земли, которыми она владела в 20-е годы XVIII века; в-третьих, определить свои отношения с Российской державой, особенно после восшествия на трон в 1801 году императора Александра I (1801-1825). Последний, в отличие от

своего предшественника, был полон решимости утвердить господство России на Кавказе, взяв на себя миссию создать «твердый союз ссверо-азербайджанских правителей, не признававших над собою верховную власть Фатали-шаха Персидского». Это отчетливо видно из его рескрипта от 12 сентября 1801 года главнокомандующему на Кавказе и первому военному губернатору Грузии генералу В.К.Кнор-рингу, где предписывалось: «содержа сношения с окрестными владельцами и пародами, стараться приумножить число приверженных к России, особенно же привлекать ханов Эриванского, Гянджинского, Шекинского, Ширванского (Шемахинского - Ф.А.), Бакинского и других, поелику над ними власть Баба-хана (иранского шаха. - Ф.А.) еще не утвердилась» [53, т.1, док.548, с.436].

Геостратегическое положение Гарабагского ханства стало важной причиной внимания к нему Российской, Османской и Иранской монархий. Так, иранский шах и его полководцы признавали, что неприступная крепость Шуша является воротами Южного Кавказа. Для России она открывала путь в Иран и далее на южном направлении. Этим объясняется стремление обеих монархий любыми средствами - военными, политическими и дипломатическими - утвердить в Гарабаге свое господство. При этом соперники принимали во внимание силу, потенциал и значимость Гарабагского ханства, которыми оно выделялось среди остальных азербайджанских ханств. Они полагали, что, подчинив своему влиянию Гарабагских ханов, получают возможность воздействовать на других, а также сумеют включить их в орбиту собственных интересов. Поэтому Россия, Иран и Османская империя активно вели геостратегическую игру на Кавказской шахматной доске, на которой самой значительной фигурой являлся Азербайджан, а в самой стране одним из ключевых выступало Гарабагское ханство.

Уже само географическое положение Гарабагского ханства было «ключевым». Оно граничило с Шекинским, Гянджинским, Иреванским, Нахчыванским, Гарадагским, Джавадским, Шамахинским ханствами. Поэтому, наладив связи с ним, можно было получить прямой выход на другие ханства, а также на Иранское географическое пространство и далее на юг. Вот почему три великие державы соперничали между собой в борьбе за Гарабагское ханство.

Иранское государство намеревалось, овладев Гарабагом, утвердить свое господство на Южном Кавказе и «выдавить» отсюда Россию [42, с. 182]. Победа Российской империи способствовала бы ее господству над северными ханствами Азербайджана, создавало угрозу для существования самого Иранского государства, укрепляло российские позиции против

Османской империи, которая стремилась вернуть свое влияние на Кавказе и отгеснить отсюда как Иран, так и Россию.

Достижение поставленных целей было под силу, в первую очередь, России. Во-первых, она обладала мощной армией, имевшей в своем арсенале современное вооружение. Во-вторых, она располагала прочными тылами на Северном Кавказе, в том числе казачьими войсками - «силами быстрого реагирования», которые постоянно находились в субрегионе - в области великого войска Донского, Терской и Кубанской областях, Астраханской губернии. В-третьих, в отличие от Османской империи, которой угрожали европейские государства, Россия временно обезопасила себя со стороны Запада. В-четвертых, Иран не имел достаточных сил для единоборства с Россией. Вот почему иранский шах и османский султан выступали в роли пассивных наблюдателей за военно-политической активностью России.

В такой благоприятной для Российской империи ситуации 12 сентября 1801 года был обнародован манифест Александра I, согласно которому Картли-Кахетинское царство было упразднено и Грузия была присоединена к России, а вместе с ней находившиеся в ее составе азербайджанские султанства - Газахское, Шамшадильское и Борчалинское. Таким образом, этот акт был началом завоевания Россией азербайджанских земель, данный процесс занял первую треть XIX века и завершился упразднением всех северных ханств Азербайджана, которые были превращены в российские административные единицы.

Опасаясь движения русской армии из Грузии в Азербайджан, иранский шах направил в 1802 году к Ибрагимхалил-хану Гарабагскому своего посланца Пиргулу-хана Гаджара с требованием о подчинении ему Гарабага, в противном случае, он заявил о начале похода иранской армии. Такое же требование было предъявлено Гусейнгулу-хану Бакинскому. Иными словами, не ожидая начала русской военной кампании, Иран решил принять превентивные меры, а в дальнейшем захватить северо-азербайджанские ханства. В свою очередь, Россия была полна решимости в короткие сроки покорить здешних владетелей. Уже в 1803 году генерал П.Д.Цицианов, несмотря на упорную борьбу и сопротивление, силой оружия подчинил вольное Джаро-Белокапское общество. В январе 1804 года его армия штурмом взяла Гянджу, где также было оказано упорное сопротивление; сражения шли за каждую улицу, каждый дом. В многочисленных стычках участвовал сам Джавад-хан Гянджинский и его старший сын, которые героически погибли с оружием в руках [172, с.60-61]. Гянджинское ханство было ликвидировано, город Гянджа переименован в Елизаветполь в честь императрицы Елизаветы Алексеевны, а территория

ханства стала Елизаветпольским уездом одноименной губернии Российской империи.

Вскоре начались переговоры России с Гарабагским ханством. Еще весной 1804 года Ибрагимхалил-хан обратился к генералу П.Д.Цицианову с просьбой о покровительстве и военной помощи, обещая за это содействие и верность. В своем ответе П.Д.Цицианов от имени императора выразил согласие на принятие Гарабагского ханства «под покровительство России», но поставил ряд условий: во-первых, принести присягу на верность; во-вторых впустить в Шушинскую крепость русский гарнизон; В-третьих, выдать старшего сына в качестве *аманата* (заложника); в-четвертых, ежегодно выплачивать 10 тыс червонцев, то есть 34 кг золота (Золотой червонец - 3.4 г высокопробного золота. См.: Зварич В.В. Нумизматический словарь. Львов, 1978, с. 187). Эти условия не устраивали Гарабагского хана, но идти на открытый разрыв с Россией он не решался, ибо опасался иранского вторжения.

Усиливающееся влияние Российской империи в Гарабагском ханстве вызвало беспокойство иранского Фатали-шаха, который решил активно противодействовать расширению и укреплению российских позиций на Южном Кавказе. С этой целью он отправил в Гарабаг во главе 5-тысячного войска находившегося при шахском дворе Абул Фатх-бека, сына Ибрагимхалил-хана, который должен был убедить отца выступить против России.

Гарабагский хан приготовился дать отпор, и ханское войско под командованием его сыновей Мамедагасан-аги и Мехтигулу-аги выступило и близ села Туг разгромило иранских завоевателей [47, с. 133]. П.Д.Цицианов поздравил Ибрагимхалил-хана с победой [95, т.1, с.336; 177, т.2, с.6.] Одновременно Россия, для моральной и военной поддержки ханов Южного Кавказа и преследуя собственные цели, направила сюда новые отряды своих войск. Эти действия вызвали открытое недовольство иранского шаха, который в ультимативной форме потребовал вывести их из Южного Кавказа. Петербург ответил резким отказом, в результате чего 10 июня 1804 года русско-иранские отношения были разорваны и началась первая русско-иранская война 1804-1813 годов. Вместе с тем Фатали-шах, понимая сложность ситуации, посчитал, что в обострившихся условиях дальнейшее осложнение отношений между Ираном и Гарабагским ханством, было, в первую очередь, на руку России. Поэтому он решил пойти на переговоры с Ибрагимхалил-ханом и отправил к его двору приближенных сановников - Керим-хана, Рагим-хана и Абдуллу-хана, которые везли послание иранского шаха с требованием, чтобы Гарабагский хан не подчинялся российскому

императору. Он писал: «Крепость Шуша всегда будет неприкосновенна, а Худаферинский мост - ворота в Иран, и их нельзя ни в коем случае передавать русским» [52, с. 168]. Не получив нужного ответа, Ксрим-хан передал Ибрагим-халил-хану новые предложения: «весь Карадагский вилайет со всеми его доходами, поступающими в казну, отныне передается в вечное пользование Ибрагимхалил-хану и его потомкам» [47, с. 130-131]. Шах обещал также отправить в Шушу своих двух сыновей в качестве заложников. В обмен он потребовал передать его военачальникам обе крепости Аскерапа, расположенные в грех *фарсах*х (21 км) от Шуши на дороге Тифлис-Гянджа с тем, чтобы разместить там иранские гарнизоны и закрыть путь, по которому могут пройти русские войска. Все расходы на содержание иранского войска в Гарабаге брал на себя Фатали-шах [151, с.232].

Эти сведения подтверждают, что Гарабагское ханство занимало ключевые позиции на Южном Кавказе, служа буфером между Россией и Ираном. От того, чью сторону примет Ибрагимхалил-хан, зависело многое. Вот почему Фатали-шах стремился разными посулами склонить хана на свою сторону, рассчитывая таким образом иметь успех.

К началу XIX века Российская империя обладала большим военным потенциалом, позволяющим ей соперничать с другими великими державами, а также продолжать территориальное расширение. Поэтому во внешней политике Петербурга все четче проступают геостратегические задачи, главные векторы которых были направлены как на Запад и Север, так и на Восток и Юг. Россия стремилась достичь своих «естественных границ», что предполагало на южном направлении овладение Кавказом, а значит «добровольное вхождение» или насильственное присоединение местных народов и политических образований. Это позволило бы решить, по мнению российских апологетов, «основные внешнеполитические задачи ~ защита границ Российской империи и расширение ее территории в соответствии с геополитическими, военно-стратегическими и экономическими интересами государства» [168, с. 182; 205, с.244].

Что касается Иранского и Османского государств, то здесь дело обстояло иначе. Фатали-шах наладил регулярные и постоянные дипломатические связи с ведущими государствами Европы; его владения, занимавшие выгодное стратегическое положение па путях, ведущих на Восток, стали объектом благосклонного внимания Великобритании и наполеоновской Франции. Это последнее обстоятельство способствовало модернизации иранской армии, в которой ввели европейскую военную систему и методы обучения. Тем не менее Фатали-шах не смог создать боеспособную армию и полностью оснастить ее современным оружием. Вот

почему ему понадобился союзник для военных операций против России, которая оставалась постоянной и серьезной военной угрозой для Иранской монархии. Что до Османской державы, то она в этот период продолжала находиться в глубоком кризисе. Для Стамбула, как и для Тегерана, особую опасность представляла экспансия Российской империи на южном направлении, поскольку в ареал ее завоевательной политики входили не только Южный Кавказ, но и прилегающие к нему территории и акватории. В целом, тогда великие державы Европы и Россия начали реализацию «восточного вопроса», то есть судьбу «османского наследства». По этим и другим причинам русско-османские отношения были негативными и вели к дипломатическому и военному противостоянию между Стамбулом и Петербургом [204, с.69-71].

Таким образом, можно констатировать, что присоединение в 1801 году Восточной Грузии Российской империей обострило взаимоотношения последней с Иранской и Османской державами. Поэтому в течение первой трети XIX века имели место две русско-иранские (1804-1813, 1826-1828) и две русско-османские (1806-1812, 1828-1829) войны, которые победоносно закончились для России. С тех пор, вплоть до декабря 1991 года, Южный Кавказ находился в составе Российской, а затем Советской империй. В столь сложной геополитической обстановке Ибрагимхалил-хану следовало сделать правильный выбор. Взвесив все «за» и «против», он решил обратиться к России и приказал арестовать посланников Фатали-шаха Керим-хана, Рагим-хаи, Абдуллу-хана. Тем самым Гарабагский хан завоевал расположение П.Д.Цицианова [52, с. 168]. Останься он союзником Ирана, Ибрагимхалил-хан рисковал превратиться в реального вассала шаха и разделить участь южных ханств Азербайджана. Сближение с Османской империей, находившейся в глубоком кризисе, также не сулило радужных для Гарабага перспектив.

Единственным выходом оставалось сближение с Россией, которая позитивно отнеслась к судьбоносному шагу Ибрагимхалил-хана Гарабагского, но действовала в сугубо собственных имперских интересах. Поэтому в Гарабаг со специальным поручением от П.Д.Цицианова прибыл майор Д.Т.Лисаневич, доставивший проект трактата о переходе Гарабагского ханства в российское подданство. Ибрагимхалил-хан собрал диван, который после Шестидневного обсуждения решил дать России отрицательный ответ. Однако хан выразил Лисаневичу свое личное согласие с проектом трактата [73, с.406], ибо мнение дивана имело рекомендательный характер, последнее слово всегда было за главой ханства.

Узнав о единоличном положительном решении Гарабагского хана, предводитель иранского войска, отправленного шахом на Южный Кавказ, Пиргулу-хан в письме к Ибрагимхалил-хану сообщал: «из-за ваших подобных действий будут сожалеть все последующие династии, вся ваша территория будет захвачена, и пока этого не произошло, примите все меры, чтобы не допустить подобного, ибо потом будет поздно». Однако Ибрагимхалил-хан оставил предупреждение без внимания, ибо военно-политические обстоятельства оказались сильнее его. В результате, 14 мая 1805 года на берегу реки Кюрекчай, недалеко от Гянджи, состоялась церемония подписания договора, получившего известность как Кюрекчайский трактат и подтвердившего переход Гарабагского ханства в подданство России. Придавая исключительную важность этому правовому документу, заключенному между двумя независимыми государствами, то есть субъектами международных отношений и международного права, а также его значение для дальнейшей истории Азербайджана, а не только суверенного Гарабагского ханства, мы посчитали необходимым привести его полный текст [53, т. II, док. 1436, с. 705]:

«Во имя Всемогущего Бога!

Мы, то есть Ибрагим-хан Шушинский и Карабагский и Всероссийских войск генерал - от - инфантерии, Кавказской инспекции по инфантерии инспектор и прочая князь Павел Цицианов по полной мочи и власти, данной мне от Е.И.В. (его императорского величества) всемилостивейшего моего великого Г.И. (государя императора) Александра Павловича, приступив с помощью Божией к делу о вступлении Ибрагим-хана [Путинского и Карабагского со всем его семейством, потомством и владениями в вечное подданство Всероссийской Империи и ныне счастливо царствующего великого Г.И. Александра Павловича и Его высоким преемникам, заключили, постановили и подписали на следующих артикулах:

Артикул первый

Я, Ибрагим-хан Шушинский и Карабагский, именем моим, наследников и преемников моих, торжественно навсегда отрицаюсь от всякого вассальства или, под каким бы то титулом не было, от всякой зависимости от Персии или иной державы и сим объявляю перед лицом всего света, что я не признаю над собою и преемниками моими иного самодержавия, кроме верховной власти Е.И.В. Всероссийского великого Г.И.

и Его высоких наследников и преемников престола Всероссийского Императорского, обещая тому престолу верности, яко верноподданный раб оного, - в чем и должен дать присягу по обычаю на святом Коране.

Артикул второй

Е.И.В., приемля со стороны его высокостепенства столь чистосердечное обещание, равномерно обещает и обнадеживает Императорским своим словом за себя и преемников своих, что милость и благопопечение их от высокостепенного Ибрагим-хана Шушинского и Карабагского и преемников его, яко от верноподданных своих, никогда не будут отъемлемы, в доказательство чего Е.В. (его величество) дает Императорское свое ручательство на сохранение целости настоящих владений его высокостепенства и преемников его.

Артикул третий

Во мзду того чистосердечия, с каковым его высокостепенство Ибрагим-хан Шушинский и Карабагский признает верховную и единственную власть Всероссийских Императоров над собою и преемниками его, постановлено, что помянутый хан, а после его старший сын и так далее, потомственно, по старшинству колена, вступая на ханство, получать имеют через главноуправляющего Грузию Императорское на ханство подтверждение с инвеститурою, состоящею в грамоте, государственною печатью утвержденной, по получении которой новый хан долженствует торжественно учинить присягу на верность подданства Российской Империи и на признание верховной и единственной власти Всероссийских Императоров над собою и его преемниками. Форма же присяги прилагается при сем трактате, дабы и ныне владеющий Ибрагим-хан Шушинский и Карабагский исполнил сей обряд в присутствии главноуправляющего Грузию и сие постановление совершающего, генерала - от - инфантерии князя Цинианова.

Артикул четвертый

Я, Ибрагим-хан Шушинский и Карабагский, в доказательство, что мои намерения в рассуждении моего и преемников моих верноподданства

Всероссийской Империи и признания верховной и единственной власти всепресветлейших тоя Империи обладателей суть непрочны, обещаю без предварительного согласия главноуправляющего Грузиею не иметь сношения с окрестными владетелями, а когда от них приедут посланцы или присланы будут письма, то большую важность в себе заключающие отсылать к главноуправляющему и требовать от него разрешения, а меньшей важности сообщать и советовать с особою, имеющей пребывать от лица главноуправляющего Грузиею при мне.

Артикул пятый

Е.И.В., приемля с благоволением признание верховной и единственной Его власти над владениями Ибрагим-хана Шушииского и Карабагского, обещает именем своим и преемников своих: 1) Народы тех владений почитать яко своих верноподданных, не различая немало с населяющими обширную Российскую Империю. 2) Высокостепенного Ибрагим-хана и его дома наследников и потомков сохранять безпеременно на ханстве Шушинском. 3) Власть со внутренним управлением сопряженную, суд и расправу, так равно как и доходы с владением его предоставить его высокостепенству в полную его волю. 4) На охранение особы его высокостепенства и его дома, так как и всех его владений, поставить в Шушинскую крепость Всероссийского войска с пушками 500 человек с их штабом и обер-офицерами, а на случай большей обороны главноуправляющий Грузиею обязан будет, смотря по обстоятельствам и по нужде, усиливать отряд тот и военною рукою оборонять владение его высокостепенства, яко Всероссийской Империи принадлежащее.

Артикул шестой

Я, Ибрагим-хан Шушинский и Карабагский, в знак верноподданического моего усердия обязуюсь: 1) Как на первый случай, так и в последствие времени заготовлять на вышесказанные войска потребное число пшеницы и просяных круп, по умеренной цене, утвержденной главноуправляющим, ибо подвоз оного из Елисаветполя затруднителен или совсем невозможным признан быть должен. 2) Вышесказанным войскам назначить в Шушинской крепости под постой дома, по выбору начальника оных, и снабжать их потребным числом дров. 3) Въезд в Шушинскую крепость от стороны Елисаветполя сделать удобным и дорогу устроить к проезду арбами способною. 4) Буде благоугодно будет правительству устроить дорогу, веду-

щую от Шушинской крепости к Джеваду, то нужных для того работников поставить мне за цену, назначенную от правительства.

Артикул седьмой

Е.И.В. в знак вящего благоволения и милости своей к его высокостепенству Ибрагим-хану Шушинскому и Карабагскому всемилостивейше дарует ему, преемникам его знамя с гербом Всероссийской Империи, которое долженствует оставаться при нем и по нем при владеющем хане знаком ханства и власти, Высочайше дарованной над оным владением, с коим на войну, если-б потребовалось, никто кроме самого хана выехать не может.

Артикул восьмой

Я, Ибрагим-хан Шушинский и Карабагский, имея Высочайшее Е.И.В. соизволение пользоваться обыкновенными моими доходами, обязуюсь вносить в дань в казну Е.И.В., в Тифлисе находящуюся, по 8.000 червонных в год, уплачивая оные в 2 срока, т.е. 1-го февраля одну половину, а другую 1-го сентября, начав взносом первой половины, т.е. 4.000 червонных, при утверждении сего трактата Е.И.В., а сверх того, по обычаю Азиатскому, долженствуй) я, сверх присяги на верность, в залог оной дать сына второго Шукур-Уллаха, моего сына Мамед-Хасан-аги, на всегдашнее пребывание в Тифлис

Артикул девятый

Е.И.В. из особого своего милосердия всемилостивейше дарует на содержание имеющему пребывать к Тифлисе, в залог верности, его высокостепенства внуку по 10 руб. сер. Российской монеты па день.

Артикул десятый

Сей договор делается на вечные времена и не долженствует подвергаться никаким переменам отныне навсегда.

Артикул одиннадцатый

Утверждение Е.И.В. на настоящий трактат Высочайшего Его грамотою, утвержденною государственною печатью, долженствует быть доставлено в 6 месяцев от подписания сего или и скорее, буде возможно.

В достоверие чего нижеподписавшиеся подписали сии артикулы и приложили к ним свои печати, в лагере Елисаветпольской округи, при р.Курак, в лето от Р.Х. 1805-е (по Магометанскому же исчислению 1220), мая месяца (сафар) 14-го дня».

Таким образом, в отличие от «шерта», Кюрекчайский трактат содержит обязательства обеих высоких договаривающихся сторон, которые являются равноправными субъектами международного права и международных отношений, и обе стороны ставят собственные подписи и прикладывают свои печати. Более того, трактат считается состоявшимся лишь после утверждения его подлинника императорской грамотой и приложения государственной печати.

Наряду с обязательствами Ибрагимхалил-хана, в свою очередь, российская сторона гарантирует сохранение статус-кво династии Гарабагских ханов и целостность их владений. Вместе с тем Ибрагимхалил-хану было присвоено звание генерал-лейтенанта российской военной службы, его сыновьям - Мухаммедгасан-аге и Мехтигулу-аге - звания генерал-майоров.

Не без влияния Ибрагимхалил-хана, 21 мая 1805 года, то есть через неделю, аналогичный трактат с Российской империей подписал его зять Селим-хан Шекинский [117, т.IV, с.22]. Таким образом, Россия мирным путем утвердила свою власть в двух значительных ханствах Азербайджана. Поэтому в рапорте Александру I П.Д. Цицианов имел полное основание сообщив, что: «Владение, обратившееся в одну из российских провинций, приобретено ни мечом, ни военной рукою» 153, г.II, док.1436, с.703].

В связи с Кюрекчайским трактатом отметим, что подписавший его от имени России генерал П.Д.Цицианов был весьма удовлетворен свершившимся актом, т.к. в начале русско-иранской войны 1804-1813 годов, когда его армия еще не вполне была готова к боевым действиям, он обрел надежный тыл в лице Гарабагского хана, к тому же уже нанесшего поражение шахскому отряду около Дизака [117, т.IV, с.21-22].

Видный азербайджанский историк Х.М.Ибрагим-бей-ли приводит высказывание современника, которое объясняет истинные причины сближения Ибрагимхалил-хана с Россией: «о своем желании быть независимым от Персии он уже раньше заявлял тем, что дважды встречал власть Ага Магомед... оружием и охотнее спасался бегством к горным народам Дагестана, чем признавал власть КаД-жарского хана» [172, с.67].

Как видно, как шерты, так и Кюрекчайский трактат имели большое значение для северных ханств Азербайджана и в особенности для Гарабагского.

Во-первых, трактат регулировал взаимоотношения Гарабагского ханства с Российской империей. Во-вторых, шерты демонстрируют истинный характер и цели Петербурга в отношении Южного Кавказа, в том числе Азербайджана. В-третьих, дальнейшее продвижение на южном векторе требовало от России иметь если не союзников в борьбе с Тегераном и Стамбулом, то, по меньшей мере, спокойный тыл. Вместе с тем, с историко-правовых позиций, «шерт» - это признание режима капитуляции со стороны местного владельца. Кюрекчайский же трактат подпадает под правовое основание, как договор между двумя независимыми государствами. Даже формально он свидетельствует о соглашении между двумя субъектами международного права. Во-первых, в нем изложены обязательства обеих сторон. Во-вторых, документ подписан обеими сторонами. В-третьих, он утвержден российским императором. В-четвертых, хан и его сыновья зачислены на российскую военную службу. В-пятых, ханство сохраняло структуру управления и свободу действий во внутренней политике.

Однако, Гарабагско-Российский Кюрекчайский трактат 1805 года, как и Российско-Грузинский Георгиевский трактат 1783 года, открыл России путь невоенного проникновения на Южный Кавказ, то есть, легитимизировал захват Грузии и Азербайджана мирным путем. Тем самым был создан прецедент, который российская сторона использовала в дальнейшем во взаимоотношениях с рядом других северных ханств Азербайджана.

Одновременно стоит обратить внимание на важный нюанс. Заключение Георгиевского трактата было инициировано грузинской стороной, и Россия получила Восточную Грузию. Кюрекчайский трактат был предложен российской стороной, которая получила «без боя» лишь Два из одиннадцати северо-азербайджанских ханств. Однако, во всех случаях местные политические структуры сохранили только формальное независимое существование.

Тем не менее, историческое значение Кюрекчайского трактата велико, хотя далеко не однозначно. Во-первых, он положил начало «мирной» ликвидации независимых северных ханств Азербайджана. Во-вторых, помог России «малыми жертвами» подчинить себе их территории и правителей. В-третьих, в немалой мере способствовал успехам России в ее войнах первой трети XIX века с Иранским и Османским государствами.

Если бы не относительно «мирное завоевание» Грузии и Азербайджана, то есть Южного Кавказа, России пришлось бы труднее, ибо в

тот период одновременно велись: две русско-иранские войны 1804-1813 и 1826-1828 годов; две русско-османские войны 1806-1812 и 1828-1829 годов; Отечественная война 1812 года с Наполеоном; самая продолжительная в истории России Кавказская война 1803-1872 годов с автохтонами Северного Кавказа; плюс - смена императоров и восстание декабристов 1825 года в Петербурге.

Для подписания трактата Ибрагимхалил-хан Гарабаг-ский и Селим-хан Шекинский прибыли каждый со свитой и охраной до 600 чел. Поэтому, как писал П.Д.Цицианов:

- ежедневно каждый из них получал от него по 100 червонцев, то есть по 300 рос. руб. сер.;
- каждый хан и его приближенные, а также дети и внуки Ибрагимхалил-хана получили подношения; в качестве подарков преподнесены дорогие часы, собольи меха, золотая парча;
- все расходы составили 2.380 червонцев и 662 руб., то есть 7.802 рос. руб. сер., подарков роздано на 7.046 рос. руб. сер. Итого: 14.848 рос. руб. сер.

О важности присоединения Гарабагского и Шекинского ханств «мирным путем» свидетельствуют не только щедрые содержание и подарки, но также благодарственные молебны в Сионском соборе Тифлиса, в городах, уездах, селах, подвластных главноначальствующему Грузии [53, т.II, док.1438, с.707].

После подписания Кюрекчайского трактата во «всепопданнейшем рапорте» Александру I от 22 мая 1805 года П.Д.Цицианов сообщал:

- в Петербург отправлены ключи от Шушинской крепости и трактат;
- поздравление императору «с новым расширением Российской империи... сие владение, обратившееся в одну из российских провинций, приобретено ни мечом и ни военной рукой, но согласно... доброй воле владетельного Ибрагимхалил-хана Карабахского, старца 85-летнего»;
- указаны границы ханства: на севере - по Куре с Шекинским и, частично, Шамахинским ханствами; на востоке - с Шамахинским ханством; с юга - по Аразу, частично с Гарадагским и частично с Нахчыванским ханствами; с запада - частично с Елизаветпольской провинцией и частично с Иреванской провинцией до озера Гейча.

Далее П.Д.Цицианов описывал пользу от Кюрекчайского трактата для империи:

- «Карабаг по своему местоположению может быть почитаем воротами в Азербайджан, следовательно в Персию, а потому и будет держать их в страхе», то есть российский генерал подчеркнул важное военно-стратегическое значение Гарабага, открывающего Российской империи путь для дальнейшего продвижения в южном направлении; через Гарабаг Восточная Грузия «сближается с Баку, предположенным к занятию сей осенью», то есть Гарабаг открывал империи путь также в восточном направлении - на Каспийское побережье;

- на этом направлении возможно захватить Джавад - место, где сливаются Араз с Курой и которое находится у Ширванского (Шамахинского - Ф.А.) хана, но всегда принадлежало Гарабагу. Это дает возможность завозить из Астрахани сюда товары, в обмен на которые можно получать шелк из Гарабага и Шамахи, из Елизаветполя - квасцы, товары, весьма дорогие (во много крат) в России.

Таким образом, «мирный» захват Гарабагского ханства:

- открыл для Российской империи военно-стратегический путь через Гарабаг в южном и восточном направлениях;

- дал возможность получать из Азербайджана товары, которых в самой России не имелось - шелк и квасцы;

- позволил создать плацдарм для захвата других северных ханств Азербайджана, что и произошло в первой трети XIX века, когда все они были ликвидированы и превращены в российские провинции.

Вместе с тем П.Д.Цицианов, правильно оценив для России приобретение Гарабагского ханства и давая понять остальным ханствам «все выгоды от перехода в подданство империи», в том же рапорте Александру I писал о необходимости «осчастливить хана и дом его всемилостивейшими награждениями»:

- Ибрагимхалил-хана чином генерал-лейтенанта с жалованием по чину и украшенной камнями саблей;

- старшего сына и наследника Мамедгасан-агу - чином генерал-майора с жалованием по чипу и богато осыпанной алмазами медалью с надписью «за верность»;

- среднего сына Мехтигулу-агу - чином генерал-майора с жалованием по чину;

- младшего сына Ханлар-агу - чином полковника с жалованием по чину. В ответ П.Д.Цицианов получил высочайший рескрипт Александра I от 6 июля 1805 года, в котором говорится [53, т. II, док. 1453, с. 711-712; док. 1456, с. 712]:

- для Гарабагского и Шекинского ханов, для детей Ибрагимхалил-хана подготовлены утвердительные грамоты и испрошенные для них воинские чины, сабли, медаль, штандарты с гербом империи;
- их присоединение обеспечит безопасность Грузии и Дагестана;
- будет свободный проход купеческих караванов из Грузии в Азербайджан;

На имя обоих ханов были выданы идентичного содержания императорские указы, в которых говорится [53, т. II, с. 713]:

**«Высочайший указ, данный на имя
Ибрагим-хана Карабагского,
от 8 июля 1805 года. - Санкт-Петербург**

Божею милостью Мы, Александр первый и Император и самодержец Всероссийский, и прочие, и прочие, и прочие.

Усердие и верность Ваша Всероссийскому Императорскому престолу обратили на себя Наше всемилостивейшее внимание; во уважение чего и в знак особенного к вам Нашего высококомаршею благоволения признали мы за благо пожаловать Вас в чин Российского генерал-лейтенанта, с полным по сему чину жалованием, указав производить Вам оное ежегодно серебряною монетою из государственных доходов. Пребывая в твердой надежде что изъявляемое к Вам Наше благоволение послужит вящ-щим поощрением к ревностному и усердному выполнению Ваших верноподданнических обязанностей и что тем паче усугубится достохвальная преданность Ваша и дома Вашего к высокому Нашему Императорскому престолу, Впрочем пребываем к Вам благосклонны. Подписано: «Александр».

После подписания трактата Ибрагимхалил-хану вручили письмо П.Д.Цицианова, в котором говорится, что хану, вступившему на основании трактата в российское подданство, гарантируется безопасность от иранского шаха, сохранение ханства и передача власти в нем по наследству.

Однако, Кюрекчайский трактат 1805 года стал началом установления российской формы правления в Гара-багском ханстве. Эта еще недавно независимая, политическая структура фактически превратилась в российский протекторат. Здесь был установлен режим военно-комендатского управления

и пошел процесс трансформации ханства в ординарную российскую провинцию:

- в Шуше появился российский военный контингент;
- ханство подчинялось военному управляющему мусульманскими провинциями на Южном Кавказе.

4.2. Убийство Ибрагимхалил-хана

Переход Гарабагского и Шекинского ханств под фактическую власть России, приближение русских войск к Аразу вновь вызвали волну беспокойства в Иранском государстве. С другой стороны, несмотря на Кюрекчайский трактат, Россия имела все основания не доверять Ибрагимхалил-хану, поскольку его сын и дочь находились как заложники при дворе иранского Фатали-шаха, и последний мог в любую минуту воспользоваться этим обстоятельством. Вместе с тем, убедившись, что Великобритания и Франция не намерены оказать ему реальную помощь в войне с Россией, Фатали-шах решил действовать самостоятельно.

Во главе большого войска в Гарабаг был направлен главнокомандующий иранской армии наследный принц Аббас Мирза. Фатали-шах считал, что, коль скоро Кюрекчайский договор подписан волевым решением одного лица - Ибрагимхалил-хана, то сановники и население ханства настроены против занятия русскими войсками Гарабага. Однако, он выдавал желаемое за действительное, ибо, во-первых, сам шах, подписывая договоры, вряд ли «консультировался» со своими подданными; во-вторых, вообще в международных отношениях, как и в международном праве, нет даже намека на то, что высокие договаривающиеся стороны и подписанты должны спрашивать мнение у «своего народа». Поэтому, по наивности, либо по иной причине Фатали-шах полагал, что приход иранских войск неминуемо приведет к народному восстанию в Гарабагском ханстве против русских властей и облегчит их изгнание.

По условиям Кюрекчайского договора, в Шуше располагался русский гарнизон во главе с майором Д.Т.Лисаневичем. Поэтому границу на Аразе совместно охраняли русские и гарабагские войска [96, с.39]. Однако, их оказалось недостаточно для отражения неприятеля: когда в середине июля 1806 года иранские войска перешли реку по Худаферинскому мосту и завязали сражение, русские войска потерпели поражение и отступили к Шушинской крепости [48, с.268].

В такой ситуации часть жителей Шуши была полна решимости избавиться от русских войск и принять сторону шаха, в лице которого видела «освободителя». Однако, возвращение русского войска в город осложнило обстановку. Тем не менее, когда Д.Т.Лисаневич донес П.Д.Цицианову о ситуации, тот отправил Ибрагимхалил-хану письмо, в котором обвинил его в пособничестве Ирану, то есть в нарушении Кюрекчайского трактата [53, т.П, док.1447, с.709-710].

Формально, военные силы - русский гарнизон Шуши и местные - подчинялись Гарабагскому хану. Однако в реалиях сложившейся ситуации русский гарнизон Шушинской крепости исполнял приказы П.Д.Цицианова. А Д.Т.Лисаневич являлся подлинным хозяином положения, ибо, во-первых, в его распоряжении находилась боеспособная и хорошо вооруженная воинская часть; во-вторых, Ибрагимхалил-хан и его семья, как и сама столица Шуша, находились в полной зависимости от русских войск. В-третьих, в случае открытого неповиновения, хан, его семья и сторонники могли стать жертвами, что впоследствии и произошло, так как Кюрекчайский договор являлся фактически лишь очередной ступенью на пути ликвидации Гарабагского ханства, а русско-иранская война 1804-1813 годов ускорила трагическую развязку.

Тем временем иранские войска развивали успех и взяли крепость Аскеран, после чего осадили Шушу. Они сумели разгромить русский отряд, который шел на помощь Д.Т.Лисаневичу. Несмотря на это, с помощью местного проводника, другому русскому отряду удалось зайти в тыл нападавших и взять Шахбулаг, где они дислоцировались. Одновременно в сторону Шуши двинулся во главе подкрепления сам П.Д.Цицианов. В свою очередь, Аббас Мирза неожиданно вторгся в Елизаветпольскую провинцию и осадил крепость Елизаветполь [103, т.І, с.201-217].

Следует отметить, что в 1806 году недовольство русскими охватило многие северные территории Азербайджана. Такая реакция была следствием временного успеха иранских войск, но более важным мотивом стала ликвидация русскими Гянджинского ханства, подавление Джаро-Белоканского вольного общества и фактическое подчинение Гарабагского и Шекииского ханств. Было ясно, что та же участь ожидает остальные северные ханства, а также владетелей Дагестана. Не случайно П.Д.Цицианов сообщал императору Александру I: «Шейхали-хан, Шамхал Тарковский, Хан Аварский, Мустафа-хан Ширванский (Шемахинский Ф.А.) направили своих людей к Баба-хану (Фатали-шаху. - Ф.А.) и выразили готовность к совместной борьбе против русских» [83, с. 14].

В сложившихся условиях Ибрагимхалил-хан также решил пойти на переговоры с иранским шахом. Как государственный деятель и политик, он верно оценил ситуацию, полагая, что его владения переходят в чужие руки, он утратил фактическую власть, и теперь необходимо думать о сохранении ханства, собственной семьи. Поэтому Ибрагимхалил-хан выехал вместе со своим семейством из Шушинской крепости и направился в Ханкенди, где проживала прислуга гарабагских ханов. Это событие имело далеко идущие пагубные последствия. Албанские христианские мелики поспешили оклеветать своего сюзерена перед Д.Т.Лисаневичем, который не доверял Ибрагимхалил-хану и давно желал свести с ним счеты. 12 июня 1806 года он во главе отряда в 200 солдат, ворвавшись в ханский лагерь, убил хана и вырезал всю его семью. Рзагулу-бек Джаваншир сообщает, что в ночь нападения на Ибрагимхал ил-хана были убиты: сам Гарабагский хан, его жена Туба-ханум, дочери Салтанет-ханум и Туту-бегим, 12-летний сын хана Аббасгулу-ага Кебрилинский и другие родственники [43, с.337; 51, с.235].

Таким образом, были перечеркнуты разом все условия Кюрекчайского договора. Эта жестокая экзекуция стала не просто нарушением и попранием норм международного права и международных отношений, но и продемонстрировала истинные цели геополитики Российской империи в Азербайджане. Подтверждение этому находится в Гюлистанском (1813 год) и Туркменчайском (1828 год) мирных договорах, согласно которым страна полностью утратила независимость, а *все* северные ханства были ликвидированы и превращены в российские провинции.

Вместе с тем отметим, что многие представители русских властей рассматривали убийство Ибрагимхалил-хана и его семьи как бесцельную жестокую и ничем не оправданную акцию, которая получила определенный резонанс в российском обществе. Так, командующий войсками в Грузии и Дагестане генерал граф И.В.Гудович осудил действия уже ставшего подполковником Д.Т.Лисаневича и майора Н.Джораева, «без побудительных причин учинивших нападение на Ибрагим-хана Шушинского, каковой поступок нимало не соответствует ни долгу, ни званию чиновников»; поэтому И.В.Гудович предписал произвести следствие и доложить ему [53, т.Ш, док.604, с.331].

В другом документе И.В.Гудович, подробнее излагая расправу, учиненную над главой Гарабагского ханства, говорит, что [53, т.Ш, док.605, с.331-332] «подполковник Лисаневич и бывший с ним майор Джораев без побудительных причин, с отрядом егерей учинили нападение на Ибрагим-хана Шушинского, который, не имея при себе войска, кроме прислужников, одну жену с тремя малолетними детьми, находился на горе без всякого

укрепления, и сам вышел из палатки навстречу отряду, не сделав ни единого выстрела; но егеря начали стрелять и колоть штыками, где Ибрагим-хан был убит».

Хотя генерал И.В.Гудович считал, что Ибрагим-хан «изменил в новом подданстве», он предписал провести формальное расследование в отношении непосредственных организаторов убийства - Д.Т.Лисаневича и ц. Джораева, «дабы показать родственникам Ибрагим-хана и прочим покорившимся народам, что сила законов и правосудие его императорского величества нигде не дают места преступлениям и доставляют всегда справедливую защиту» [53, т.Ш, док.605, с.332]. Правда, в том же письме И.В.Гудович предписал «секретное разведывание всех обстоятельств сего важного происшествия, Ибрагим-хан Шушинский убит понапрасну подполковником Лисаневичем», которого решено «отдать под следствие». Однако, единственным результатом стал рапорт самого Д.Т.Лисаневича, в котором он оправдывал свои действия и возводил клевету на убитого им хана [53, т.Ш, док.6 К], с.334-335]:

- он и Джораев не оскорбляли хана; тем не менее он с женой и детьми покинул Шушинскую крепость;
- хан мало выполнял условия Кюрекчайского трактата, ругал русских;
- и уехал для свободы тайного сношения с иранским правителем Фатали-шахом, которому писал, что истребит русских, для чего необходимо ему иранское войско;
- об этом мы узнали от армянского мелика Джамшида и других верных Карабагцев;
- «не имевши уже никакой надежды привести хана в раскаяние, я решил в ночное время его атаковать и, ежели можно, захватить живого и, назначив для сего 100 егерей при пристойном числе офицеров, пошел сам с ними... и приказал, дабы отнюдь не стреляли прежде неприятеля... они же, сделавши крик, пустили по нас сильную стрельбу... За дерзость сию я приказал егерям выстрелить и броситься на них... и в миг изменники были сбиты, и хан с несколькими человеками остался убит пулей на месте»;
- а если бы хан не погиб, то на утро иранцы и Карабагские изменники осадили бы Шушинскую крепость.

Понимая неправомерность действий российского офицера, официальные власти решили «успокоить общественное мнение» империи. Чтобы «исправить ошибку» Д.Т.Лисаневича, его «наказали», переведя на службу в другое ханство. Главнокомандующий Кавказской линии генерал-от-

инфантерии граф И.В.Гудович пригласил уцелевшего от расправы сына Ибрагимхалил-хана, наследника трона Мехтигулу-хана, в Тифлис, дал в его честь бал, присвоил чин генерала-майора и вручил «высочайшую грамоту» на Гарабагское ханство, обещал «золотую саблю и знамя», положенные ему по Кюрекчайскому трактату [96, с.35]. Несмотря на это, убийство Ибрагимхалил-хана и его семьи привело к антирусским выступлениям в северных ханствах Азербайджана, в том числе в Гарабагском. Попытки Мехтигулу-хана успокоить волнения ни к чему не привели, ибо, как писал русский кавказовед В.А.Потто, «убийство хана стало для Карабагских беков поводом к восстанию» [96, с.36]. Поэтому сам Мехтигулу-хан со своим племенем присоединился к иранскому Абульфат-хану, а вместе с ним - Фейзи-бек и Мирза Али-бек, приходившиеся родственниками Ибрагимхалил-хану. Одновременно Аббас Мирза, который находился в местности Агоглан, пытался изгнать русский гарнизон из Шушинской крепости. Однако вскоре события круто изменились. Русские отряды совместно с войском внука Ибрагимхалил-хана и мелика Джамшида изгнали иранские войска.

Вероломное убийство Ибрагимхалил-хана стало причиной восстания в Шекинском ханстве, где правил его зять Селим-хан, жена которого Тутубегим, дочь Гарабагского хана, также была убита. Оно было жестоко подавлено русскими войсками.

В заключение зададимся вопросом, имелись ли у русских властей на Южном Кавказе весомые причины для ликвидации правящего Гарабагского хана и его семьи?

Ибрагимхалил-хан, как человек держащий данное слово, следовал условиям Кюрекчайского трактата, не поддаваясь ни на какие посулы и угрозы иранского шаха, о чем свидетельствует и переписка между ханом и П.Д.Цициановым [53, т.11, док. 1459, 1461, 1463-1469, с.714-718].

Как в связи с этой перепиской, так и действиями Ибрагимхалил-хана по оказанию всемерной помощи русским властям, тем более непонятно убийство майором Д.Т.Лисаневичем этого хана и его семьи. Единственное предположение заключается в том, что П.Д.Цицианов лишь на словах благоволил к хану и, возможно, тайным своим распоряжением решил судьбу Ибрагимхалил-хана. Причины для этого имелись:

- Гарабагский хан не сразу согласился на подписание трактата и признание российского подданства;
- он был представителем другой религии, другого народа;
- только что удалось одолеть военное сопротивление Джавад-хана Гянджинского;

- имелись опасения, что Гарабагский хан может перейти на сторону иранского правителя Фатали-шаха, чья армия вторглась в Гарабаг;
- к тому же П.Д.Цицианов считал, что окружение хана - «частью изменники, преданные Персии, нежели Ибрагимхалил-хану», тем самым предполагалось, что они могут склонить хана на иранскую сторону;
- тем более, что шах неоднократно обращался к Ибрагимхалил-хану с требованием выступить против русских войск и перейти на его сторону;
- подозрения в том, что хан получает послания от Фатали-шаха и не извещает об их содержании русские власти;
- в ряде писем Ибрагимхалил-хану П.Д.Цицианов выражает свое недовольство его некоторыми действиями, например, задержкой военной помощи русским отрядам в Гарабаге и уплаты за провиант этим отрядам;
- в письме сыну хана - Ханлар-аге [53, т. II, док. 1479, с. 722] П.Д.Цицианов отместил, что Бикя-ага - мать этого бека, жена Ибрагимхалил-хана и дочь Аварского хана, настроена против России;
- П.Д.Цицианов выражал также недовольство тем, что в Шуше находится Аббасгулу-хан Нахчыванский, являющийся сторонником иранского правителя Фатали-шаха;
- умер от туберкулеза наследник престола Мамедгасан-али, сын Ибрагимхалил-хана, на которого Россия делала ставку, как на единственно верного ей члена Гарабагской правящей династии.

О том, что ситуация в Гарабагском ханстве и вокруг него становилась после смерти наследника все более напряженной, свидетельствует рапорт П.Д.Цицианова императору [53, т. II, док. 1485, с. 726-727], который «высочайше утвердил наследником» Мамедгасан-агу:

- «с потерей его я лишился лучшей опоры для Карабага, какой всегда от него ожидал, ибо из всей ханской фамилии никого не знал я вернее его и усерднее к России»;
- следующим претендентом на трон является Джафаргулу-бек - старший сын умершего Мамедгасан-аги, и чтобы ему не помешали стать ханом его дяди, я предписал майору Лисаневичу «надзирать за их поведением», а наследника поддержать «при сильном содействии России».

А в письме от 20 июля 1805 года П.Д.Цицианов обвинял Ибрагимхалил-хана в неверности и неблагодарности «при первом шаге Вашего подданства». Более того, в послании главе МИДа России А.Чарторыйскому от 23 июля 1805 года он писал о своих сомнениях относительно верности Ибрагимхалил-хана, о том, что хан окружен

проирански настроенными изменниками, которые настраивают гарабагцев против русских [53, т. II, док. 1462, с. 715-716]. Когда о недовольстве кавказских русских властей Ибрагимхалил-ханом и его окружением доложили в Петербург, глава МИДа А. Чарторыйский обратился к хану с письмом, содержание которого свидетельствует о сгустившихся над ним тучах [53, т. II, док. 1473, с. 719-720]:

- «вас приняли в российское подданство с тем, что бы защитить от иранской опасности и от недоброжелательного окружения вашего»;
- русская армия ликвидировала угрожавшую ханству опасность;
- вы же отказываете в помощи П. Д. Цицианову, не снабжаете русские отряды провиантом;
- поэтому император недоволен вами;
- вам следует стать на единственно верный «путь чистосердечия, верности и усердия к высочайшему престолу»;
- впредь избегайте контактов с приверженцами не приятельской стороны, которые имеются в вашем окружении, и передавайте таковых российской стороне.

• В таком же духе сам П. Д. Цицианов направил письмо Ибрагимхалил-хану 8 сентября 1805 года, что свидетельствует о все более усложнявшейся ситуации вокруг престарелого хана [53, т. II, док. 1474, с. 720; док. 1476, с. 721-722]:

- не могу не верить майору Д. Т. Лисаневичу, находящемуся в Шушинской крепости вместе с русским гарнизоном: «майор - присяжный человек и государю служит делом, а Вы и сын (так в тексте; должно быть *зять*. - Ф. А.) Ваш Селим-хан - только языком»;
- коль скоро буду испытывать недовольство вами, не пришлю вам высочайший указ, в котором дарованы генеральский чин, знамя и сабля;
- иными словами, считаю, что вы нарушили условия Кюрекчайского трактата.

Однако, уже в письме от 1 октября 1805 года тон совершенно иной: либо П. Д. Цицианова вводили в заблуждение относительно Ибрагимхал ил-хана, либо это был дипломатический реверанс [53, т. II, док. 1477, с. 722]. Хана извещали, что император утвердил Кюрекчайский трактат, прислал грамоту о сохранении ханства, о присвоении генеральского чина с вручением знамени и сабли. Более того, выказывая личную благосклонность к нему, П. Д. Цицианов писал: «P.S. В знак моей дружбы и благорасположения к Вам посылаю при сем от себя один темляк для Вашего превосходительства, который, по обычаю российскому, должен быть носим на сабле и служить знаками как

офицерского, так и генеральского чина». Аналогичные письма П.Д.Цицианов направил сыновьям Ибрагимхал ил-хана о присвоении им российских военных чинов и награждении медалями.

Вместе с тем П.Д.Цицианов выговаривал майору Д.Т.Лисаневичу, находящемуся в Шуше с русским гарнизоном [53, т.П, док.1480, 1482, с.722-723]:

- недовольство тем, что тот не выполняет его повеления и не доносит о важных событиях в Шуше;
- подозрение, что он заодно с ханом и окружающими его предателями;
- сообщал ему, что наследником Ибрагимхалил-хана должен был стать Мамедгасан-ага. Однако он умер, а другим сыновьям хана - Мехти-аге и Ханлар-аге «не бывать Карабахскими ханами, так как они в согласии с некими Мирзаали-беком и Фези-беком и их действиями»;
- Абу-л-Фатх-ага, сын Ибрагимхалил-хана, с коим они в связях, намеревается возвратиться в Гарабаг, то есть ханство может войти в союз с Ираном.

Отсюда следует вывод: потеряв верного России преемника на Гарабагском ханском престоле - Мамедгасан-агу, было решено предпринять кардинальные меры против Ибрагимхалил-хана и его двух сыновей, а заодно против ханского семейства, чтобы не допустить к власти в Гарабаге не верных России людей. Для достижения успеха в этом деле майору Д.Т.Лисаневичу вменялось в обязанность внушить Джафаргулу-беку, внуку Ибрагимхалил-хана от умершего сына Мамедгасан-аги, собрать «знатную партию из верных к России и значащих в Карабахе людей».

Трагический финал правления Ибрагимхалил-хана также могло спровоцировать убийство 20 февраля 1806 года П.Д.Цицианова под стенами столицы Бакинского ханства. Ибо, как писал глава МИДа России барон А.Я.Будберг 23 июня 1806 года, то есть после убийства русского генерала и самого Гарабагского хана, командующему войсками в Грузии и Дагестане генералу графу И.В.Гудовичу, что «есть подозрения, что Ибрагим-хан Шушинский колебался в своем новом подданстве» [53, т.П, док.601, с.330], на что И.В.Гудович однозначно ответил А.Я.Будбергу «об измене трех ханов: Ибрагим-хана Карабагского, Селим-хана Шекинского (его зятя. - Ф.А.) и Мустафы-хана Ширванского (Шамахиьского. - Ф.А.)» [53, т.П, док.606, с.332].

Однако, Д.Т.Лисаневич и Н.Джораев, долгое время находившиеся при Ибрагимхалил-хане в Шуше, не могли не знать, что он не изменник и не замышляет перейти на сторону иранского шаха. Но хан был обречен, ибо

позиции Российской империи на Южном Кавказе оставались еще недостаточно крепкими, и следовало «наказать» одного хана, чтобы для остальных это стало наглядным уроком.

О верности же Ибрагимхалил-хана данному слову свидетельствует его жена-грузинка Джаваир-ханум, дочь грузинского князя Евгения Абашидзе, которая 16 января 1807 года писала императору Александру I [53, т. III, док. 627, с. 343]:

- я отправила «секретного человека» к князю П.Д. Цицианову, чтобы он просил хана «покориться»;
- князь это сделал и посоветовал хану «оказать по вине», и хан со всем вниманием внял совету.

Итак, ни о каком отказе, тем более предательстве Ибрагимхалил-хана речи не могло быть. В заключение отметим, что В.А. Потто, описывая Кавказскую войну, говорит о гибели в 1825 году генерал-лейтенанта Д.Т. Лисаневича, назначенного в 1824 году командующим войсками на Кавказской линии. Он был убит 18 июля 1825 года близ Аксая, после боя под Герзель-аулом, - «в кумыкских землях», то есть в Дагестане (ныне Хасавюртовский район). В.А. Потто уделил этому событию специальную главу в своем труде «Кавказская война» [95, т. II, глава X: «Герзель-аул (гибель Грекова и Лисаневича)»]. Он пишет, что Д.Т. Лисаневич принадлежал к военным деятелям цициановской эпохи; начал службу на Кавказе в 1793 году, участвовал в разгроме Гянджинского ханства в 1804 году; был «усмирителем Кубинского ханства» в октябре 1810 года, за что получил осыпанную бриллиантами саблю. «На Кавказе Лисаневич успел, однако, выдвинуться не одной бывалой отвагой, но и своими политическими и административными способностями». При П.Д. Цицианове он вел переговоры о принятии Гарабагского ханства в российское подданство; здесь же научился в совершенстве говорить по-азербайджански. Чем все завершилось для Гарабагского ханства и Ибрагимхалил-хана благодаря Д.Т. Лисаневичу, мы знаем. Но также знаем, что этот последний стал жертвой собственных действий на Южном Кавказе.

Таким образом, можно считать, что трагический конец Ибрагимхалил-хана с самого начала был предрешен по многим обстоятельствам, о чем выше сказано. Остается отметить, что майор Д.Т. Лисаневич докладывал по инстанции ложную версию о «предательском настроении» главы Гарабагского ханства. Остальные свидетельства, в том числе лояльного к России наследника ханского престола и других представителей ханства, противоречат версии убийцы. В связи с этим высокое начальство - главноуправляющий Грузии и глава МИДа России -

периодически меняли свое отношение к происшедшему. С другой стороны, высокое начальство пеклось о «чести мундира», в результате чего виновник - Д.Т.Лисаневич не понес наказания, наоборот, ему присвоили чин подполковника.

А о его негативном отношении к Ибрагимхалил-хану и жителям Гарабага писали в том же году «высокому начальству» шушинские старейшины [53, т.III, док.624, с.340-341]:

- оба русских офицера «поступали с нами худо, притесняя подданных и нарушали трактат»;
- по этим причинам, в знак протеста, хан покинул Шушу вместе с женой и тремя детьми;
- каждые 2-3 дня хаи навещался в крепость, где оставались другие его жены и дети;
- узнав о походе иранского войска к Шуше, где недостаточно было русских отрядов, хан вступил в переговоры с иранцами с тем, чтобы остановить их;
- однако Лисаневич и Джораев во главе отряда в ночь напали на хана, убили его, жену, дочь и сына и 30 его людей, а все имущество их забрали;
- коль скоро посчитали, что хан - неверен России, должны были его взять и доставить в крепость, и донести императору;
- но этого не произошло, и мы просим расследовать происшествие;
- а Лисаневич взял у города большую сумму денег, хотя Гарабаг временно освобожден от дани, из-за понесенного от иранского неприятеля ущерба.

Свою лепту в события, связанные с убийством Ибрагимхалил-хана, внесли его мятежные вассалы - христианские мелики. Один из них - мелик Джамшид Мелик-Шахназаров в конце мая 1806 года доносил генерал-майору Несветаеву [53, т.II, док.598-600, с.327-330]:

«Сим докладом приношу нижайшее почтение и уведомляю ваше превосходительство, если пожелаете спросить о здешних обстоятельствах и происшествиях: в настоящее время Ибрагим-хан сбился с пути и великую Государеву службу оставил; он переговорил с персиянами, привел и приблизил их войско, чтобы самому соединиться с ними и вместе прийти и окружить с 4-х сторон крепость. Милостивый мой! При том сыновья его Мехти Кули-хан и Джафар Кули-ага никоим образом службу Государя не оставили; ибо они пришли к благородному майору Дмитрию Тихоничу

(Лисаневичу. - Ф.А.) и объявили, что мы всемилостивейшему государю верно будем служить и что сколько мы отцу нашему, Ибрагим-хану, ни говорили: «это не есть дело, - не делай, служи хорошо Государю» - не осуществляется. Отныне воля ваша: каковы закон и польза великого Государя и ваша, так и поступайте. Милостивый мой! Знаю твердо, что майор (Лисаневич) не имел другого средства, как только идти в ту ночь на Ибрагим-хана, ибо утром Персидское войско должно было прийти, чтобы тот присоединился к ним. Ибрагим-хан семейство свое вывел из крепости. Поэтому майор с частью русского войска пошел ночью на Ибрагим-хана и при суматохе убил пулею Ибрагим-хана и несколько человек из его свиты».

4.3. Мехтигулу-хан и ликвидация Гарабагского ханства

После убийства Ибрагихалил-хана главой Гарабагского ханства в сентябре 1806 года был утвержден «высочайшей грамотой» Мехтигулу-хан. В ней сказано [53, т. III, док. 613, с. 336-337]:

«Высочайшая грамота генерал-майору Мехти-Кули-аге, от сентября 1806 года

Нашему любезному верноподданному генерал-майору Карабагской земли наследнику Мехти-Кули-аге Наша Императорская милость и благоволение. Высочайшею нашею грамотою, данною в прошлом 1805 году, удостоив Вас и всех Карабагской земли жителей всемилостивейше принять в число наших верноподданных и за благо принять все условия, как для пользы народу и дому Вашего покойным отцом Вашим с нашим генералом от Инфантерии князем Цициановым на вечные времена постановлены. Мы с прискорбием услышали происшествия, за коими последовала смерть отца Вашего Ибрагим-хана. Ныне же, зная что Вы не токмо пребывали тверды в обязанностях Ваших к нашему Императорскому престолу, но сверх того по особенному Вашему к нам усердию оказали многие услуги нашим войскам, - в вознаграждение сих достохвальных опытов Вашей верности утверждаем Вас ханом Шушинским и Карабагским, позволяя Вам владеть сею землею под верховным нашим покровительством, державою и защитою Российской империи, коей в верности подданства и в признании единственной нашей

над собою власти торжественно обязаны Вы учинить присягу. Все обязанности ханства Карабахского, права и преимущества оному дарованные, какие письменно постановлены и к той грамоте от слова до слова приложены, всемилостивейше ныне подтверждаем как Вам, так и будущим по вас преемникам. За сим, поручая Вам управлять Карабагским народом с кротостью и правосудием, уверены Мы, что Вы и наследники Ваши в преданности своей к Нашему Императорскому престолу и в точном выполнении своих обязанностей пребудете непоколебимы, как долг верного подданства того от Вас требует. В сем уповании и в залог Монаршей Нашей к Вам и народу Карабагскому милости дана сия Императорская Наша грамота, за собственн-норучным нашим подписанием и с приложением Государственной печати.

Подписано «АЛЕКСАНДР»

Согласно грамоте императора, Мехтигулу-хан был самостоятелен во внутренней политике, что было специально подчеркнуто генералом И.В.Гудовичем в предписании начальнику русского гарнизона Шушинской крепости подполковнику Н.С.Котляревскому от 21 ноября 1806 года [53, т.III, док.619, с.338]: «оказывать хану должное уважение, отнюдь не вмешиваясь во внутреннее его управление». То же самое повторено в его письме на имя Мехтигулу-хана Гарабагского [53, т.III, док.626, с.342]. Император точно так же позитивно отнесся к Джафаргулу-аге, внуку Ибрагимхалил-хана от старшего его сына и наследника престола Мамедгасана-аги:

**«Рескрипт племяннику Карабагского хана
Джафар-Кулу-аге,
от 2 января 1807 года. - С.-Петербург**

Оказанные опыты усердия и верности Вашей к Нашему Императорскому престолу обратили на себя Наше всемилостивейшее внимание. Во изъявление чего и в знак особенного к Вам Нашего Высокомонаршего благоволения, жалуем вас в чин Российского полковника, с произ-вождением по сему чину жалованья серебряною монетою из Наших государственных доходов, пребывая в твердой надежде, что сия Наша милость послужит к вящему поощрению Вашего усердия и к выполнению Ваших верноподданнических обязанностей и что тем паче усугубится

достохвальная преданность Ваша к высокому Нашему Императорскому престолу. Впрочем, пребываю к Вам благосклонный.

Подписано «АЛЕКСАНДР» [53, т. III, с. 342]

Однако оба акта носили символический характер. Особенно - инвеститура российского императора на власть Мехтигулу-хану Гарабагскому. Это стало окончательно ясно после завершения русско-иранской войны 1804-1813 годов. 24 октября 1813 года в местечке Гюлистан, в Гарабаге, был подписан мирный договор [72, с. 208-214], по условиям, которого часть северных ханств Азербайджана перешла в состав Российской империи. В ст. 3 говорится, что иранский шах от своего имени и от имени своих преемников признает принадлежность Российской империи, среди других северных ханств Азербайджана, Гарабагского, а также связанного с ним родственными узами Шекинского ханства.

Вместе с тем, как и к Ибрагимхалил-хану, к его преемнику на Гарабагском престоле Мехтигулу-хану высокопоставленные российские чины относились с недоверием, несмотря на то, что члены гарабагской династии были осыпаны милостями императора. Так, генерал А.П.Тормасов обвинял Гарабагского хана в тайных сношениях с иранским правителем Фатали-шахом [53, т. IV, док. 821, с. 549-550]. 28 октября 1809 года он писал хану об этом, обвиняя в измене и нарушении условий Кюрекчайского трактата и советуя прекратить антироссийскую деятельность, принимая во внимание «дружеское расположение» генерала к Мехтигулу-хану.

Тем не менее, взаимоотношения между ханом и русскими военными на Южном Кавказе были положительными. Так, во время русско-иранской войны 1804-1813 годов Гарабаг, находившийся в зоне военных действий, играл важную роль. Отсюда поступало продовольствие для армии, а гарабагская конница неоднократно участвовала в боевых операциях русской армии, которая не имела кавалерии в этой войне. На это обратил внимание российский военный историк В.А.Потто [96]. Во время русско-иранской войны 1804-1813 годов генерал А.П.Тормасов неоднократно обращался к Мехтигулу-хану с просьбой о предоставлении гарабагской конницы. В одном из своих обращений от 15 сентября 1810 года, о необходимости и значимости этой конницы он пишет: «Если же привести здесь русскую пословицу, что пеший конному не товарищ, то всякий легко увидит, что войскам, в Карабаге расположенным, состоящим из победоносной российской пехоты, нужна славная Карабагская конница, чтобы поражать опрокинутого пехотой неприятеля и не допускать его нигде свободно прорываться» [53, т. IV,

док.845, с.565; док.856, с.571). Далее генерал писал, «чтобы Карабагская конница всегда содействовала русской армии, находилась в разъездах и караулах в нужных местах; сопровождала почту; составила конные посты у Худаферинского моста через Араз, а также близ русских пехотных постов; проводила разведку; предотвращала нападения мародеров на села и скот». А.П.Торماسов специально отметил в письме хану от 21 августа 1811 года, что Гарабагская конница самостоятельно, «дейтельными мерами, от Вас принятыми», совершенно уничтожила трижды нападавших иранцев, которые с большими потерями ушли за Араз [53, т IV, док.860, с.572]. Генерал не просто выразил свою признательность Мехтигулу-хану, но, как он пишет: «нынешний Ваш подвиг с истинным удовольствием представил в высочайшее усмотрение его императорского величества» [53, т IV, док.193, с.130].

Следовательно, гарабагская конница сыграла свою роль в русско-иранской войне 1804-1813 годов, коль скоро российский генерал неоднократно отмечал ее участие в боевых действиях русской армии и в защите Гарабагского ханства. О важности гарабагской конницы писал хану 5 декабря 1811 года также генерал маркиз Ф.О.Пауллуччи, бывший квартирмейстером Кавказской армии. Он же обещал компенсировать материальные и денежные утраты Гарабага в ходе русско-иранской войны 1804-1813 годов. В ответном письме Ф.О.Пауллуччи, отправленном в феврале 1812 года, Мехтигулу-хан подробно обрисовал генералу успешное сражение, в котором принимал непосредственное участие [53, т.V, док.203, с. 137-139]. Это сражение произошло в январе того же года в Гарабаге, недалеко от Араза, где встретились на поле боя иранские отряды наследника престола Аббаса-Мирзы с русским батальоном и гарабагской конницей.

Отношение к Гарабагскому ханству, вообще к Кавказу, заметно переменялось в худшую сторону при генерале А.П.Ермолове, назначенном в 1816 году главноначальствующим Грузии и командиром Отдельного Кавказского корпуса. Здесь он пробыл до 1827 года, и именно при нем Гарабагское ханство было формально ликвидировано и переименовано в одноименную провинцию Российской империи.

Вообще можно считать, что ликвидация северных ханств Азербайджана, в том числе Гарабагского, состоялась именно при этом генерале. Как при П.Д.Цицианове, начавшем Кавказскую войну, так и при А.П.Ермолове процесс проходил преимущественно под знаком бога войны Марса, то есть путем, характерным для внешней политики Российской империи на всех направлениях, начиная со времени ее основателя - Петра Великого. Не случайно, русский кавказовед Н.Н.Шавров в конце XIX века,

подчеркивая о завоевательных войнах Российской державы в Каспийском регионе, писал, что: «Уже 300 лет владеет Россия Каспийским морем, и все то время преследовала одну и ту же политическую задачу; именно: усиление своего влияния в странах, принадлежащих к Каспию, но, вопреки повсеместно в Европе существующему убеждению, получившему значение научной истины, для достижения своих политических целей Россия предпочла *военные действия, а не торговлю*, которая, создавая солидарность интересов, постепенно доводит более слабые государства до полной зависимости от государств более сильных. Военные действия в бассейне Каспия Россия вела с такой энергией, что, так сказать, истребила здесь всех врагов, обратив все прилежащие страны, за исключением Персии, в русские провинции» [108, с.51]. Будучи сторонником и проводником экспансионистской политики на Кавказе в том числе в отношении северных ханств Азербайджана, А.П.Ермолов рекомендовал в феврале 1817 года императору, что [53, т.VI, ч.I, док.1264, с.835] «области, нами управляемые, долго противостоят будут всякому устройству, ибо данные им трактаты предоставляют им прежнюю власть без малейшего ее ограничения... управление ханствами даровано им наследственно. Благотетельные российские законы не иначе могут распространиться на богатые и изобильные области сии, как в случае прекращения наследственной линии или измены ханов». Вот почему именно при А.П.Ермолове:

- Гарабагское ханство было ликвидировано и превращено в 1822 году в одноименную провинцию Российской империи;
- после этой даты все доходы шли только в российскую казну;
- все богатства Гарабага, как и всего Северного Азербайджана, были поставлены на службу российского государства;
- на эту территорию в организованном порядке заселяли русских и армян, проводя русификацию и христианизацию этой азербайджанско-мусульманской земли. В оправдание своей точки зрения А.П.Ермолов, комментируя прошлые события, писал, что «изменил хан Карабахский, но был убит», а наследник трона Джафаргулу-ага «в 1812 году изменил нам, бежал в Персию, вводил персидские войска в свое отечество неоднократно»;
- и заключает свой рапорт напоминанием, что Гарабагское ханство, «положением своим важное, произведениями богатейшее, должно непременно быть управляемо российскими законами»;
- поэтому А.П.Ермолов просил императора не утверждать Джафаргулу-агу наследником Гарабагского ханства.

Знаменательна заключительная фраза в рапорте А.П.Ермолова, где сказано, что «по возвращении из Персии, согласуясь с обстоятельствами, приступаю я к некому-Рым необходимым преобразованиям». Вместе с тем А.П.Ермолов отметил, что «Карабагское ханство, богатейшее по плодородию земли, с 1806 по конец 1813 года служило театром непрерывных неприятельских действий со стороны персиян и претерпело величайшее разорение» Так, если в 1805 году, когда ханство вступило в подданство России, здесь проживало более 10 тыс. семей, или 50 тыс. чел., то в 1812 году - 3080, или 15 400, то есть втрое меньше, которые, к тому же, разорены и лишились своего имущества. Остальные же - бежали или попали в плен. В связи с этим предлагалось снять недоимки с ханства. Как видно, рапорт возымел действие, ибо император Александр I в своем повелении от 4 июля 1817 года недоимки с жителей снял [53, т.VI, ч.I, док.1266, с.836-837].

Переписка А.П.Ермолова с Мехтигулу-ханом и его «всеподданнейшие донесения» императору убеждают, что с приходом его на должность главноначальствующего Грузии процесс ликвидации северных ханств Азербайджана, в том числе Гарабагского, вступил в заключительную фазу. Проводя в жизнь завоевательную политику царской России, он использовал любой предлог, чтобы ограничить поле деятельности Гарабагского хана [53, т.VI, ч.I, док.1270, с.838; док.1281, с.843; док.1282, с.843-844; док.1288, с.846]. Например, «несогласие» между ханом и его племянником Джафаргулу-агой, противоречия между ханом и албанскими христианскими медиками; а также в целях внесения раздора стремился столкнуть армян и азербайджанцев Гарабага на этно-конфессиональной почве.

Таким образом, ситуация вокруг Гарабагского ханства и его последнего главы становилась все более угрожающей. По этой причине Мехтигулу-хан 21 ноября 1822 года ушел в Иран, о чем сразу же В.Г.Мадатов рапортовал генералу А.А.Вельяминову [53, т.VI, ч.I, док.1293, с.848]. Уход хана не был спонтанным решением, так как в том же рапорте сказано, что уже некоторое время как начата опись имущества Мехтигулу-хана, его жен и сестер, а также приближенных. Причем, в первую очередь, «взяты на учет табуны Карабагских скакунов, которых очень выгодно ценят». Некоторых приближенных хана арестовали, а их недвижимое имущество в Шуше и Герусе описали. Среди причин ухода Мехтигулу-хана было также покушение на его племянника Джафаргулу-агу, которого ранили [53, т.VI, ч.I, док.1294, 1295, с.849]. После ухода последнего Гарабагского хана А.П.Ермолов распорядился В.Г.Мадатову [53, т.VI, ч.I, док.1294, с.849]:

- назначить особых чиновников «для изыскания доходов, которые должны обратиться в казну»;
- назначить военного коменданта из числа русских офицеров, на которого возложено хозяйственное управление, «как в прочих провинциях».

В ноябре же 1822 года была обнародована прокламация А.П.Ермолова жителям Гарабагского ханства, в которой уход Мехтигулу-хана в Иран преподносился как «измена».

Этой прокламации А.П.Ермолова предшествовали действия, которые насторожили Мехтигулу-хана, в связи с чем он обратился с соответствующим письмом к начальнику штаба Отдельного Кавказского корпуса генералу А.А.Вельямипову, в котором говорилось, что высокопоставленный клирик Эчмиадзина приступил без его, т.е. главы Гарабагского ханства, ведома к описанию местных церквей, монастырей, священников и верующих.

Хотя Гарабагское ханство фактически прекратило свое существование после заключения Кюрекчайского договора, формально оно сохраняло свой статус и после Гюлистанского договора 1813 года, вплоть до 1822 года, то есть до тех пор, пока Мехтигулу-хан, опасаясь за свою жизнь, не покинул Шушу. О времени его правления Данные почти отсутствуют, однако известно, что в это время мусульманскими провинциями Южного Кавказа управлял российский генерал армянского происхождения князь В.Г.Мадатов. В 1816 году он был назначен командующим войсками в Гарабагском ханстве, и постоянно находил поводы для третирования Мехтигулу-хана, который вынужден был 21 ноября 1822 года уйти в иранские пределы. Об этом генерал-лейтенанту А.А.Вельяминову. В.Г.Мадатов писал в рапорте от 21 ноября 1822 года [53, т.VI, ч.I, док.1293, с.848-849]. О том же самом событии говорится в нижеследующем документе.

**«Прокламация главноуправляющего Грузии
и командира Отдельного Кавказского корпуса
А.П.Ермолова жителям Карабагского ханства
от ноября 1822 года**

С крайним удивлением известился я об измене и побеге в Персию Мехтигулу-хана Карабагского!

А потому ханство Карабагское с сего времени приемлется под непосредственную зависимость Российского правительства. Власть ханская

навсегда уничтожается и для учреждения в земле нужного управления будут от меня присланы особые чиновники.

Почтенные беки и прочих состояний жители могут совершенно положиться на покровительство и защиту Российского правительства. Приятно мне уверить их, что собственность их останется неприкосновенною, что обыкновения земли сохраню я с удовольствием и что верным и усердным всегда будет открыт путь к получению наград, соответственных заслугам. Но вся строгость и жестокое преследование постигнет тех, кои участвовали в измене беглеца-хана и кои дерзнут иметь с ним тайные сношения.

Искренне желая, чтобы жители Карабага были счастливы и в спокойствии своем почувствовали бы всю цену кроткого правления, и для того сим их предостерегаю» [53, т. VI, ч. I, док. 1299, с. 8501.]

Этот документ стал «последней точкой» в истории Гарабагского ханства. Таким образом:

- в конце ноября 1822 «ода Гарабагское ханство было формально ликвидировано;
- А.П.Ермолов обнародовал прокламацию, в которой нет даже упоминания какого-либо официального документа из С.-Петербурга – манифеста императора, или указа, что подтверждало ликвидацию ханства;
- по лому следует полагать, что такое решение было принято раньше;
- после этого было предпринято все для того, что бы Мехтигулу-хан «добровольно» покинул ханство;
- не исключено, что покушение на его племянника Джафаргулу-агу явилось прозрачным намеком на возможность такого же акта против самого хана.

Покушение на Джафаргулу-агу было спровоцировано. Он играл в карты у В.Г.Мадатова, и, когда возвращался вечером домой, был ранен в руку выстрелом. В.Г.Мадатов утверждал, что «Джафаргулу-ага сам себе сделал рану, но Мехтигулу-хан со многими другими был уверен, что это нарочно устроено, чтобы его обвинили в злоумышлении против родственника» [53, т. VII, док.405, с.4571]. После этого 14 декабря 1822 года А.П.Ермолов рапортовал императору в обоснование своего решения о ликвидации Гарабагского ханства, апеллируя это тем, что [53, т. VI, ч. I, док.1301 и 1302, с.850-851]:

- жители ханства недовольны ханом, не уделяющим должного внимания управлению;
- незаконные поборы любимцев хана с населения;

- хан заранее готовился к побегу, для чего «приготовил себе благосклонный прием в Персии» своими тайными сношениями;
- несмотря на прощение недоимок в российскую казну, хан собирал с жителей подати в свою пользу, чем вызвал их недовольство;
- престол должен был перейти к Джафаргулу-аге, но последний с 1812 года находился в бегах в Персии и действовал против российских властей оружием;
- ныне он находится в Гарабагс, но следует *«удалить его от наследства и объявить, что Карабахское ханство, подобно, как и другие провинции, впредь будет состоять под российским управлением»* (подч. нами. - Ф.А.);
- поэтому отныне Гарабаг, находящийся на иранской границе, будет управляем как должно;
- благоразумные меры для этого приняты генералом Мадатовым;
- одновременно «мятежный» Джафаргулу-ага и его сын Керим-бек этапированы под казачьим конвоем в Россию, в город Симбирск;
- «В случае попытки Джафар-Кули-аги к побегу, разрешено для воспрепятствования сего употребить даже оружие» (53, т.VI, ч.I, с.852);
- для приведения в известность доходов с Гарабага туда направлены правитель Канцелярии главноначальствующего Грузии Могилевский и командир Грузинского полка Ермолов. Это поручение было исполнено с дотошной точностью и издано в 1866 году с подробным описанием всего, что подлежало обложению, с указанием сумм и объектов, с которых полагается получать в русских золотых червонцах и серебряных рублях, а также в ханских рублях 189]. Это описание, составленное в 1823 году, представляет собой важный и ценный источник о состоянии Гарабагского ханства в первой четверти XIX века.

Несмотря на ликвидацию ханства, находившийся в Иране Мехтигулу-хан летом 1827 года возвратился в Гарабаг. Это стало следствием успешных переговоров с ним нового главы местной российской администрации - главноуправляющего Грузии генерала князя И.Ф.Паскевича. Последний рапортовал 12 июня 1827 года начальнику Главного штаба Военного министерства Российской империи графу фельдмаршалу И.И.Дибичу-Забалканскому [53, т.VII, док.402, с.453-455], который в том же году был командирован императором Николаем I на Кавказ «для производства следствия над А.П.Ермоловым по поводу недоразумений с

И.Ф.Паскевичем». Все это было связано с тем, что А.П.Ермолов не смог организовать должного отпора иранскому вторжению в 1826 году и утихомирить восстание местного населения; поэтому И.Ф.Паскевичу было поручено «лично от себя доносить обо всем императору» [59, с.438]. Новый главноуправляющий Грузии 12 июня 1827 года писал главе МИДа России графу К.В.Нессельроде [53, т. VII, док.403, с.455-456]:

- Мехтигулу-хана приглашали возвратиться в Россию еще при А.П.Ермолове;
- но имелись сомнения в чистосердечии предложения этого русского генерала;
- успех пришел после него, и в связи с назначением в управление мусульманскими провинциями полковника И.Н.Абхазова вместо генерала В.Г.Мадагова;
- В.Г.Мадагов, будучи главным помощником А.П.Ермолова, шел по стопам своего благодетеля, в том числе в отношении Мехтигулу-хана;
- нынешнее же главное действующее лицо при переговорах с ханом - И.Н.Абхазов - «отличается благородством своих правил и ненарушимостью данного им однажды слова, почему гораздо вернее и успешнее склонил на нашу сторону Мехти-хана, нежели все изгибы утонченной хитрости князя Мадагова».

С появлением на Кавказе И.Ф.Паскевича мнение о хане изменилось в лучшую сторону, ибо в ходе русско-иранской войны 1827-1828 годов Мехтигулу-хан, находившийся в Иране, дал понять российским властям о своем добровольном переходе в Гарабаг, причем вместе с 4000 конницы, что было в данной ситуации выгодно российской стороне. Как писал В.А.Потто, в своем труде «Возвращение Карабагского хана» [95, т. III, гл. XXIV]: «Среди живших в Персии ханов, некогда владевших там землями, которые отошли к России по Гюлистанскому договору (с Ираном, в 1813 году. - Ф.А.), выделялся своим влиянием и политическими связями Мехти-Кули-хан Карабахский. Когда, в 1827 году, персидские полчища вторглись в Кара-баг, значение хана, имевшего на родине много сторонников, ...возросло до самой высокой степени» [95, т. III, с.329]. Сам Мехтигулу-хан не прочь был возвратиться в Гарабаг, и, как стало известно, «еще во время пребывания на Кавказе Дибича с ним начинаются переговоры относительно перехода его на русскую сторону» [95, т. III, с.329].

В рапорте И.Ф.Паскевича И.И.Дибичу-Забалкан-скому отмечено, что «решены весьма важные вопросы, приобретенные нами переселением в Карабаг Мехтигулу-хана», вследствие чего [53, т. VII, док.402, с.453-455]:

- воцарилось спокойствие в Гарабаге - пограничной области;
- возвратившийся хан «откроет изменников»;
- Гарабаг станет обороной прочим областям, позади него лежащим;
- нам не надо будет думать о внутренней вражде и можно сосредоточиться на внешней опасности; идет война с Ираном;
- опасность, урожавшая нам со стороны кочевых племен, ликвидирована, так как хан большую их часть увел с собой в Гарабаг;
- а это - 4 000 лучшей конницы, которая теперь будет оберегать нашу границу;
- улучшатся условия для доставки всего необходимого в действующую армию российскую;
- и все это - благодаря Мехтигулу-хану, которого следует уважить и подвиг его «представить на высочайшее благосклонное усмотрение», как дело полезное, достойное;
- от Мехтигулу-хана также немаловажная польза основана на его обширных связях с высокопоставленными сановниками Ирана и с самим правителем - Фатали-шахом, одна из любимейших жен которого является сестрой хана.

В том же рапорте И.Ф.Пасквич напоминает И.И.Дибичу-Забалканскому, что последний сам назначил условия для возвращения Мехтигулу-хана в Гарабаг:

- возвращение ему чина генерал-майора;
- управление 300 семей, выведенных им из Ирана;
- уплата хану 4 000 червонцев ежегодной пожизненной пенсии.

7 июля 1827 года И.И.Дибич-Забалканский сообщил И.Ф.Паскевичу о «высочайшем повелении» удовлетворить все перечисленные пункты.

И.Ф.Паскевич специально отметил, что нынешний начальник Гарабагской провинции полковник князь И.Н.Абхазов, которому поручили вести переговоры с Мехтигулу-ханом, сыграл важную и положительную роль в его возвращении, и «его честное слово более решило хана обратиться к великодушной России, нежели все пышные обещания его предшественника по управлению мусульманских провинций». Под «предшественником» И.Ф.Паскевич имел в виду генерала В.Г.Мадатова. В.А.Потто уточняет, что «возвращение Карабахского хана, и затем личные беседы его с Паскевичем послужили последнему поводом лишь к новым обвинениям знаменитого предшественника его - Ермолова, и в особенности ненавистью к нему князя Мадатова» [95, т. III, с. 337].

Отмечая все преимущества возвращения Мехтигулу-хана в Гарабаг в условиях русско-иранской войны 1827-1828 годов, И.Ф.Паскевич тем не менее считал нецелесообразным восстановления Гарабагского ханства, т.к. считал его Российской провинцией. Однако, в целях восстановления справедливости он писал главе МИДа России К.В.Нессельроде 14 августа 1827 года, что против Мехтигулу-хана «были устроены и приведены в действие с таким бесстыдством обмана и неправосудия гонения, что по сю сторону Кавказа (то есть на Южном Кавказе. - Ф.А.) нет ни одного голоса, который не свидетельствовал бы в пользу гонимого» [53, т.VII, док.406, с.457-458]. Поэтому И.Ф.Паскевич предлагал:

- возратить хану его родовое имение (то есть ханский домен. - Ф.А.);
- это будет способствовать усердию хана в пользу России;
- создать комиссию для выявления обстоятельств, почему чиновники забирали себе доходы, полагавшиеся хану и российской казне.

Возвратившийся из Ирана Джафаргулу-ага, также был восстановлен в своих имущественных и военных правах [85, ч.1, с.48-50]. Ему вернули движимую собственность, как полковнику российской службы назначили денежный оклад.

В связи с этим следует отметить, что И.Ф.Паскевич лично занимался делом Джафаргулу-бека [85, ч.1, с.48-50], поскольку он обращался к самому императору Николаю I, распорядившемуся выяснить «все обстоятельства».

Вместе с тем при И.Ф.Паскевиче было установлено, что Мехтигулу-хан ушел в Иран в знак протеста против «нанесенных ему обид и притеснений генерал-лейтенантом князем Мадаговым» [53, т.VII, док.407, с.459]. Об этом упоминает И.И.Дибич-Забалканский в письме И.Ф.Паскевичу от 17 октября 1827 года и добавляет, что жалоба, принесенная ханом самому императору Николаю I на действия В.Г.Мадатова, будет представлена на обсуждение в Комитет министров. Сам Мехтигулу-хан писал новому управляющему мусульманскими провинциями Южного Кавказа, в том числе Гарабагской, князю И.Н.Абхазову -человеку слова, объективно относившемуся к опальному хану Гарабагскому [53, т.VII, с.458-459]:

«Письмо Мехтигулу-хана князю И.Н.Абхазову,

от 21 июня 1827 года

Когда Ермолов в 1816 году был назначен сюда главнокомандующим, я исполнил то, чего обязанность службы от меня требовала. Мадатов также в то время был при Ермолове. Находясь несколько дней при них обоих, мне было предложено уступить Карабаг государю императору. Я отвечал, что, так как я преданный слуга России, то посему и провинция эта принадлежит его императорскому величеству, я же, живя под его высоким покровительством, буду исполнять все, чего требует усердие. Затем ген. Мадатов, пришедши ко мне, сказал: «У тебя хотят отнять область и даже ханство, но будь со мною заодно и уступи мне несколько твоих владений и подданных, а я после сего таким образом устрою, что ии ханство, ни область не будут у тебя взяты; и в этом смысле даже дам тебе бумагу». После этого принесли Евангелие, на котором в присутствии нескольких человек он произнес клятву, написал бумагу, которая и теперь у меня находится. В ней сказано, что впредь против меня не будет действовать и не допустит, чтобы откуда либо, даже самим ген. Ермоловым, был нанесен мне какой-либо вред или убыток. По произнесении клятвы, он взял от меня деревни, пашни, летние и зимние кочевки, откупы, наличными деньгами и вещами.

Спустя некоторое время, ген. Ермолов отправился в Персию, а ген. Кутузов потребовал от меня объяснения, княжеского ли происхождения Мадатов или нет? А также сведения о том, что отдал ли я ему деревни добровольно, или же он насильно их у меня отнял, и с давних времен они принадлежат ему? Но так как Мадатов был из самых простых армян в Карабаге (отец его, по имени Георгий, был из податного звания, и, следовательно, сам он из низшего класса людей, поелику он даже не был старшиною, а самым простым крестьянином), то какие ему могли принадлежать владения и подданные? Тем не менее, боясь его, я отвечал, что те деревни даны ему мною не в виду его княжеского достоинства, но как генералу государя императора. Затем Кутузов вторично писал, что государь император имеет много генералов и что если каждому отдам столько деревень, то что же останется мне. Таким образом прошло несколько времени. Между тем, когда Ермолов возвратился из Персии, обнаружилось, что Кутузов, поняв дело, предписал мне взять свои деревни, владения и прочее от Мадатова назад, вследствие чего я все оное от него и отобрал. Вскоре потом ген. Кутузов скончался.

После того Ермолов вторично отправил ко мне собственноручную бумагу, с которою приказывал отдать Мадатову деревни. Не зная, что делать, я показал бумагу ген. Ахвердову, Павлу Ивановичу Могилевскому и кап.

Мурачеву, прося совета, что мне делать? Но они отказались подать совета. Таким образом, предоставленный самому себе, я принужден был, сообразно предписанию главнокомандующего, снова дать Мадатову бумагу. По получении таковой Мадатов, тайно посоветовавшись с Ермоловым, просил, чтобы бумагу, по которой я дал ему деревни и прочее, отправил к государю императору. По прошествии некоторого времени он возвратился и объявил мне, что государь император утвердил мою бумагу; но что данные мною деревни и места для него недостаточны, а потому надлежит в сей бумаге поместить еще некоторые другие, о чем даже никто и не узнает, и чрез то дела его поправятся, почему я снова в этой бумаге поместил другие деревни, места и кочевья. Сверх того, Мадатов приказал инженеру снять план, по которому присвоил себе половину Карабага, заключающую в себя летние и зимние кочевья. Об этом плане я ничего не знал, так как не давал по оному бумаги. Вместе с тем он поместил в бумагу красильни, находящиеся по деревням, и Чанахчинский откуп; на другой год приказал вписать пошлыны, собираемые с грузин, проезжающих на арбах по берегу Куры; затем овладел откупом паспортов, - словом, ежегодно и ежемесячно все, что ему нужно было и в голову приходило из деревень, поместьев, домов или всякого рода откупов, заставлял приписывать в его бумаге и все сии дела совершал насильно. Кроме того, в течение нескольких лет я давал ему от себя 500 червонцев, которые должны были быть платимы теми деревнями. Он же с излишеством собирал эти деньги с деревень и выстроил себе из них прекрасный дом в Тифлисе. Сверх всего этого он брал работников и вьючный скот для строений его в Чанахчи, о чем я, страха ради, никому ничего не говорил. Дер. Ходварт я отдал дяде его Петросу и несколько деревень двоюродным братьям его Мирза-Джану и другим под разными предлогами. Он же отдал приказание, чтобы никто ко мне не ходил и, собрав всех чиновников в крепость, постановил дабы я ни во что больше не входил. Таким образом, я был обречен на одиночество. Затем он прибег к хитростям и сплетням, думая, что, быть может, я убегу из Карабаха, но я ничего не предпринимал, терпел и оставался спокойно на месте. Наконец, я пожелал идти к нему и переговорить о его поведении в отношении меня, но он не допустил меня к себе, - словом, он столько учинил подобных поступков, что рассказывать о них слишком долго.

Не зная что делать, я просил его прислать ко мне дядю своего Петроса, что он и сделал. Я говорил ему с кротостью, что все, чего только генерал от меня ни требовал, я ему отдал, и теперь даже, что ни попросит, снова не откажу ему; что если ген. Ермолов прежде уговаривал меня, то я готов теперь добровольно предложить мои земли государю

императору, но с тем, чтобы мне дозволено было остаток жизни провести на родине. Он отвечал, что такие заявления не могут иметь успеха. *«Ты, говорил он, лишен ханства, и если хочешь здесь остаться, то будешь арестован».* Я не имел при себе никого из Карабагцев кроме Мирза Адигезала, а потому и отправил его с Петросом; но по его отправлении и ему не позволили ко мне возвратиться, а приказали передать, что и он арестован. Но когда я и после этого не обнаружил никакого сопротивления, то все хитрости его оказались тщетны. Я же сам решился во то бы то ни стало отправиться в Тифлис и рассказать подробно о всех таковых его поступках, как вдруг было получено известие что полковника Джафаргулу-агу ранили пулею. Мадатов тотчас объявил, что это было учинено мною из ненависти, разослал людей, которые схватили и привели 2-х моих служителей, коих, ни мало не расспросивши, тотчас же арестовали. Обстоятельство это привело меня в крайнее недоумение относительно собственной участи. И я решился ехать в Тертер, полагая найти там несколько человек, и с ними ехать в Тифлис и объяснить свое положение; но мелик Вали, посланный за мною с приказанием не пропустить меня туда, а выпроводить из Карабага, догнал меня, и я, испугавшись, отправился в Эривань. Хотя по настоящему и не следовало бы мне выезжать из Карабага, но как Джафаргулу-агу ранили пулею, и со мной могло случиться тоже, то я, спасая себя, направился в Эривань. Но хотя я уехал, данную мною присягу в верности государю императору не нарушал и, строго исполняя свои обязанности, всегда выказывал преданность и усердие, где бы ни находился. По уходу моем, Мадатов, по побуждению Машади-Касума, объявил находившимся под арестом Рустем-беку и Мирза Адигезалу, что, если они приложат печати к бумаге, в которой уступаются деревни, земли и сады Мехтигулу-хана, и отдадут ему, то он их освободит; потом принесли забытую мною печать и, написав бумагу на отдачу деревень, земель, садов и пр., силою у них вырвал. Конские же заводы, рогатый и вьючный и другой скот, все что было лучшее, по тайным расспросам у конюшого, выбрал себе, а наихудшие отдал казне. Между тем как между Персией и Россией существовал мир, то я и отправился, спасая свою жизнь, в Персию, в ожидании, что, быть может, притеснители мои будут удалены из края, и что я найду защитников и успею доставить просьбу Государю. Ныне, слава Аллаху, новый главнокомандующий (генерал И.Ф.Паскевич), человек одаренный милостью, правосудием и доблестями, прибыл в страну сию. Посему и молю, дабы мое прошение, как можно скорее доставили к главнокомандующему с тем, чтобы он поверг его к стопам великого моего Государя».

Приведенное выше пространное письмо Мехтигулу-хана как нельзя лучше характеризует отношение А.П.Ермолова к Гарабагскому хану, действия В.Г.Мадатова по присвоению себе «половины Карабага», и ситуацию, в которой шел процесс формальной ликвидации Гарабагского ханства.

Таким образом, В.Г.Мадатов неоднократно требовал от хана взятки недвижимостью и крестьянами в обмен на сохранение за Мехтигулу-ханом остальной части его владений и подданных. И все это делалось не без ведома официальных российских властей, представителем которых был сам генерал. Вместе с тем из письма также следует, что «князь» В.Г.Мадатов незнатного происхождения. Иными словами, ни сам генерал, ни его предки не имели в Гарабаге каких-либо владений, но В.Г.Мадатов, используя свое служебное положение, решил приобрести в Гарабаге недвижимость, при этом заручившись поддержкой А.П.Ермолова, который благоволил к своему верному помощнику. Благодаря этому первоначально В.Г.Мадатов заставил Мехтигулу-хана передать ему по *талаге* в 1818 году «в наследственное владение» [53, т. VI, ч. I, с. 838]:

- недвижимость в виде 10 сел, 2 аулов, 2 имений, несколько йайлагов и кишлагов;
- одновременно получить в свое владение жителей вышеперечисленной недвижимости;
- передать откупы, подати и повинности, кроме тех, что предназначены в государственную казну.

Однако, «князь» В.Г.Мадатов на этом не остановился, и, как следует из письма Мехтигулу-хана, ежегодно, начиная с 1818 года, получал по 500 золотых червонцев, а также новые села и земли для себя и своих родственников. Более того, в своей талаге Мехтигулу-хан принужден был под давлением написать, что, якобы, В.Г.Мадатов - из «важных бекских фамилий» Гарабага, и его предки имели здесь земли и крестьян, хотя «князь» и его предки были из податного крестьянского сословия, и российский генерал армянского происхождения самовольно возвел себя в беки. Поэтому не случайно генерал А.П.Кутузов потребовал от Мехтигулу-хана объяснения, действительно ли В.Г.Мадатов «княжеского происхождения», и передал ли хан ему недвижимость добровольно. Получив ответы, А.П.Кутузов заставил самозваного бека возвратить все Мехтигулу-хану. Однако, вскоре он скончался, а генерал А.П.Ермолов распорядился оставить В.Г.Мадатова во владение «половиной Карабага». Будучи жертвой обстоятельств, Мехтигулу-хан лишь в 1827 году обо всем этом осмелился написать князю И.Н.Абхазову, то есть после отставки А.П.Ермолова и В.Г.Мадатова.

Несколько лет спустя, гарабагские беки также заявили о «вольностях» В.Г.Мадатова. В январе 1831 года они подали «прошение на высочайшее имя», где говорится «о злоупотреблениях в Карабаге бывшего военно-окружного начальника Каспийской области князя В.Г.Мадатова и исках Карабахских беков к его имению», а именно [85, ч.I, с.51-54]:

- Мадатов получил имения на основании двух талага и высочайшего рескрипта Александра I;
- о несправедливости получения имений Малаховым мы писали также в своей жалобе на генерала Ермолова;
- в итоге, у нас отняли незаконно наши родовые имения, на которые мы имеем «многовековые права»;
- однако в течение 20 лет мы не можем добиться справедливого решения.

В сентябре 1831 года сенатор Е.И.Мечников, проводивший ревизию Закавказского края, также отметил [85, ч.I, с.54-57]:

- насильственное присвоение Мадатовым имений Мехтигулу-хана и его изгнание из ханства;
- покушение Мадатова на Джафаргулу-агу;
- присвоение Мадатовым недвижимости и движимости, скота и денег, а также самих гарабагских жителей.

Докладывая Николаю I о результатах ревизии Закавказского края, сенаторы П.И.Кутайсов и Е.И.Мечников отметили [85, ч.I, с.57-62]:

- Мадатов присвоил себе имения Мехтигулу-хана;
- от его имени составил два талага на некоторые имения Мехтигулу-хана;
- Мадатов заставлял жителей Гарабага безвозмездно работать на него;
- он принудил Мехтигулу-хана покинуть ханство;
- подтверждаем факты присвоения Мадатовым движимого и недвижимого имущества, денег и скота некоторых жителей Гарабага.

Таким образом, генерал А.П.Ермолов - герой Отечественной войны 1812 года и самозванный гарабагский бек и князь генерал В.Г.Мадатов заставили Мехтигулу-хана:

- передать В.Г.Мадатову десятки сел, кочевий с их населением, а также откупы;
- уйти в иранские пределы, чтобы не стать жертвой как и его отец Ибрагимхалил-хан.

В итоге, Гарабагские ханы лишились всего: своих территорий, доходов, подданных, собственного дома. Восстановить же статус-кво Гарабагского хана и Гарабагского ханства не удалось, т.к. Россия не была заинтересована в этом, ей нужны были зависимые области, а не самостоятельные государственные образования. Поэтому она, по условиям Туркменчайского договора 1828 года, твердо обосновалась на Южном Кавказе, в том числе в Северном Азербайджане, где все ханства оказались аннулированными.

4.4. Место Гарабагского ханства в истории Азербайджана и Кавказа

Среди 20 ханств самыми крупными, влиятельными и могущественными были Бакинское, Гарабагское, Губинское, Шамахинское, Шекинское и Урмийское, которые олицетворяли собой один из периодов независимости Азербайджана и оказали заметное влияние на историю страны и Южного Кавказа второй половины XVIII - начала XIX веков [133; 165, с.81-87; 199]. Это подтверждается как их внутренней, так и внешней политикой, характером их взаимоотношений с Российской, Османской и Иранской державами, которые в тот период соперничали между собой в борьбе за Южный Кавказ.

Гарабагское ханство сумело подчинить себе соседние земли, наладило союзные отношения с Картли-Кахетинским царством. Во второй половине XVIII - начале XIX веков Гарабагское ханство было одним из крупнейших государственных образований как Азербайджана, так и Кавказа.

Территория ханства, граничившего с Иранским государством, стала своеобразным буфером между Ираном и Российской империей, боровшимися за Южный Кавказ. В этой борьбе они старались привлечь Гарабагское ханство на свою сторону. В такой ситуации основатель и первый глава ханства Панахали-хан (1747-1763), затем его сын и преемник Ибрагимхалил-хан (1763-1806) с выгодой для себя использовали свое преимущество. Особенно преуспел в этом Ибрагимхалил-хан, почему российская сторона в официальной переписке, а также в Гарабагско-Российском Кюрекчайском трактате 1805 года именовала его ханом Гарабагским и Шушинским.

Паихали-хан сделал многое для обеспечения независимости своих владений. В этом заключается важное историческое значение и роль первого Гарабагского хана - выдающегося азербайджанского государя, дипломата и

стратега, о котором А.А.Бакиханов писал, что «Панах-хан храбрый и предприимчивый эмир, хотя в обхождении своем был прост и необразован, но имел большие природные способности» [56, с. 159].

За 16 лет своего правления (1747-1763) он не только создал обширное государство, но надежно его укрепил, сделал подлинно независимым и влиятельным в Азербайджане и за его пределами. С ним считались как соседние ханства, так и другие государства, в том числе Иранское. Его прямыми вассалами являлись владетельные албанские христианские мелики. Панахали-хан получил известность еще до создания своего государства, но полностью его способности выдающегося правителя и стратега проявились во главе независимого Гарабагского ханства.

Гарабагское ханство сыграло определенную роль в русско-иранских войнах 1804-1813 и 1826-1828 годов. Русская армия получала продовольствие и военную помощь от Гарабагских ханов. Гарабагская конница имела немаловажное значение в условиях, когда российская армия была представлена в обеих войнах только пехотой. Эту помощь особо отметили российские военные чины и историки, которые, в частности, писали о важном значении 4000 конников Мехтигулу-хана во второй русско-иранской войне [53, т. IV, док.193, с.130; док.845, с.565; док.856, с.571, т.V, док.203, с.137-139; 96].

О значимости Гарабагского ханства для российской политики на Южном Кавказе свидетельствует подписание между Шушой и Петербургом Кюрекчайского трактата 1805 года. Российская сторона пошла на его заключение с целью овладеть Южным Кавказом «мирным путем» и привлечь Гарабагское ханство на свою сторону в соперничестве с Ираном. Гарабагские ханы, в свою очередь, надеялись, что трактат оградит их государство от иранской агрессии.

Гарабагское ханство было единственным в Азербайджане государством, имевшим собственных вассалов - пять христианских меликств. Оно являлось абсолютной монархией и обладало основными признаками средневекового независимого государства:

- династией наследственных правителей;
- собственной администрацией;
- войском;
- столицей;
- высокопробным серебряным монетным чеканом;
- вело самостоятельную внутреннюю и внешнюю политику.

Гарабагское ханство - единственное в Азербайджане государство, которому посвящена серия исторических сочинений. Их авторами являются высокопоставленные ханские сановники - мирза, занимавшие важные административные посты. Интерес к Гарабагскому ханству до сих пор настолько велик, что посвященные его истории труды современников выдержали несколько изданий. Последнее по времени - сборник «Qarabağnamələri», (тома 1 и 2), опубликованный в 1989 и 1991 годах, что также является свидетельством и подтверждением важности Гарабагского ханства в истории Азербайджана и Кавказа. Вместе с тем главы этого ханства - Панахали-хан, Ибрагимхалил-хан и Мехтигулу-хан предстают нашему взору как патриоты своей Родины и выдающиеся государственные и военные деятели, дипломаты и покровители азербайджанской земли. Так:

- во время русско-иранской войны 1804-1813 годов Ибрагимхалил-хан оказал действительную помощь российской армии, не имевшей кавалерии. Весной 1806 года отправил на боевые позиции 1000 своих конников [103, т. II, с. 6];

- тогда же во всем Азербайджане оставался один только Гарабагских хан, который при всех усилиях иранских шахов им не покорился;

- в той же войне, наряду с гарабагцами, в составе российской армии участвовали 10 000 конников и 12 000 пеших азербайджанских ополченцев [172, с. 150];

- в русско-османской войне 1806-1812 годов принимали участие 3 700 азербайджанских конников, в том числе гарабагцы [172, с. 150];

- во время русско-иранской войны 1827-1828 годов Мехтигулу-хан повторил дружеский жест своего отца: в 1827 году в помощь российской армии, опять не имевшей кавалерии, он отправил 4 000 Гарабагских конников;

- по признанию А.П.Ермолова, которого никак нельзя причислить к «друзьям Карабага», «Конные пограничные караулы, составленные из азербайджанцев Карабагской провинции, после изгнания неприятеля (шла русско-иранская война 1827-1828 годов. - Ф.А.) из Ширванской и Шекинской провинции, были сведены в единое конное ополчение и направлены против иранских войск» [172, с. 106];

- участие гарабагских добровольцев в боевых действиях на стороне российской армии в обеих русско-иранских войнах отметил российский историк В.А.Потто [96].

О значении и месте Гарабагского ханства в событиях первой трети XIX века, связанных с деятельностью на Южном Кавказе Российской империи, свидетельствует также следующее. Хотя в 1822 году Гарабагское ханство было ликвидировано, последний его глава Мехтигулу-хан по-прежнему оставался в российском поле зрения. Вот почему русский военный историк и генерал В.А.Потто в своем многотомном труде «Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях», впервые увидевшем свет в 1880-е годы, уделил специальную главу Мехтигулу-хану [95, т.III, с.329-340. Цит. с некоторыми купюрами]:

«Возвращение Карабагского хана

Среди живших в Персии ханов, некогда владевших теми землями, которые отошли к России по Гюлистан-скому договору, выделялся своим влиянием и политическими связями Мехти-Кули-хан Карабагский. Когда, в 1826 году, персидские полчища вторглись в Карабаг, значение хана, имевшего на Родине много сторонников, возросло до самой высокой степени, до какой только оно могло достигнуть. Но Елизаветпольская победа в один момент превратила гордого хана в изгнанника, с той притом невыгодной разницей, что перед войной и сам он был полон надежд, и персияне возлагали на него надежды, а теперь его иллюзии были разбиты и влияние потеряно.

При таких обстоятельствах положение Карабагского хана в Персии, которая не могла не винить и его в возбуждении столь несчастной войны, становилось невыносимым. Ему естественно было склоняться к мысли - поискать более выгодных условий жизни на другой стороне Аракса, сблизившись с русскими. Такое настроение хана, конечно, не могло оставаться тайной в Тифлисе, и вот, еще во время пребывания на Кавказе Дибича, с ним начинаются переговоры относительно перехода на русскую сторону. Полагали, что с возвращением хана исчезнет главная причина пограничных смут, волновавших население, и Карабаг, умиротворенный внутренне, станет, напротив, обороной для лежащих позади его других мусульманских областей Закавказья.

Карабагом управлял в то время князь Иван Николаевич Абхазов, один из немногих, еще оставшихся в рядах Кавказского корпуса, героев Ленкоранского штурма. С доблестью солдата он соединял большие административные способности и возбуждал к себе нелицемерное уважение

всех, кто имел с ним дело; его слово ценилось высоко азиатами, и на обоих берегах Аракса верили ему безусловно. На этого человека и было возложено ведение переговоров с Мехти-Кули-ханом. Хан охотно вступил и переговоры, и соглашался не только вернуться в Карабаг, но брался перевести с собой все те племена, которые вместе с ним укрывались в горах Даралагеца и оттуда, в случае движения русских к Нахичевани, могли угрожать сообщениям Паскевича. С переходом в русское подданство этих племен, персияне теряли в них до четырех тысяч превосходной конницы, а Закавказский край получал, напротив, крепкую охрану для своей границы. Но что было всего удивительнее, так это то, что хан не ставил со своей стороны никаких условий, и в письмах к Абхазову просто отдавал себя на милосердие русского государя, прося лишь, чтобы ему разрешено было жить в Шуше, в доме, который когда-то принадлежал ему и его предкам. Таким миролюбивым настроением хана не хотели, однако, злоупотреблять: ему обещали возвращение генеральского чина, четыре тысячи червонцев пенсии и управление в Карабаге теми тремя-четырьмя тысячами семейств, которые он обещал вывести из Персии.

Когда договор был заключен, колонна из двух батальонов Козловского полка, четырех сотен казаков и двух горных орудий, под личным начальством генерала Панкратьева, выступила 27 мая из Джабраильских садов, где стояли тогда главные силы Карабагского отряда, и пошла через Ах-Углан, Шушу и Герюсы к Эрихлинскому ущелью, чтобы содействовать хану в переходе его на русскую сторону.

Один из участников этого похода подробно описал и живописную природу гор, через которые проходил отряд, и трудности, которые пришлось преодолевать ему. В поэтических чертах рассказывает он, между прочим, о последнем вечере, проведенном перед походом, в лагере, в Джабраильских садах.

Полный месяц еще бледно святил с высоты небес на горы Дагестана и на Муганскую змеиную степь, серебря вечерние туманы, которые в фантастических очертаниях клубились над Араксом, по всему протяжении его от Худоперинских теснин до Асландузского, иначе, Котля-ревского кургана, столь памятного персиянам по двум боевым заутреням, отпетым здесь русскими в 1812 году, под начальством героя Котляревского. А за Араксом, из-за прибрежных его высей, вдали теплился замирающим лучом уже зашедшего солнца один только ледяной череп великолепного Савалана. Направо, на серебряном поле заката, вырезывались черными зубцами вершины Саксагана и Зиарата, - исполинов живописного Карабага. В тылу

лагеря, по мелким погорьям извивалась дорога, ведущая в Россию, доброе, славное, великое отечество.

Среди этой чудной картины, в чудный южный вечер солдаты готовились к походу. Снялись с лагеря еще до солнечного восхода. Прохладной утренней зарей отряд успел выбраться из душного Черекенского ущелья, - и солнце застало его уже на высотах Кандалана, где зной сменялся горной прохладой. Первый ночлег войска имели в Чанахчи.

На другой день, разобрав по рукам горные единороги, отряд начал подниматься по горной лесистой тропе на высоты Саксагапа, оставляя в стороне, вправо, живописную Шушу. То поднимаясь на возвышенные кручи, то опускаясь в глубокие теснины, усталые войска добрались наконец, к полудню, до его вершин и были вполне вознаграждены за трудный переход великолепной картиной природы, раскинувшейся перед взорами их на все четыре стороны. На север, из-за тушинских твердынь, синели снеговые выси Кавказа; на восток простилалась необозримая Муганская степь, сливавшаяся в синеве дали с водной равниной Каспия; на запад картина обрамлялась, как резьбой, горами Даралагеца, на хребте которых, как три окаменелые всадника, вздымались исполины Сальварти, Эрихли и Клисали; на юге беспорядочной толпой скучивались горы (Южного) Азербайджана, и среди них вставал громадный Савалан, блистая ледяным своим шлемом, опущенным белыми, как перо страуса, махровыми облаками. Справа, из глубины ущелья, смотрело небольшое, но чрезвычайно красивое селение, Карагаралы, с его фиолетово-розовыми саклями и башенками, то погружаясь в воздушный поток клубившегося тумана, то снова выплывая на млечную его поверхность. Сама вершина Саксагана, на которой остановились войска, была покрыта голыми утесами, поросшими кое-где вековыми огромными соснами; соломенные курени постовых казаков и живописный бивуак русского отряда дополняли собой роскошную картину. Недоставало в ней только волн океана, чтобы соединить всю возможную красоту природы и довершить очарование. Недоставало еще Сальватора Розы (Итальянский живописец XVII века, автор романтических пейзажей. Прим. наше. - Ф.А.), который своей волшебной кистью перенес бы на полотно этот изумительный горный пейзаж Карабага.

Гуськом начали войска спускаться по тропинке, едва проторенной и лепившейся по утесам, высящимся над безднами. «Проезжаешь такие места, скрепя сердце и удерживая дыхание, которое, вырываясь из груди, кажется, в состоянии, как вихрь урагана, сорвать тебя, вместе с конем, с утеса, на котором пробиты копытами ступени, -говорит очевидец. - Конь непременно должен ступать верно в эти каменные полированные гнезда, - в противном

случае, ни он, ни всадник более не жильцы здешнего мира, а даровая добыча шакалам и орлам нагорным»...

К позднему вечеру, преодолев трудный путь и перейдя по деревянному мосту быструю каменистую реку Ах-Карачай, отряд остановился для ночлега на правом берегу ее, на том самом месте, где за год перед тем Аббас-Мирза, большей частью своей армии, опрокинулся на батальон Назимки.

Отсюда, за Ах-Карачайским ущельем, начинается уже возвышенная равнина, и в одном из глубоких оврагов, которыми она перерезана, притаилась бедная деревня Горонсуры. Здесь нашего рассказчика поразила одна случайная встреча, глубоко запавшая ему в душу и рисующая трагическую судьбу человека в этих странах, где так мало обеспечена была человеческая жизнь. «При самом входе в деревню, - говорит он, - я встретил молодую женщину, стоявшую с кувшином у каменного придорожного водоема. Взглянув на меня, она вскинула кувшин на плечо и быстро, как джейран, взбежала на скалу к своей сакле. Я спросил о ней переводчика, и он, как уроженец Горонсуры, рассказал мне много подробностей: она дочь тамошнего мелика, которому Аббас-Мирза в прошлом году приказал выколоть глаза за то, что в его магале не нашлось достаточного количества ячменя для конюшни шах-заде; теперь живет она со слепым отцом своим. Долго стоял я и смотрел на саклю, где скрылась молодка; а когда догнал ушедший отряд и оглянулся, Горонсуры потонули уже в своем глубоком овраге, и нал ним высоко в небе, широкими кругами, носился хищный коршун»... Зловещая птица как бы предсказывала драму, уже готовую совершиться.

Ночевали в этот день в знаменитых Герюсах, расположенных в тесном и живописном ущелье; затем, 30 мая прошли гремучую, богатую форелью, реку Базар-Чай миновали пустое, издавна оставленное жителями селение Ангеля-Юрт, и к полудню достигли, наконец, Ах-Караван-Сарая, крайней цели экспедиции. Здесь Панкратьев должен был ожидать приезда Мехти-Кули-хана. Ах-Караван-сарай находится на высотах, широким гребнем своим связывающих между собой Сальварты на юге и Эрихли на севере. Там, на этом гребне, поднимается довольно высокая и широкая в своем основании известковая коническая гора, в которой высечена пещера, могущая дать приют во время непогоды небольшой цепи лошаков с их вьюками и жожаками. Вот эта-то пещера и носит собственно название Ах-Каравай-Сарая. На этой точке - перевал из Карабага в Нахичевань. Вид отсюда, особенно вдоль Эрихлинского ущелья, живописен, хотя дик и пустынен; долина Аракса с возвышенного места отсюда видна как на ладони.

Пока отряд делал привал, сотня казаков и двадцать конных жителей, под начальством автора этих воспоминаний, посланы были осмотреть Эрихлинское ущелье, сделать съемку, а если можно будет, достать языка в селении Кара-Бабе и разузнать о неприятеле, особенно собрать сведения о крепости Аббас-Абаде, тогда еще бывшей в руках персиян. Медленно, с большими затруднениями углублялся небольшой конный отряд по нагорной тропе в ущелье и через час спустился на речку Кара-Бабу. Вырываясь из тесны с вершин Эрихли, с ревом и грохотом бросает она свои волны и пену через пороги обрывистого каменистого русла, и только уже далеко впереди се становится более ровным, спокойным. Отряд нашел, однако же, безопасный брод и переправился на правый берег. Раздвинувшееся ущелье скоро открыло перед ним селение Кара-Бабу. Оно стояло на возвышенной отлогой поляне и издали казалось небольшим, обнесенным стеной редутом, с торчащими по углам его башенками. Гам можно было ожидать присутствия неприятеля, а потому отряд остановился и послал вперед, на разведку, небольшую легучую партию. Казаки, доскакав до селения, начали махать отряду руками и, в знак грозной, молчаливо и угрюмо стоявшей твердыни, водружали на ее стенах донскую пику, накрытую шапкой. «Если такой знак походил более на геодезическую вежу, нежели на бедную орифламму (в Средневековой Франции - *итандарт*, знамя короля. Прим. наше. - Ф.А.), замечает рассказчик, - мы в том не были виноваты, - простым рекогносцировкам орлов не доверяют».

Уже последние лучи заходящего солнца золотили высоты Ах-Караван-Сарая, когда возвращавшаяся назад рекогносцировочная партия стала подходить к русскому лагерю и увидела в нем необычное движение. Приехал Мехти-Кули-хан Гарабагский. Его встретили с почестью и тотчас провели в палатку генерала Панкратьева. Пока они беседовали, в стороне, недалеко от бивуака, разбили для него огромный шатер, а далее шумным табором расположилась многочисленная ханская свита. Мехти был уже старик лет шестидесяти, с короткой и редкой седой бородой, с тусклыми, безжизненными глазами; высокий и худощавый, он отличался, однако, гордой осанкой, усвоенной им еще в то время, когда он был действительным повелителем Карабага.

Персияне неохотно выпускали Мехти-Кули-хана из своих рук. Он сам успел ускакать от погони, но весь обоз его был отбит, а семейство обязано спасением только необычайной отваге приверженного к нему Алибека. Видя, что персияне уже настигают, отважный бек, несмотря на половодье, дерзко бросился в волны Аракса и успел переправить ханское семейство прежде, чем враги доскакали до берега. Все имущество самого

Али-бека, - как говорят, тысяч на шестьдесят, - осталось в ханском обозе и взято неприятелем.

Наступила темная ночь. Тучи заволокли и небо, и русский отряд, бивуакировавший на высотах Ах-Караван-Сарая, - как вдруг, часов в десять вечера, ударили подъем. Получено было известие, что неприятель в значительных силах переправляется близ Маральяна на русскую сторону. И так как войскам, стоявшим в Джабраильских садах, предстояло, быть может, выдержать упорную битву, то Панкратьев должен был спешить к ним на помощь форсированным маршем.

В непроницаемой мгле, накрывшей солдат, «как инквизиторским капюшоном», по выражению рассказчика, нельзя было различить дорогу, и отряд двигался ощупью вслед за проводником-татаринном, который на белой лошади ехал впереди. А между тем дождь превратился в ливень; гигантские молнии, рассекая небо, опоясывали отряд огненными лентами; гром грохотал беспрерывно и сливался по временам в один нескончаемый оглушительный рокот. Лошади вздрагивали; люди скользили и падали. На каждом шагу грозила опасность оборваться в бездну, которая, при блесках молнии, показывала с левой стороны свою черную зияющую пасть. А грозный Сальварти, как горный дух, сопровождал отряд справа, выставляя из-за туч мрачное чело свое, увитое перунами.

По счастью, гроза скоро начала затихать, тучи быстро мчались на юг. Вот и небо распахнулось уже синим куполом, с мириадами звезд и полным месяцем. Выбравшись из душного ущелья, войска увидели перед собой Горонсурскую равнину, покрытую густым черным дымом. Еще несколько шагов вперед, - и стало ясно, что горит степь. Пожар с невероятной скоростью обнял почти все видимое пространство, и русская артиллерия уже с трудном переехала через выжженное поле, ежеминутно опасаясь за свои зарядные ящики.

Горонсуры Панкратьев нашел в тревоге и смятении: там только-только что были персияне, и одна из их уходивших партий виднелась еще на горизонте. «Невольно вздрогнул я и вспомнил зловещую птицу, - рассказывает автор этих воспоминаний. - И предчувствие мое оправдалось: хищный коршун схватил голубку!.. Мы узнали от жителей, что персияне, вероятно, переправившиеся через Араке из Ур-дабала или Мигри, всего за несколько часов до нашего прихода, сделали набег па селение, разграбили в нем несколько саклей, убили старого, слепого мелика и увезли его бедную дочь. Сердце мое облилось кровью при этой весте... я видел и несчастного мелика, обезображенный и неприбранный чруп которого еще лежал на окровавленном помосте его разграбленной сакли. Генерал немедленно

отрядил пятьдесят казаков в погоню за хищниками. Казаки доскакали до Ахкарачайских ущелий и вернулись ни с чем; один из них во время погони поднял только красное покрывало и привез его в лагерь. Это было покрывало дочери мелика; я его узнал и купил у донца на память за два червонца»:

Паскевич был чрезвычайно доволен возвращением карабагского хана, приветствуя это событие как одно из важнейших. В своем увлечении он перенес и на самую личность Мехти горячие симпатии. «Кроткий характер его, - писал он Дибичу, - так мало сходствует с хвастливой кичливостью его единоземцев, что нельзя не принять в нем участия». Хан, со своей стороны, действовал весьма политично: он не предъявлял никаких неуместных требований, не прибегал ни к каким изворотам, чтобы казаться правым в своих отношениях к России, и позволил себе лишь некоторые намеки на прежнее, незаслуженное с ним обращение, которое, будто бы, побудило его удалиться в Персию, - но об этом он желал говорить только лично с Паскевичем. Подкупала Паскевича и надежда извлечь особую выгоду из родственных связей Карабагского хана, через которые он думал вступить в сношения с Тавризом и Тегераном. Хан, увидевшись с главнокомандующим в Нахичевани, поддерживал в нем эти надежды и не скупился на обещания; но чем он особенно обворожил его - это непрерывным повторением, что безусловно предает себя милосердию государя и ничего не требует. «Я полагаю, однако, не совместным с достоинством и славой императора, - писал по этому поводу Паскевич графу Нессельроде, - если бы хан Карабахский превзошел наше правительство в великодушных поступках». По мнению его, услуги Мехти-хана были важны, доверие его к России так велико, а отторжение от персиян трех тысяч воинственных семейств наносило им такой чувствительный вред, что он получал бесспорное и полное право на уважение. И Паскевич торопил министерство, как можно скорее испросить высочайшее соизволение на милости, которые обещаны хану. «Это только одно, - писал он, - и может восстановить доверие к русскому правительству, которое по эту сторону Кавказа в последнее время (то есть при Ермолове) крайне поколебалось». И в Петербурге, действительно, торопились. Приведенное письмо Паскевича, судя по времени, еще не могло прийти, а условия с ханом были уже утверждены, и главнокомандующему оставалось только вручить ему высочайшие грамоты и царский подарок.

Возвращение карабагского хана, и затем личные беседы его с Паскевичем послужили последнему поводом лишь к новым обвинениям знаменитого предместника его, Ермолова, и в особенности ненавистного ему князя Мадатова.

Со своей стороны и Мехти-Кули-хан, осторожно исследуя почву, постепенно все более и более старался воспользоваться расположением к себе главнокомандующего и, раз убедившись в его сочувствии, написал письмо, в котором обвинял Мадатова в захвате у него угрозами и силой почти половины карабагских земель, жаловался на Ермолова, покровительствовавшего этим захватам, и побег свой в Персию объяснял необходимостью спасти свою жизнь, которой угрожали Ермолов и Мадатов. Паскевич тотчас сообщил подобные жалобы министру иностранных дел, прося довести до высочайшего сведения. «Гонения, претерпенные Мехти-Кули-ханом, - писал он, - были устроены и приведены в действие с таким бесстыдством обмана и неправосудия, что нет ни одного голоса, который не свидетельствовал бы в пользу гонимого». Паскевич находил даже, что строгая справедливость требовала бы возвращения хану в управление Карабагской провинции; требовал суда над теми, кого считал виновными в пристрастных и преступных действиях против хана. «Нужен непременно, - писал он, - хотя один торжественный акт правосудия, чтобы смыть с характера русских начальников те пятно и мрачные краски, которые навели на него поступки отважнейшего корыстолюбца»...

Мехти-Кули-хан спокойно дожил свой век частным человеком в той самой Шуше, где некогда был неограниченным повелителем.

Нелишнее сказать, что вернулся в Карабаг, несколько позднее Мехти-Кули-хана, и его племянник, Джафар-Кули-ага, некогда наследник Карабагского ханства, игравший крупную историческую роль в судьбах своей Родины. Сосланный в Симбирск Ермоловым, он еще при жизни императора Александра выхлопотал себе позволение жить в Петербурге, где воспитывались его сыновья, а один из них, Керим, уже служил в лейб-гвардии уланском полку. Когда Ермолов удалился с Кавказа, Джафар просил позволения вернуться туда, чтобы служить в действующей армии. В 1830 году ему позволили вернуться в Карабаг, и он так же, как Мехти-Кули-хан, дожил свой век на Родине частным человеком.

Один из путешественников, видевший Джафара в 1857 году, говорит, что это был уже маститый старик, но что и тогда еще поражало его красивое, типичное лицо, оттененное окладистой бородой, и колоссальная фигура, согбенная летами, но говорившая, что в этом теле было прежде много жизни и силы. Степенность его спокойных движений, его осанка и рост - все выделяло из толпы почетных беков, гоже рослых и видных людей, тоже выглядевших не простыми татарами. А на Востоке высокий рост и важная осанка служат признаками хорошей крови и аристократизма. Это была одна

из тех крепчайших человеческих натур, которую не в силах были сломить обстоятельства и едва одолевали годы».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исследование истории Гарабагского ханства, сыгравшего важную роль в политической, военной и социально-экономической жизни

Азербайджана второй половины XVIII - начала XIX веков, дало возможность проследить закономерности и особенности развития азербайджанских государственных структур - ханств в целом, вышеупомянутого в частности. Данное ханство выделялось среди остальных значимостью, влиянием, территорией, внутренней и внешней деятельностью своих правительств. Поэтому наше обращение к истории Гарабагского ханства не случайно, а является закономерным следствием многих факторов, которые можно квалифицировать как исторические, геополитические, локальные, региональные и международные. Все это позволило прийти к следующим главным выводам.

1. Гарабагское ханство, как независимая политическая структура, представляло собой значительное, могущественное, влиятельное местное государство на Южном Кавказе в изучаемый период. Его главы принадлежали к плеяде выдающихся политических, дипломатических, военных деятелей своего времени. В этом кроется одно из объяснений, почему только Гарабагскому ханству и его владетелям посвящена серия «Гарабагнаме», авторами которых являются современники, очевидцы и высокопоставленные государственные сановники этого азербайджанского государства.

2. История Гарабагского ханства содержит основные элементы создания, существования и эволюции других аналогичных политических структур региона. Поэтому его история логично и закономерно экстраполируется на территорию всего Южного Кавказа. В данном случае имеется в виду наличие династии независимых ханов, столицы и административного устройства, войска и монетного чекана и территории и самостоятельной внутренней и внешней политики, а также вассалов.

3. Гарабаг - одна из зон обитания древнего человека, один из важнейших ремесленно-торговых, хозяйственных и культурных центров Южного Кавказа.

4. Кризис Афшарского государства Надир-шаха ближе к середине XVIII века, охваченного повсеместно народно-освободительным движением против иранского засилья, убийство в 1747 г. самого шаха явились основной причиной образования 20 независимых и полунезависимых государственных образований в Азербайджане - ханств. Кроме того, наличие в Азербайджане опыта государственных структур, также было подспорьем трансформирования их в самостоятельные и независимые ханства, в том числе Гарабагское.

5. Гарабагское ханство на протяжении всего периода своего активного существования вело самостоятельную внутреннюю и внешнюю

политику. Так было при созда теле и первом главе ханства - Панахали-хане (1747-1763), при его сыне и продолжателе Ибрагимхалил-хане (1763- 1806). Они заложили и развили основы гарабагской государственности, покончили с сецессионными устремлениями своих вассалов - албанских христианских медиков. При этих ханах Гарабагское ханство представляло собой монолитную политическую систему, отлаженный государственный механизм, обладало главными атрибутами независимого государства.

6. В номинальной зависимости от Гарабагских ханов находились временами некоторые азербайджанские ханства, в частности Гянджинское, Иреванское, Шекинское и Шамахинское; среди их союзников были Аварское ханство в Дагестане, Джаро-Белоканское вольное общество, Картли-Кахетинское царство.

7. Благодаря государственному и дипломатическому таланту Панахали-хана и Ибрагимхалил-хана с Гарабагским ханством считались Российская, Османская и Иранская державы, соперничавшие между собой в борьбе за Южный Кавказ.

8. Российская империя во время русско-иранской войны 1804-1813 годов использовала в собственных интересах военный потенциал и территорию Гарабагского ханства. Овладев после 1805 года этим азербайджанским ханством, Петербург использовал для развития российской промышленности богатства Гарабага, в том числе дефицитные в России шелк-сырец, хлопок и естественные красители.

9. Ранее в исторической литературе однозначно утверждалось, что Кюрекчайский трактат 1805 года выражал пророссийскую ориентацию Ибрагимхалил-хана. Ныне имеется возможность доказать, что этот документ является подтверждением паритетных взаимоотношений между двумя субъектами международного права – Гарабагским ханством и Российской империей. Подписывая трактат, Ибрагимхалил-хан преследовал цель - сохранить независимость Гарабагского ханства в сложной геополитической ситуации, когда Россия, Иран и Османская империя, а также Великобритания и Франция вели между собой борьбу за Южный Кавказ, в том числе за Азербайджан.

10. Гарабагское ханство имело довольно хорошо развитое сельское хозяйство, ремесленное производство, внутреннюю и внешнюю торговлю. Их основу составляли зерноводство, шелководство, хлопководство, скотоводство, естественные красители, садоводство. Далеко за пределами Азербайджана были известны гарабагские кони. Все это во многом способствовало хозяйственному сближению с соседними ханствами,

усилению связей с Российским, Иранским, Османским и западноевропейскими государствами.

11. Современные западные политологи считают: «действия армян против своих мусульманских сюзеренов начались в период русского вторжения в восточные Кавказские ханства в 1796 году. Когда вторглись русские войска, армяне - ханские подданные - стали играть роль шпионов. К примеру, армяне предоставили русским планы водного снабжения Дербенда, сделав возможным, таким образом, падение города. Армянские вооруженные отряды воевали на стороне русских при захвате мусульманских ханств. Армянский архиепископ Аргутинский-Долгоруков в 90-х годах XVIII века говорил в своих проповедях, что его страстным желанием является то, чтобы Россия положила конец мусульманскому владычеству над армянами на всех завоеванных территориях. Желание архиепископа исполнилось... После захвата ханств царские чиновники стали поощрять армянскую иммиграцию в новые владения Российской империи, увеличивая, таким образом, христианское население. *(Одной из областей армянской иммиграции стало Карабагское ханство, территория которого и по сей день остается камнем преткновения в армяно-тюркских отношениях.)* Однако вплоть до 1820-х годов армянская иммиграция не носила массового характера» [193, с.33-34].

12. Однако изучение истории Гарабагского ханства важно не только вследствие вышеизложенных причин, но и не менее актуально именно сегодня, сейчас, ибо межгосударственные и межэтнические коллизии и конфликты на постсоветском пространстве, в том числе на Южном Кавказе, наложили свой отпечаток не только на прошлое стран этого субрегиона. Здесь достаточно отметить, что наше исследование подтверждает:

- беспочвенность притязаний арменистов на Гарабаг и его прошлое;
- развенчивает их попытки доказать, что армянский этнос всегда присутствовал на Гарабагской земле;
- продемонстрировать, как постепенно Российская империя в целях завоевания Южного Кавказа, в особенности Азербайджана, различными путями проникала в регион, подчинив местные ханства, в том числе Гарабагское;
- показать, как и для чего российские власти использовали для достижения успеха на южном направлении своей экспансии разные средства - мирные и немирные, этнические и политические, конфессиональные и геостратегические.

13. Вместе с тем наше исследование объективно способствует расширению информационного поля Гарабагской проблемы на уровне мирового сообщества.

14. История Гарабагского ханства состоит из нескольких этапов, каждый из которых имеет свои особенности:

- *первый* - 1747-1763 годы - период образования ханства, правление его создателя Панахали-хана;

- *второй* - 1763-1805 годы: период могущества, максимального территориального расширения и влияния Гарабагского ханства при Ибрагимхалил-хане, превратившегося в одно из значительных государственных образований Южного Кавказа; правление хана совпало с российским проникновением на Южный Кавказ началом процесса завоевания Азербайджана;

- *третий* - 1805-1806 годы: подписание Гарабагско-Российского Кюрекчайского трактата 1805 года, положившего конец независимости Гарабагского ханства и ставшего началом процесса фактической ликвидации этого азербайджанского государства. 1805-1806 годы были переломным этапом в истории не только Гарабагского ханства, но и вообще ханств Азербайджана; фактического установления в ханстве российского военно-командатского управления. Таким образом, формально оставаясь после 1805 года независимым, Гарабагское ханство постепенно все больше утрачивает суверенитет, что было связано с российскими *военными* (а не гражданскими) чинами, которые, выполняя указы официального Петербурга, повели активную немирную и дипломатическую деятельность по овладению северными ханствами Азербайджана;

- *четвертый* - 1806-1822 годы: при Мехтигулу-хане почти все северные ханства Азербайджана находились во власти управляющего мусульманскими провинциями Южного Кавказа российского генерала армянского происхождения В.Г.Мадатова, при котором велась активная деятельность по окончательной ликвидации остатков независимости Гарабагского ханства, в связи с чем стал уходить, в знак протеста, Мехтигулу-хан из собственных владений;

- *пятый* - 1822 год: формальная ликвидация Гарабагского ханства, существовавшего после 1805 года лишь де-юре и теперь превращенного в одноименную провинцию Российской империи, активным исполнителем чего стал главноначальствующий Грузии, командир Отдельного Кавказского корпуса генерал А.П.Ермолов.

Таким образом, Гарабагское ханство занимало заметное место в истории Азербайджана и Южного Кавказа:

- оно стало важным элементом в политической структуре страны;
- доказало существование в стране условий для самостоятельного государственного развития;
- оказало влияние на историю Азербайджана и Южного Кавказа.

Qarabağ xanlığı

XÜLASƏ

Qarabağ kəliməsi qədim türk dilində məcazi mənada «bağ torpağı», «bağ ölkəsi», «üzümlük ölkəsi» anlamını bildirir. Azərbaycan tarixinə tətbiqən bu kəlimə ilk dəfə XII əsrdə Hülakü ilxanilərinin məşhur sahib vəziri Rəşidəddin tərəfindən işlədilmişdir. Kəlimə Kürə Araz arasındakı ərazini, yəni özündə Qafqaz Albaniyası Azərbaycan dövlətinin 11 tarixi vilayətlərindən 5-ini birləşdirən - Arsax, Sunik, Udi, Sakasena, Paytakaranı bildirir. Burada Gəncə və Bərdə, Şəmkir və Şuşa, Ağdam və Beyləqan, həmçinin çoxlu sayda qalalar, o cümlədən mühüm əhəmiyyət kəsb edən Bəyazət və Yunan, Ləmberan və Bayat, Şahbulaq və Zəhəm, Qandzasar və Xaçın, Çiləbörd və Gülistan kimi qalalar yerləşirdi. Qarabağdan ümumi uzunluğu 45 fərsax (təqribən 300 km) olan mühüm ticarət yolları keçirdi, onlar bu tarixi ərazinin ən önəmli şəhər və kəndlərini bir-birinlə, eləcə də bütün Azərbaycanla və digər ölkələrlə birləşdirirdi.

Qarabağ torpağında XVIII əsrin birinci yarısındanək müxtəlif siyasi və inzibati vahidlər, o cümlədən Alban çarlığı, Böyük Alban knyazlığı, Xaçın knyazlığı, Qarabağ bəylərbəyliyi, XVIII əsrin ikinci yarısından XIX əsrin əvvəlindənk Qarabağ və Gəncə xanlıqları mövcud olmuşlar.

Qarabağ xanlığının (1747-1822) ərazisi bütün tarixi Qarabağı əhatə edirdi: şimal-şərqdə Kür çayından cənub-şərqdə Araz çayınadək və şimal-qərbdə Murov dağınadək cənub-şərqdə isə Zəngəzuradək əhatə edirdi; başqa sözlə burada Kürə Araz arasındakı ərazi, şərqdə bu çayların qovuşduğu yerdən qərbdə Zəngəzuradək ərazilər daxil idi. Xanlığ Şəki, Gəncə, İrəvan, Naxçıvan, Qaradağ, Cavad və Şamaxı xanlıqları ilə həmsərhəddi idi.

Qafqaz hələ qədimdən, dünyada ən tanınmış politoloq alimlərdən biri X.S.Makkinderin ifadəsi ilə desək, «Hartlend»lərdən («Özük torpaq», «Orta torpaq») biridir. Başqa sözlə Qafqaz dünyanın coğrafi mərkəzlərindən biridir. Bunu söyləməyə çoxlu əsas var. Birincisi, əgər coğrafi xəritəyə nəzər salsaq, ilk baxışda görmək olar ki, Qafqaz diyarı Avrasiya məkanında bərtəzdir. İkincisi, buradan Qərblə Şərqi və Şimalla Cənubu birləşdirən marşrutlar keçir. Üçüncüsü,

ona görə də dünya imperiyaları və müxtəlif tayfalar, səyyahlar və tacirlər, alimlər və missionerlər, coğrafiyaçılar və kulturtreqlər məhz buraya can atmışlar. Dördüncüsü, diyar öz təbii sərvətlərilə, bol flora və faunası ilə diqqəti cəlb etmişdir.

Qafqazda hartlənmiş və bu günə kimi Azərbaycan olmuşdur: onun təbii resursları başqalarından daha zəngindir, əhalisi sıxdır, əlverişli yollara, həmçinin zəruri infrastrukturlara malikdir.

Bu bərəkətli torpaqda bizim tədqiqat obyektimiz olan Qarabağ xanlığı mövcud olmuşdur.

Yeri gəlmişkən, Qarabağ xanlığı Gəncə, Bakı, Urmiya, Şəki, Quba xanlıqları ilə birlikdə Azərbaycanda XVIII əsrin ikinci yarısında XIX əsrin əvvəlində mövcud olmuş əhəmiyyətli və qüdrətli siyasi strukturlara mənsub olmuşdur. O zaman tanınmış 20 müstəqil Azərbaycan xanlıqları içərisində yalnız adı çəkilən xanlıqlar dövlətçiliyin əsas atributlarına malik idilər: onların öz inzibati strukturları və ordusu, sikkəxanası və irsi sülalə hakimləri-xanları olmuş və onlar müstəqil xarici və daxili siyasət yeritmişlər. Onlar XVIII əsrin ikinci yarısında Azərbaycanın tarixinə və siyasətinə önəmli təsir göstərmişlər.

Təsədüfi deyil ki, amerikalı azərbaycanşünas T.Sventoxovski Azərbaycanın tarixində bu dövrü müstəqillik zamanı adlandırmışdır.

Qarabağın həm orta əsrlər, həm də müasir tarixi həmişə bir çox həm Azərbaycan, həm rus, qərb və şərq tarixçilər nəslinin ciddi diqqət obyektinə olmuşdur.

Qarabağ xanlığı müstəqil dövlət idi, belə ki, onun başçısı qeyri-məhdud hakimiyyətə malik olmuş, yəni özü mütləq monarx olmuşdur. Paytaxtı Şuşa idi, burada xan, onun ailəsi və ən yaxın qohumları, yaxın əyanlar, məmurlar, tacirlər, ali müsəlman ruhaniləri, həmçinin çoxlu sayda sənətkarlar, xırda tacirlər və şəhər əhli yaşayırdı. Burada həm də xanlığın əsas təsisatları, hərbi qarnizonu, sikkəxana yerləşmişdir. Şəhərin mərkəzində xan sarayı, baş məscid, vəzirin və yüksək məmurların iqamətgahları, əyanların, tacirlərin evləri, inzibati binalar, mədrəsə yerləşmişdir.

Azərbaycan xanlıqlarının, o cümlədən Qarabağ xanlığının əhalisi üçün iyerarxik struktur xas olmuşdur. Cəmiyyət iki təbəqəyə bölünmüşdür. Birinci təbəqə xanlardan, sultanlardan və bəylərdən onların ailələrindən, əyanlardan və müxtəlif rütbəli sərkərdələrdən, ordu başçılarından, yuxarı ruhanilərdən, məmurlardan, tacirlərdən və sənətkarlardan ibarət istismarçı təbəqə idi. Digər təbəqə, yəni istismar olunan təbəqəyə, kəndlilər, sənətkarlar, sırayi ruhanilər, şəhərlilər və döyüşçülər, «bazar əhli», yəni xırda pərakəndə satış tacirləri, şəhər yoxsulları daxil olmuşlar. Bu təbəqə əhalinin böyük əksəriyyətini təşkil etmişdir.

Rusiya və Qafqazla əlaqədar qeyd edilməlidir ki, IV İvan Qroznudan (1533-1584) başlayaraq rusiya ekspansiyasının dörd istiqaməti müəyyənlanmışdır: Cənub, Qərb, Şərq və Şimal. Bütün dörd istiqamətdə Rusiya «təbii hüdudlara» nail olmağa çalışmışdır.

Qafqazda, o cümlədən Zaqafqaziyada möhkəmləndikdən sonra Rusiya imperiyası öz rəqibləri olan Osmanlı imperiyasının və İran dövlətinin buraya yolunu bağladı. Öz müvəffəqiyyətini möhkəmləndirmək üçün onlarla dəfələrlə döyüş meydanlarında silah oynatmalı olmuşdur. Bunu demək kifayətdir ki, Qafqaz və onun ətrafı, Qara dəniz və Xəzər uğrunda 12 Rusiya-Osmanlı (Birinci Dünya müharibəsi də daxil olmaqla) və iki Rusiya-İran müharibəsi baş vermişdir.

Deyilənlə bağlı qeyd edilməlidir ki, Cənub istiqamətində o dövrdən bu günədək Balkandan Qara dəniz vasitəsilə Qafqaz tərəfindən Mərkəzi Asiyaya qədər (Mərkəzi Asiya da daxil olmaqla) geniş məkan əhatə edən «Rusiya qövüsü» mövcuddur.

Dövlətlərarası və etnoslararası münasibətlər geosiyasətin permanent (arasıkəsilməz) və aktual problemlərindəndir. Qafqazın bu günədək həll olunmamış geostrateji problemləri içərisində artıq 200 ildir ki, həm də bərabər tərəfli olmayan «Rusiya-Azərbaycan-ermənlər» üçbucağındakı qarşılıqlı münasibətlər gündəlikdə qalmaqdadır.

Bu fiqurda bugün artıq XIX əsrin əvvəlindən geosiyasi nifaqa çevrilmiş Qarabağ mühüm tərkib hissəsi kimi çıxış edir ki, bu da ilk növbədə XVIII əsrin ikinci yarısında və XIX əsrin əvvəlində iki beynəlxalq hüquq subyektləri -Qarabağ xanlığı və Rusiya imperiyası ilə bağlı olmuşdur.

XIX əsrin əvvəli həm Qafqaz xalqlarının, həm də bu zəngin diyari fəth etməyə can atan böyük dövlətlərin və iri regional dövlətlərin tarixində dönüş mərhələsi olmuşdur. Tədqiq edilən dövrdə Qarabağ xanlığı ilə bu və ya digər dərəcədə bağlı olan əsas xarici fiqurlar üç böyük dövlət -Rusiya, Osmanlı imperiyası və İran dövləti idi.

XIX əsrin əvvəli üçün Rusiya dövləti onun digər dövlətlərlə rəqabət aparmaq imkanı verən böyük hərbi potensiala malik idi. Ona görə də Peterburqun xarici siyasətində geostrateji vəzifələr daha dəqiq müəyyənəlməyə başlayır.

Nəticədə, 1805-ci il mayın 14-də Kürəkçayın sahilində, Gəncənin yaxınlığında Kürəkçay traktatı kimi məşhur olan və Qarabağ xanlığının Rusiya tabeliyinə keçməsinə təsdiq edən sənədin imzalanması mərasimi keçirilmişdir.

Bu sənədin tarixi əhəmiyyəti böyükdür, baxmayaraq ki, birmənalı deyil. Birincisi, o, Azərbaycanın müstəqil şimal xanlıqlarının «dinc yolla» ləğv olunmasının əsasını qoydu. İkincisi, Rusiyaya xanlıqların ərazilərini və hakimiyyətlərini özünə «az qurban verməklə» tabe etdirilməsinə kömək etmiş oldu. Üçüncüsü,

Rusiyanın XIX əsrin üçüncü rübündə İran və Osmanlı dövlətlərilə apardığı müharibələrdə uğur qazanmağa az kömək etmədi.

Qarabağ xanlığı Azərbaycanda yeganə xanlıq idi ki, Craberd, Gülistan, Xaçın, Varand və Dizak məliklərindən ibarət beş vassalı var idi. XVIII əsrin ikinci yarısı və XIX əsrin əvvəlində Azərbaycanın siyasi, hərbi və şimal iqtisadi həyatında mühüm rol oynamış Qarabağ xanlığının tarixinin tədqiqi bütövlükdə ölkənin inkişafını qanunauyğunluğunu və xüsusiyyətlərini izləməyə imkan vermişdir.

Bu xanlıq digər xanlıqlar içərisində öz əhəmiyyətilə, tarixi, ərazisilə, öz hakimlərinin daxili və xarici fəaliyyətilə seçilmişdir. Ona görə də Qarabağ xanlığının tarixinə müraciət etməyiniz bir çox həm tarixi, geosiyasi, həm də lokal, regional və beynəlxalq faktorların qanunauyğun nəticəsidir. Bütün bunlar əsas nəticələrin çıxarılmasına imkan vermişdir.

Qarabağ xanlığı müstəqil siyasi struktur kimi orta əsr Qafqazının önəmli, qüdrətli, nüfuzlu yerli dövləti olmuşdur. Onun hakimləri öz dövrünün görkəmli siyasi, diplomatik, hərbi xadimləri nəslinə mənsub olmuşlar.

Qarabağ xanlığı Qafqazın yerli orta əsr dövlətlərinin öyrənilməsi üçün etalondur. Onun tarixi özündə regionun digər analoji siyasi strukturlarının yaranmasının, mövcudluğunun və təkamülünün əsas elementlərini ehtiva edir. Buna görə də Qarabağ xanlığının tarixi məntiqi və qanunauyğun olaraq bütün Qafqazın ərazisinə şamil oluna bilər.

Qarabağ xanlığı özünün fəal mövcudluğunun bütün dövrü ərzində müstəqil daxili və xarici siyasət yeritmişdir. Belə siyasət xanlığın yaradıcısı və ilk hakimi Pənahəli xan (1747-1763), onun oğlu və davamçısı İbrahim Xəlil xan (1763-1806) vaxtında həyata keçirilmişdir. Onlar Qarabağ dövlətçiliyinin əsasını qoymuş və inkişaf etdirmiş, öz vassallarının - xırda sahibkar maliklərin mərkəzdən ayrılmaq cəhdlərinə son qoymuşlar. Onların zamanında Qarabağ xanlığı monolit siyasi sistem, rəvan dövlət mexanizmi kimi müstəqil dövlətin əsas atributlarına malik olmuşdur.

Pənahəli xan və İbrahimxəlil xanın dövlətçilik istedadı və diplomatiyası sayəsində öz aralarında Qafqaz üstündə rəqabət aparən Rusiya, Osmanlı və İran dövlətləri Qarabağ xanlığı ilə hesablaşırdılar.

Rusiya imperiyası 1804-1813-cü ildə Rusiya-İran müharibəsi zamanı öz mənafləri naminə Qarabağ xanlığının hərbi potensialından və ərazisindən istifadə etmiş, Peterburq Rusiya sənayesini inkişaf etdirmək üçün Qarabağın zəngin sərəvlərini, o cümlədən Rusiyada çatışmayan ipək və pambığı, təbii boyaq maddələrini cəlb etmişdir.

Qarabağ xanlığı olduqca yaxşı inkişaf etmiş kənd təsərrüfatına, sənətkarlığa, daxili və xarici ticarətə malik idi. Bunların əsasını taxılçılıq, ipəkçilik,

pambıqçılıq, maldarlıq, təbii boyaq maddələri, bağçaçılıq təşkil edirdi. Azərbaycandan uzaqlarda Qarabağ atları məşhur olmuşdur.

Qarabağ xanlığının öyrənilməsini yalnız yuxarıda sadalanan səbəblərlə məhdudlaşdırmaq düzgün olmazdı. Onun tədqiqi məhz bu gün daha aktualdır, çünki Postsovet məkanında, o cümlədən Zaqafqaziyada dövlətlərarası və etnoslararası zidiyyətlər və konfliktlər bu subregionun ölkələrinin keçmiş tarixinin şərhində də iz buraxmışdır. Burada gördüyümüz işin təsdiq etdiyini qeyd etmək kifayətdir:

- ermənişünasların Qarabağa və onun keçmişinə olan iddiaları əsassızdır;

- işdə onların erməni etnosunun Qarabağ torpağında həmişə yaşaması barədə cəhdləri ifşa edilir;

- Rusiya imperiyasının tədricən neçə müxtəlif yollarda Azərbaycana nüfuz etməsi və yerli xanlıqları, o cümlədən Qarabağ xanlığını ələ keçirməsi nümayiş etdirilir;

- Rusiya hakimiyyətinin öz ekspansiyasının cənub istiqamətində uğur qazanması məqsədilə müxtəlif vasitələrdən - dinə və geostrateji vasitələrdən necə və nə üçün istifadə etdikləri göstərilir.

Bununla yanaşı tədqiqatımız obyektiv olaraq Qarabağ probleminin dünya birliyi səviyyəsində informasiya məkanının genişləndirilməsinə kömək edir.

Qarabağ xanlığının tarixi bir neçə mərhələdən ibarətdir:

- birinci, 1747-1763 illər: bu dövlətin banisi Pənahəli xanın hakimiyyəti;

- ikinci, 1763-1805 xanlığın qüdrətli, ərazisinin maksimum genişləndirilməsi dövrü, xanlığı Qafqazın önəmli dövlətlərindən birinə çevirmiş İbrahimxəlil xanın nüfuzunun artması mərhələsi;

- üçüncü, 1805-1806-cı illəri Qarabağ xanlığının müstəqilliyinə son qoymuş və bu Azərbaycan dövlətinin faktiki ləğv olunması prosesinin başlanğıcını qoymuş Qarabağ-Rusiya Kürəkçay traktatının imzalanması;

- dördüncü, 1806-1822 illər: Mehdiqulu xanın vaxtında Qarabağ xanlığının faktiki ləğvi baş verdi;

- beşinci, 1822-ci il: Qarabağ xanlığının faktiki ləğvi.

Qarabağ xanlığının tarixi əhəmiyyəti bundadır ki, xanlıq:

- Azərbaycanın müstəqillik mərhələlərindən birini özündə təcəssüm etdirir;

- XVIII əsrin yarısı və XIX əsrin əvvəllərində həm Azərbaycanın həm də Qafqazın tarixində əlamətdar rol oynamışdır.

Karabakh khanate

SUMMARY

A definition of "Karabakh" in the ancient Turkic language means "land-garden", "country-garden", "country-vineyard". Conformably to Azerbaijan, the notion had first been used by famous sahib-vizier of Khulagides Rashid ad-Din in the 13 century. He called Karabakh as one of Khulagid state's vilayets. The point was about area between Kura and Arax rivers, i.e. central part of Caucasian Albania territory, which covered five out of eleven historical regions of this Azerbaijani state - Artsakh, Syunik, Uti, Sakasena, Paytakaran. It included towns of Gyandja and Barda, Shamkir and Shusha, Agdam and Baylakan, as well as numerous fortresses, including Bayazet and Yuman, Lemberan and Bayat, Shahbulag and Zagam, Gandzasar and Khachyn, Djraberd and Gulistan. Karabakh was the junction of important trade arteries with total length of 45 farsahs (about 300 km), which connected major towns and villages of this historical territory with the rest of Azerbaijan and other countries.

On the land of Karabakh up to the first half of the 18 century there existed different political and administrative units, including Albanian kingdom, Great principality of Albania, Khachyn principality, Karabakh beylarbekstvo; in the second half of the 18-earlier 19 centuries - Karabakh and Gyandja khanates.

It should be noted that the territory of Karabakh khanate (1747-1822) included the entire historical Karabakh: from Kura river in the north-east to Arax river in the south-east and from Mt.Murovdag in the north-east to Zangezur in the southeast; in other words, area between Kura and Arax rivers from confluence in the east to Zangezur in the west included. It was bordered by Sheki, Gyandja, Erivan, Nakhchivan, Karadag, Javad and Shamakha khanates.

Under world's famous political expert H.J. McKinder's terminology, Caucasus is a "heartland" ("middle land"), or a world's geographical axis. First, if one looks at the geographical map, it is obvious that the Caucasian land is a sort of isthmus on the Eurasian space. Second, it is crossed by routes linking the West with the East and the South with the North. Third, world empires and different tribes, travelers and merchants, scholars and missionaries, geographers and persons with civilizing missions were eager to establish themselves in the region. Fourth, the land was notable for its natural riches, abundant flora and fauna.

Up to now, Azerbaijan remains to be the heart of Caucasus: it is rich in natural resources, densely populated, disposes of convenient routes and adequate infrastructures.

Note that the Azerbaijani Karabakh khanate, subject-matter of our research, has always existed on this blissful land. By the way, Karabakh khanate, together with Gyandja, Baku, Urmiya, Sheki, Guba khanates, belonged to powerful political structures that existed in Azerbaijan in the second half of the 18 - earlier 19 centuries. These khanates possessed all main attributes of statehood their own administrative apparatus and army, coinage and dynasties of hereditary rulers - khans, pursued their independent political line and appreciably influenced the history and political life of Azerbaijan in the second half of the 18 century. It was no mere coincidence that US expert in Azerbaijani studies T.Swiatochevsky termed this period in Azerbaijan's history as epoch of independence.

Both medieval and modern history of Karabakh has always been a subject of studies by many generations of historians, both Azerbaijani and Russian, western and eastern.

Karabakh khanate was an independent state, whose head possessed unlimited power, i.e. was absolute monarch. Its capital was Shusha as residence of khan, his family and near relatives, magnates, merchants, traders, townspeople, Moslem clergy, etc. It also included principal institutions and offices of the khanate, garrison, and mint. In the centre of Shusha there rose a khan palace, principal mosque, administrative building and medrese.

Population of Azerbaijani khanates, including Karabakh, had hierarchical structure. Society was divided into two estates. First, exploiters - khans, sultans, beks with their families, dignitaries, commanders, clergy, officialdom, merchantry.

Second, exploiters - peasants, craftsmen, ordinary priests, townspeople and soldiers, traders and urban poor, i.e. overwhelming majority of the population.

As for Russia and Caucasus as a whole, there were four directions of the Russian expansion policy starting with Ivan IV the Terrible (1533-1584): southern, western, eastern and northern along which Russia tried to attain "its natural limits".

In establishing itself in Caucasus, including Transcaucasia, the Russian empire cut off road to the region for its rivals -Ottoman empire and Iranian state. To consolidate its success, Russia had to fight them at battle fields. Suffice it to recall that there were 12 Russian - Ottoman (including the First World War) wars and 2 Russian - Iranian wars for Caucasus, Black and Caspian seas.

It has to be kept in mind that the so-called "Russian arc" embraced western territories, from Balkans via the Black -Caspian seas to the Central Asia inclusive.

Touching upon inter-state and inter-ethnic relations, it should be noted that these have been permanent and topical problems of geo-politics.

Account has to be taken of the fact that triangle "Russia-Azerbaijan-Armenia" as geo-strategic problem of Caucasus for above 200 years has not yet been settled.

Integral part of the triangle - Karabakh became a geopolitical bone of contention in the early 19 century. The point is about two entities of the international law of the second half of the 18-earlier 19 centuries - Karabakh khanate and Russian empire.

The beginning of the 19 century became a turning point both in the history of Caucasian peoples and great powers, as well as regional states involved in conquering this richest land. Principal players in the reviewed period were three great powers interested in appropriating Karabakh - Russian, Ottoman and Iranian empires.

Note that earlier 19 century the Russian empire possessed huge military potentiality to compete with other states and expand its territories. For this reason, St.-Petersburg's foreign policy was concentrating around geo-strategic goals.

As a result, a treaty subsequently titled "Kurekchay" was signed on 14 May 1805 on the bank of Kurekchay river, near Gyandja, under which Karabakh khanate came under Russian subordination.

The historical importance of the document is that it put an end to independent northern khanates of Azerbaijan. Second, it helped Russia occupy related territories and subordinate their rulers. Third, it enabled Russia to gain victory over Iranian and Ottoman empires in the first third of the 19 century.

Note that Karabakh khanate was Azerbaijan's single state formation that had its own vassals - Djraberd, Gulistan, Khachyn, Varand and Dizak melikstvo.

Research into the history of Karabakh khanate, which played an important role in the political, military, social and economic life of Azerbaijan in the second of the 17 - earlier 19 centuries, made it possible to retrace regularities and distinctive features of the country as a whole.

The khanate was notable for its importance, influence, territory, domestic and foreign political activities of those who headed it. It is historical, geo-political, local, regional and international factors that explained researchers' interest in the history of Karabakh khanate.

As independent political structure, Karabakh khanate was a powerful local state of medieval Caucasus. Leaders of the khanate belonged to the family of prominent political, diplomatic and military figures of the epoch.

Karabakh khanate is a model for studying the history of medieval local states of Caucasus. Note that its history contains components - establishment, existence and evolution of identical political structures typical for the region. For this reason, the history of Karabakh khanate is logically extrapolated on the territory of the entire Caucasus.

Throughout its active existence, Karabakh khanate pursued independent domestic and foreign policy. That was during the reign of Panahali-khan (1747-1763), founder and head of the khanate, and subsequently under his son and successor Ibrahimkhalil-khan (1763-1806). They laid down principles of Karabakh statehood, put an end to secession aspirations of their vassals-meliks. In the reviewed period, Karabakh khanate was a monolith political system, a well-adjusted state mechanism with all the attributes of independent state.

It was state talent and diplomacy of Panahali-khan and Ibrahimkhalil-khan that made the Russian, Ottoman and Iranian powers, competing for Caucasus, to reckon with Karabakh khanate.

During the Russian-Iranian war of 1804-1813, the Russian empire availed itself of military potential and territory of Karabakh khanate. After Russians appropriated the khanate in 1805, Russia used riches of Karabakh, including its silk and cotton, for the development of the Russians industry.

It would be appropriate to recall that the khanate had well developed agriculture, crafts, domestic and foreign trade. These were based on cereals, silkworm breeding, cotton-growing, cattie-breeding, horticulture. Karabakh horses were famous far beyond Azerbaijan.

Research into the history of Karabakh khanate is topical today, for inter-state and inter-ethnic conflicts in Transcaucasia left their imprint on the past history of the sub-region. The work we have done so far confirms:

- flimsiness of Armenia claims to Karabakh and its past;

- futility of Armenian efforts to claim that the Armenian ethnos has always been present on Karabakh land;
- Russian aspirations to penetrate in Azerbaijan and seize local khanates, including Karabakh;
- Russia's methods of attaining its goals in the south direction, including peace and military, ethnic and political, confessional and geo-strategic methods.

At the same time, our research work is designed to expand information space of the Karabakh issue at the level of international community.

The history of Karabakh khanate consists of stages as follows:

- first, 1747-1763, reign of Panahali-khan, founder of the state;
- second, 1763-1805, period of blossoming forth of the khanate under Ibrahimkhalil-khan, where it turned into Caucasus' most powerful state;
- third, 1805-1806, signing of the Karabakh-Russian Kurekchay treaty in 1805, which put an end to Karabakh khanate and marked actual liquidation of the Azerbaijani state;
- fourth, 1806-1822, actual liquidation of Karabakh khanate under Mehtigulu-khan;
- fifth, 1822, formal liquidation of Karabakh khanate.

The historical importance of Karabakh is that it:

- personified independence period in the history of Azerbaijan;
- played an important role both in the history of Azerbaijan and the rest of Caucasus in the second half of the 18 - earlier 20 centuries.

БИБЛИОГРАФИЯ

I. Источники

1.1. Архивные

Центральный Государственный Исторический Архив

Азербайджанской Республики

1. Фонд 24, оп. 1, д. 141.
2. Фонд 52, он. 1. Д. 331.

3. Фонд 54, оп. 1, д.3.
4. Фонд 55, оп. 1, д.3.
5. Фонд 73, Управление Карабахского коменданта.
6. Фонд 94, оп. 1, д.78.
7. Фонд 130, оп. 1, д.47.

**Государственный архив политических партий и
общественных движений Азербайджанской Республики**

8. Фонд 1, оп. 169, д. 249, часть 2.

**Научный архив Института истории им.
А.А.Бакиханова
Национальной АН Азербайджана**

9. Инвентарный № 378. Каппель Г. Личный рассказ о поездке из Индии в Англию в 1824 году. Пер. с англ. Рукопись.

10. Инвентарный №466-467. Биберштейн М. Описание провинций, расположенных на левом берегу Каспийского моря, между реками Терек и Кура, 1798. Пер. с фр. С. Ашурбейли. Рукопись.

11.Инвентарный № 540. Петрушевский И.П. Ранджбары и крепостничество в Азербайджане во второй половине XVIII - первой половине XIX веков. Рукоп..

12. Инвентарный № 779. Петрушевский И.П. Азербайджанские ханства во второй половине XVIII века. Рукопись.

**Архив Института рукописей имени Физули
Национальной АН Азербайджана**

13. Инвентарный № 435. Ахвалат-и Карабах. Рукопись.

Государственный архив Республики Грузия

14. Фонд 1442, д.2274.

Государственный архив Республики Дагестан

15. Фонд 126, оп. 1.Д.11.

Центральный Государственный архив древних актов Российской Федерации

16. Фонд СРП, д. 1 (17.9).
17. Фонд СРП, д.25.
18. Фонд 1261, оп. 1, д. 1447.
19. Фонд 1406, он. 1,д.399.

Центральный Государственный военно-исторический архив Российской Федерации

20. Фонд 41, оп. 200, д.269.
21. Фонд 52, оп. 1/194, д.234 (1781).
22. Фонд 52, оп. 1/194, д.321.
23. Фонд 52, оп. 1/194, д.366, ч.Ш.
24. Фонд 52, оп. 1.Д.241.
25. Фонд 134, оп. 1, д.299 (1786).
26. Фонд 134А, оп. 1, д.299 (1796).
27. Фонд ВУА, д.51/162 (1797).
28. Фонд ВУА, д. 18486.

Центральный Государственный исторический архив Российской Федерации

29. Фонд 82, справка 1907 года, оп. 1, 7, 10, 139 (173).

Архив внешней политики Российской империи. Фонд сношений России с Персией

30. 1765 год, оп. 77/1, д.25.
31. 1782 год, оп. 77/6, д.484.
32. 1796 год, оп. 77/1, д.158.
33. 1797 год, оп. 77/1, д.158.
34. 1797 год, оп. 77/6, д.482.
35. 1800 год, он. 77/0, д.489.

Государственный архив Астраханской области

36. 1748 год, ф. 394, оп. 4, д. 101.
37. 1750 год, ф. 394, оп. 4, д. 528.

1.2. Опубликованные

38. Azərbaycan tarixi üzrə qaynaqlar. S.S.Əliyarov və Y.M.Mahmudovun redaktəsi ilə. Bakı, Azərbaycan universitetinin nəşri, 1989.
39. Bakıxanov A.A. Nadir-şahın vəfatından «Gülüstan» adlı yerdə Rusiya və İran dövlətləri arasında bağlanan sülh müqaviləsinə qədər. «Gülüstan-i İrəm», V fəsil (əlavə) // Qarabağnamələr, 2-ci kitab. Bakı, «Yazıçı», 1991.
40. Qarabağnamələr, 1-ci və 2-ci kitab. Bakı, «Yazıçı», 1989, 1991.
41. Defter-i müfəssəl Əyalət-i Gence-Qarabağ. İstanbul, Başbakanlıq arşivi, № 903.
42. Əhməd bəy Cavanşir. Qarabağ xanlığının 1747-1805-ci illərdə siyasi vəziyyətinə dair // «Qarabağnamələr», 1-ci kitab.
43. Həsən İfxa Əlizadə. Şuşa şəhərinin tarixi // «Qarabağnamələr», 2-ci kitab.
44. Həsənli Qarabaği. Qarabağ vilayətinin qədim və cədid keyfiyyət və övzalan // «Qarabağnamələr», 2-ci kitab.
45. Hüseynzadə Ə. Göhər-ağanın vəqfnamələri // Azərb. SSR EA Xəbərləri, İES, 1959, №1.
46. Mirzə Adıgözəl Qarabağnamə // «Qarabağnamələr», 1 -ci kitab.
47. Mirzə Camal Cavanşir Qarabaği. Qarabağ tarixi. // «Qarabağnamələr», 1-ci kitab.
48. Mirzə Rəhim Fəna. Tarixi-cədid-i Qarabağ // «Qarabağnamələr», 2-ci kitab.
49. Mirzə Yusif Qarabaği. Tarix-şafi // «Qarabağnamələr», 2-ci kitab.

50. Osmanlı Devleti ile Azerbaycan Türk hanlıqları arasındaki münasibetlere dair arşiv bölgeleri. Ankara, 1992.
51. Rzaqulu-bəy Mirzə Camal oğlu. Pənah-xan və İbrahim-xanın Qarabağda hakimiyyətləri və o zamanın hadisələri // «Qarabağnamələr», 2-ci kitab.
52. Xəzani Mir Mehdi. Kitab-i tarix-i Qarabağ // «Qarabağnamələr», 2-ci kitab.
53. Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Архив Главного управления наместника Кавказскою. Издан под редакцией председателя Комиссии А.Д.Берже. Тома I-IX. Тифлис, 1866-1881.
54. Андреев В. Ермолов и Паскевич. // «Кавказский сборник», том I. Тифлис, 1876.
55. Архив Государственного совета Российской империи, тт. 1-2, СПб., 1869, 1888.
56. Бакиханов А.А. Гюлистан-и Ирам. Баку, «Элм», 1991.
57. Бакиханов А.А. Сочинения, записки, письма Баку, «Элм», 1983с.
58. Березин И.Н. Путешествие по Дагестану и Закавказью. 2-е изд. Казань, 1850.
59. Большая Энциклопедия, том 20. Под ред. проф. С.Н.Южакова. СПб., 1905
60. Броневский СМ. Новейшие известия о Кавказе, собранные и пополненные С.Броевским. М, 1823; переиздание: СПб., изд-во Российской АН, 2004.
61. [Бурнашев С.Д.] Описание земель азербиджанских в Персии и их политического состояния, сделанное пребывающим при его высочестве царе Картлийском Ираклии Теймуразовиче полковником и кавалером Бурнашевым в Тифлисе в 1756 году. Курск, 1793.
62. Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа: 1722-1803 годы. Часть вторая. СПб., 1869.
63. Вейденбаум Е. Путеводитель по Кавказу. Тифлис, 1888.
64. Величко В.Л. Кавказ. Русское дело и междуплеменные вопросы. СПб., 1904.
65. Всеподданнейшее донесение генерала Ермолова от 12 апреля 1820 года. // АКАК, т. VI, ч VI, док.1273.
66. Всеподданнейший рапорт кн. Цицианова от 22 мая 1805 года. // АКАК, т. II
67. Георгиевский трактат. Исследования, документы, фотокопии В. Мачарадзе. Тбилиси, «Хеловнеба», 1983.
68. Глинка С.Н. Описание переселения армян адербиджанских в пределы России. СПб., 1831.

69. Гмелин С.Г. Путешествие по России для исследования всех трех царств природы, ч.III. СПб., 1785.
70. Грамоты и другие исторические документы XVIII столетия, относящиеся до Грузии. Том II. Вып. III. С 1768 по 1801 годы. СПб., 1902.
71. Джебдет-паша. Описание событий в Грузии и Черкесии по отношению к Османской империи с 1192 по 1202 годы хиджры. // «Русский архив», 1888, том I.
72. Договоры России с Востоком: политические и торговые. Сост. Т.П.Юзефович. СПб., 1869, разная пагинация.
73. Дубровин Н.Ф. Закавказье от 1803 - 1806 года. СПб., 1866.
74. Дубровин Н.Ф. История войны и владычества русских на Кавказе, тома I-VI, СПб., 1871-1888, т.I, в 3-х книгах.
75. Егиазаров С.А. Исследования но истории учреждений в Закавказье. Часть I. Сельская община. Часть II. Городские цехи. Казань, 1889, 1891.
76. Ермолов А.П. Записки Ермолова Алексея Петровича. Части 1 и 2. 1801-1827 годы. М., 1865-1868.
77. Записка о правах беков, агаларов, наибов, старшин магальных и прочих, и о влиянии владельцев на поселян и обязанностях сих последних к помещикам. //АКАК, т.VIII, док.354.
78. Зубарев Д. Записка о Карабахской провинции. //АКАК, том VII, док. 411.
79. Зубов П. Картина Кавказского края, принадлежащего России, и сопредельных оному земель, в историческом, статистическом, этнографическом, финансовом и торговом отношениях. Части 1, 2, 3. СПб., 1834, 1835.
80. История Азербайджана по документам и публикациям. Под ред. З.М.Бунятова. Баку, «Элм», 1990.
81. История, география и этнография Дагестана XVIII-XIX веков. Архивные материалы. М., издательство АН СССР, 1938.
82. Каспари А.А. Очерки исторического прошлого и современного положения Кавказа. СПб, 1904.
83. Кавказский календарь на 1848 год. Тифлис, 1847, разная пагинация.
84. Кишмишев С.О. Походы Надир-шаха в Герат, Индию и события в Персии после его смерти. Тифлис, 1889.
85. Колониальная политика российского царизма в Азербайджане в 20-60-е годы XIX века. Часть I. Феодалные отношения и колониальный режим. 1827-1843 годы. М.-Л., изд-во АН СССР, 1936.
86. Меньшиков М.О. Национальная империя. М, издво «Имперская традиция», 2004.

87. О возвращении имени вернувшемуся из ссылки бывшему наследнику Карабагского хана Джафаргулу-аге. // В кн. «Колониальная политика российского царизма в Азербайджане», часть I.

88. Обзорение российских владений за Кавказом в статистическом, этнографическом, топографическом и финансовом отношениях. Тома I-IV. СПб., 1836.

89. Описание Карабагской провинции, составленное в 1823 году по распоряжению главноуправлявшего в Грузии Ермолова действительным статским советником Могилевским и полковником Ермоловым 2-м. Тифлис, 1866.

90. Очерк крепости Шуши и всего Карабаха. // Газ. «Северная пчела», 1836, №210-212.

91. Пагирев Д.Д. Алфавитный указатель к пятиверстной карте Кавказского края. // Записки КОИРГО, том 50. Тифлис, 1913.

92. Петрушевский И.П. Персидские официальные документы XVI-XIX веков как источник для истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении. // «Проблемы источниковедения». Сб. III. М.-Л., 1940.

93. Письмо генерал-лейтенанта А.А.Вельяминова Мехтигулу-хану от 8 июля 1822 года. // АКАК, том VI, часть I.

94. Письмо Мехтигулу-хана князю И.Н.Абхазову от 21 июля 1827 года. // АКАК, т. VII.

95. Потто В.А. Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях, тома I-V. СПб. - Тифлис, 1885-1891; переиздание - Ставрополь, изд-во «Кавказский край», 1994.

96. Потто В.А. Первые добровольцы Карабаха в эпоху водворения русского владычества. Тифлис, 1902.

97. Прокламация генерала А.П.Ермолова жителям Карабагского ханства от ноября 1822 года. // АКАК, том VI, ч I, док. 1299.

98. Рашид-ад Дин. Переписка. Пер. А.И. Фалиной. М, «Наука», 1971.

99. Романовский Д. Кавказ и Кавказская война. СПб., 1860; переиздание - М., изд-во «Государственная публичная историческая библиотека России», 2004.

100. Сегаль И. Елизаветпольская губерния. Впечатления и воспоминания. // «Кавказский вестник», 1902, №1 и 3.

101. Скибицкий М.А. Карабахские казенные летние пастбища. // «Материалы для устройства казенных летних и зимних пастбищ и для изучения скотоводства на Кавказе». Тифлис, 1899, т.4.

102. Талага Мехтигулу-хана князю В.Г.Мадатову. // АКАК, том VI, часть I.

103. Утверждение русского владычества на Кавказе, том I. Под ред. В.А.Потто. Тифлис, 1901.
104. Фадеев Р.А. Кавказская война. Переиздание работ автора-генерала XIX века, впервые увидевших свет в 1889 году: М., изд-во «ЭКМО», 2003.
105. Фирман шаха Аббаса III Сефевида на имя мелика Баги. // АКАК, том VI, ч.I.
- 106.Шавров Н.Н. Новая угроза русскому делу в Закавказье: предстоящая распродажа Мугани инородцам. СПб., 1911.
- 107.Шавров Н.Н. Очерк шелководства в Закавказье. // Свод МИЭБГКЗК, том IV. часть 2. Тифлис, 1888.
108. Шавров Н.Н. Русский путь в Закавказье. СПб., 1883.
- 109.Шопен И.И. Исторический памятник состояния Армянской области в эпоху ее присоединения к Российской империи. СПб., 1852.
110. Эсадзе С. Историческая записка об управлении Кавказом, том 1. Тифлис, 1907.

II. Исследования

- 111.Abdullayev M. Xanlıqlar və rus müstəmləkəçiliyi dövründə Şimali Azərbaycanla əqrar münasibətlər (XIX əsrin 40-cı illərinə qədər). Bakı, «Adiloğlu», 2005.
- 112.Ağamalı F. XVIII əsrin ikinci yarısı - XIX əsrin əvvəllərində Qüzey Azərbaycan xanlıqlarının sosial-iqtisadi vəziyyəti. Bakı, «Azərbaycan Ensiklopediyası», 1999.
- 113.Ağamalı Y.F. Qarabağ xanlığının qonşu xanlıqlar və dövlətlərlə münasibətləri. Bakı, «Azərbaycan Ensiklopediyası», 1998.
- 114.Axundov N.F. Qarabağ salnamələri. Bakı, «Yazıçı», 1989.
- 115.Azərbaycan tarixi. Z.M.Bünyadov və Y.B.Yusifov redaktəsi ilə. Bakı, «Azərbaycan nəşriyyatı», 1994.
- 116.Azərbaycan tarixi. S.S.Əliyarlının redaktəsi ilə. Bakı, Azərb. nəşr., 1996.
- 117.Azərbaycan tarixi, yeddi cildə. III və IV cild. Bakı, «Elm», 1999, 2000.
- 118.Cavadov G., Hüseynov R. Udilər. Bakı, «Elm», 1999.
- 119.Dəlili H.Ə. Qarabağ xanlığının banisi Pənahəli-xan haqqında yeni məlumat // Azərb. SSR EA Xəbərləri, Tarix, fəlsəfə, hüquq seriyası (TFHS), 1971, №1.

- 120.Əliyev F.M. XVIII əsrin ikinci yarısında Şimali Azərbaycan şəhərləri. Bakı, Az.SSR EA nəşriyyatı, 1960.
- 121.Əliyev F.M. XVIII əsrin birinci yarısında Azərbaycanda ticarət. Bakı, «Elm», 1964.
- 122.Əliyev S. Xəzər dənizi tarixi xəritələri. Bakı, «Elm», 1973.
- 123.Hacıyeva Z.Ə. Qarabağ xanlığı: sosial-iqtisadi münasibətlər və dövlət quruluşu. Bakı, «Təhsil», 2007.
124. Həmidova Ş.P. XVIII əsrin ikinci yarısında Azərbaycan-Gürcüstan münasibətləri tarixindən. Bakı, «Elm», 1985.
- 125.Həmidova Ş.P. Qarabağ xanlığının Kartli-Kaxetiya çarlığı ilə münasibətləri tarixindən (XVIII əsrin 80-90-cı illəri) // Azərb. SSR EA Xəbərləri, TFHS, 1969, N»2.
- 126.İsmayilov M.Ə. Şəki. Bakı, Azərb. nəşr., 1982.
- 127.İsmayilov M.Ə., Bağırova M.M. Şəki xanlığı. Bakı, Azərnəşr, 1997.
- 128.Köçərli T.Q. Qarabağ. Bakı, «Elm», 2002.
- 129.Mahmudov Y., Şükürov K. Qarabağ. Real tarix, faktlar, sənədlər. Bakı, «Təhsil», 2005.
- 130.Məmmədov H.M. Osmanlı imperiyasının xarici siyasətində Azərbaycan xanlıqları // Azərb. SSR EA Xəbərləri, TFHS, 1989, № 3.
131. Mustafayev T.T. Qarabağ (Gəncə) bəylərbəyliyi XVIII əsrin birinci qərindəndə // Azərb. SSR EA Xəbərləri, TFHS, 1988, № 3.
132. Mustafayev T.T. XVIII əsrin birinci yarısında Azərbaycanda Rusiya meylin güclənməsi. Bakı, «Elm», 1985.
- 133.Mustafayeva H.Ç. Cənubi Azərbaycan xanlıqları. Bakı, Azərnəşr, 1995.
- 134.Mustafazadə T.T. XVIII yüzillik - XIX yüzilliyin əvvəllərində Osmanlı-Azərbaycan münasibətləri. Bakı, «Elm», 2002.
- 135.Piriyev V.Z. Azərbaycanın tarixi-siyasi coğrafiyası. Bakı, «Müəllim nəşriyyatı», 2006.
- 136.Şükürzadə Ə.B. Qarabağlı Pənah xan // «Vətən uğrunda», 1943, N 6.
- 137.Şükürzadə Ə.B. Vaqif dövründən (tarixi oçerk). // «İnqilab və mədəniyyət», 1940, № 12.
- 138.Tağıyeva Ş., Rəhimli Ə., Bayramzadə Ş. Güney Azərbaycan. Bakı, Orxan, 2000.
- 139.Türkiye Tarihi. Gilt 3. Osmanlı Devleti: 1600- 198. Ankara, 2002.
- 140.Yusibov İ.N. XVIII əsrin axırlarında Azərbaycanda rəiyyətlərin vəziyyətinə dair // Azərb. SSR EA Məruzələri. 1954,X cild, № 5.
- 141.Абасов Ф.М. Создание Карабагского ханства // Tarix və onun problemləri. Bakı, 2006, №3.

- 142.Абдуллаев Г.Б. Азербайджан в XVIII веке и взаимоотношения его с Россией. Баку, изд-во АН Азерб. ССР, 1965.
- 143.Абдуллаев Г.Б. Из истории северо-восточного Азербайджана в 60-80-е годы XVIII века. Баку, изд-во АН Азерб. ССР, 1958.
- 144.Абегян М. История древнеармянской литературы. Ереван, изд-во АН Арм. ССР, 1975.
- 145.Авалов Э. Архитектура города Шуши и проблема сохранения его исторического облика. Баку, «Элм», 1977.
- 146.Адонц Н. Армения. // Новый энциклопедический словарь Брокгауза Ефрона, том 3. СПб., 1912.
- 147.Алиев Ф.М. Азербайджан в XVIII веке. // В сб.: «Историческая география Азербайджана».
- 148.Алиев Ф.М. Карабахское ханство (XVIII век). // В кн.: «Карабах. Очерки истории и культуры».
- 149.Алиев Ф.М. Миссия посланника русского государства А.П.Волынского в Азербайджане. Баку, «Элм», 1979.
- 150.Арунова М.Р., Ашрафян К.З. Государство На дир-шаха Афшара. М., «Наука», 1958.
- 151.Арутюнова-Фиданян В.А. Повествование о делах армянских. VII век. Источник и время. М., изд-во «ИНДРИК», 2004.
- 152.Арутюнян Ш.Р. История армянского народа. Учебник для X класса. Ереван, изд-во «Луис», 1979.
- 153.Балаян З. «Очаг». Ереван, изд-во «Советакан грох», 1984.
- 154.Босворт К.Э. Мусульманские династии. М., «Наука», 1971.
- 155.Буниятов З.М. Азербайджан в VII-IX веках. // Избранные сочинения, том I. Баку, «Елм», 1999.
- 156.Вердиева Х.Ю. Переселенческая политика Российской империи в Северном Азербайджане: XIX – начало XX веков. Баку, «Алтай», 1999.
- 157.Вердиева Х.Ю., Гусейн-заде Р.А. «Родословная» армян и их миграция на Кавказ с Балкан. Баку, «Елм», 2003.
- 158.Гаджиева СМ. Азербайджан в русско-иранских отношениях в 80-е годы XVIII века. // Известия АН Аз. ССР, Серия истории, философии, права (СИФП), 1984, №4.
- 159.Гарабаг: Кюрекчайский договор - 200. Баку, «Тахсил», 2005.
- 160.Гасанлы Дж. П. СССР-Турция: полигон холодной войны. Баку, «Адилоглы», 2005.
- 161.Гасанов И.М. Частновладельческие крестьяне в Азербайджане в первой половине XIX века. Баку, изд-во АН Азерб. ССР, 1957.

162. Губайдулин А. Феодалные классы и крестьянство в Азербайджане в XIX веке. // «Известия вост. Факта АГУ», 1928, №3.
163. Гукасян В.Л. Удинско-азербайджанско-русский словарь. Баку. «Элм», 1974.
164. Гусейнзаде А.А. Почему Ибрагим Халил-хан оставил Шушу в 1797 году? // Доклады АН Азерб. ССР, 1969, т. XXV, №1.
165. Гусейнов Р.А., Вердиева Х.Ю. История Азербайджана. С древнейших времен по 1920 год. Баку, «ОЗАН», 2000.
166. Дадашев Г.А. О феодально-крепостнических остатках в пореформенном Азербайджане. // Труды Азерб. филиала НМЛ при ЦК КПСС, т. XX, 1975.
167. Дадашев С.А., Усейнов М.А. Архитектура Азербайджана III-XIX веков. М., изд-во «Академия архитектуры СССР», 1948.
168. Деревянко А.П., Шабельшкова Н.А. История России. М., изд-во «МАНГРУВ», 2004.
169. Джамал С. Карабах в административно-политической системе Российской империи в XIX - начале XX веков. // Журн. «IRS-Наследие», 2005, №2-3.
170. Древнетюркский словарь. Л., «Наука», 1969.
171. Дружинина Е.И. Кючук-Кайнарджийский мир 1774 года. М., изд-во АН СССР, 1955.
172. Ибрагимбейли Х.М. Россия и Азербайджан в первой трети XIX века (Из военно-политической истории). М., «Наука», 1969.
173. Иванов М.С. Очерк истории Ирана. М., Госполитиздат, 1952.
174. Искендерова М.С. Азербайджано-русские отношения конца XVIII - XIX веков в трудах азербайджанских историков - хронистов XIX века // Известия АН Азерб. ССР, СИФП, 1998, №3.
175. Исмаилов Э.Р. Власть и народ. Баку, «Адилоглы», 2003.
176. Историческая география Азербайджана. Сборник статей. Баку, «Элм», 1987.
177. История Азербайджана в 3-х томах. Тома I и II. Баку, изд-во АН Азерб. ССР, 1958, 1960.
178. История Азербайджана. С древнейших времен до начала XX века. Под ред. И.Алиева. Баку, «Элм», 1995.
179. История армянского народа. Ереван, изд-во «Айпетрат», 1951.
180. История армянского народа. Ереван, изд-во Ереванского университета, 1980.
181. История дипломатии, том I. М., «Госполитиздат», 1959.

- 182.История народов Северного Кавказа, тома 1 и II. М., «Наука», 1988.
- 183.Капанцян Г.А. Историко-лингвистические работы. К начальной истории армян. Древняя Малая Азия. Ереван, изд-во АН Арм. ССР, 1956.
- 184.Капанцян Г.А. Хайаса - колыбель армян. Ереван, изд-во АН Арм. ССР, 1947.
- 185.Карабах. Очерки истории и культуры. Под общей редакцией член-корр. НАНА А.А. Аббасова. Баку, «Чашьюглу», 2004.
- 186.Карабах. // Журн. «IRS-Наследие», 2005, №2-3.
- 187.Карагезов Р. Метаморфозы коллективной памяти в России и на Центральном Кавказе. Баку, «Нурлан», 2005.
- 188.Кузнецова Н.А. Иран в первой половине XIX века. М., «Наука», 1983.
- 189.Левиатов В.Н. Очерки из истории Азербайджана в XVIII веке. Баку, изд-во АН Азерб. ССР, 1948.
- 190.Лисицына Г.Г. Предисловие. // В кн. «Кавказ и Российская империя: проекты, идеи, иллюзии и реальность. Начало XIX - начало XX веков». СПб., изд-во журнала «Звезда», 2005.
- 191.Локкарт О. Надир-шах. Пер. с англ. Баку, «Ганун», 2004.
192. Лысцов В.П. Персидский поход Петра I. 1722-1723. М., изд-во МГУ, 1951.
- 193.Маккарти Дж., Маккарти К. Тюрки и армяне. Руководство по армянскому вопросу. Пер. с англ. Баку, Азербнешр, 1996.
- 194.Мамедов С.А. Азербайджан по источникам первой половины XV - первой половины XVIII веков. Баку, «Элм», 1993.
- 195.Мамедова Г.Н. Русские консулы об Азербайджане (20-60-е годы XVIII века). Баку, «Элм», 1989.
- 196.Маркова О.П. Россия, Закавказье и международные отношения в XVIII веке. М., «Наука», 1966.
- 197.Махмудов Я.М. Взаимоотношения государств Аккоюнлу и Сефевидов с западноевропейскими странами (II половина XV - начало XVII веков). Баку, изд-во Бакинского университета, 1991.
- 198.Мильман А.Ш. Политический строй Азербайджана в XIX - начале XX веков. Баку, Азербнешр, 1966.
- 199.Мустафаев Дж.М. Северные ханства Азербайджана и Россия (конец XVIII - начало XIX веков). Баку, «Элм», 1989.
- 200.Мустафаев М.М. Экономика Гарабагского ханства в конце XVIII - первой трети XIX веков. Автореф. канд. дисс. М., Изд-во АН ССР, 1953.

201. Нагиева Дж. М., Нуралиева Т.Н. Личные и казенные печати. Баку. «Элм», 1991.
202. Нарочницкая Н.А. Россия и русские в мировой истории. М., изд-во «Международные отношения», 2004.
203. Несмачная С. Первые издания архивных документов на Кавказе. // «Кавказский сборник», том II (34). М., 2005.
204. Новичев А.Д. Турция. Краткая история. М., «Наука», 1965.
205. Орлов А.С., Георгиев В.А., Полунов А.К.), Терещенко Ю.Я. Основы курса истории России. М., изд-во «Простор», 2000.
206. Очерки по истории Азербайджана. // Известия АН Аз. ССР, Отделение общественных наук (ООН), 1946, вып. 1; №1; вып. 2, №5; вып. 3, №7.
207. Парсамян В.А. История армянского народа. Учебник для IX класса. Ереван, изд-во «ЛУИС», 1979.
208. Пахомов Е.А. Монетные клады Азербайджана и других республик, краев и областей Кавказа. Вып. I-IX. Баку, изд-ва Общества обследования и изучения Азербайджана и АН Аз. ССР, 1926-1959.
209. Петрушевский И.П. Азербайджан в XVI-XVII веках. // ССИА, вып. I.
210. Петрушевский И.П. Очерки по истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении в XVI – начале XIX веков. Л., изд-во ЛГУ, 1949.
211. Петрушевский И.П. Система русского колониального управления в Азербайджане в первой половине XIX века. // В кн. «Колониальная политика российского царизма в Азербайджане в 20-60-е гг. XIX века», ч. I.
212. Присоединение Азербайджана к России и его прогрессивные последствия в области экономики и культуры (XIX - начало XX веков.)- Подед. Гулиева А.Н. и В.Д. Мочалова. Баку, изд-во АН Аз. ССР, 1955.
213. Присоединение Кавказа к России: XIX век. СПб., изд-во «Дмитрий Буланин», 2005.
214. Раджабли А. Нумизматика Азербайджана, Баку, изд-во «Элм вяхайат», 1997.
215. Рахмани А.А. Азербайджан в конце XVI и в XVII веке (1590-1700). Баку, «Элм», 1981.
216. Саркисян Г.Х., Худавердян К.С, Юзбашян К.Н. Потомки Хайка. Ереван, изд-во «Армянская энциклопедия», 1998.
217. Сборник статей по истории Азербайджана (ССИА), вып. I. Баку, изд-во АН Аз. ССР, 1949.
218. Свентоховски Т. Русский Азербайджан: 1905- 1920. Пер. с англ. // Журн. «Хазар», 1990, №1.

- 219.Сумбатзаде А.С. Азербайджанцы - этногенез и формирование народа. Баку, «Элм», 1990.
- 220.СССР. Административно-территориальное деление союзных республик на 1 января 1987 года. М., изд-во «Известия», 1987.
- 221.Фарзалиев А.М., Мамедова Р.М. Сефевиды и Великие моголы в мусульманской дипломатии. СПб., издание филологического факультета СПб. ун-та, 2004.
- 222.Шевякин А.П. Загадка гибели СССР. История заговоров и предательств. М., изд-во «Вече», 2004.
- 223.Широкоград А.Б. Русско-турецкие войны: 1676- 1918 годы. Минск-М., изд-ва «Харвест» и «АСТ», 2000.
- 224.Шишов А.В. Схватка за Кавказ: XVI-XX века. М., изд-во «Вече», 2005.
- 225.Шукюрзаде Э.Б. Государственное устройство Гарабагского ханства в XVIII веке. Автореф.канд.дисс. М., Изд-во АН СССР, 1947.
- 226.Шукюрзаде Э.Б. Генеалогическая таблица Кара бахских ханов // Доклады АН Аз. ССР, т. XXXVII, 1981, №7.
- 227.Шукюрова Р.М. Новый документ (кабала) №4 о владениях Карабахского хана Ибрагимхалил-хана. // В кн.: «История Азербайджана по документам и публикациям».
- 228.Эфендиев М.М. К вопросу об институте ранджбарства в Азербайджане в XIX веке. // Труды Ин-та истории и философии АН Аз. ССР, том II, 1952.
- 229.Эфендиев М.М. Частновладельческие ранджбары в Азербайджане в XIX веке. // Известия АН Аз. ССР, ООН, 1955, №10.
- 230.Юзбашян К.Н. Армянские государства эпохи Багратидов и Византия IX-XI веков. М., «Наука», 1988.
- 231.Юнусова Л.И. Торговая экспансия Англии в бассейне Каспия в первой половине XVIII века. Баку, изд-во АН Азерб. ССР, 1988.
- 232.Baddeley John. The Russian Conquest of the Caucasus. London, Longman Green and Co., 1908.
- 233.Mackinder HJ. The Geographical Pivot of History. // «The Geographical Journal», April, 1904, vol. XXIII, no.4.
- 234.Zambaur de E. Manuel de Genealogie et de Chronologic pour l'Histoire de l'Islam. Hannover, 1927 (переиздание - Bad Pyrmont, 1955).

Abasov Fəxri Mütət oğlu
QARABAĞ XANLIĞI
Bakı, «Təhsil», 2007

Редактор *Эльшада Азизова*
Художественный редактор *Абдулла Алекперов*
Компьютерный дизайнер *Сабина Мамедова,*
Ромен Кулиев

Корректор *Севиндж Гаджиева*

Подписано к печати 07.11.2007. Формат бумаги 60x84 ¹/₁₆
Физ. печ. л. 17,5. Заказ 92. Цена договорная.